

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

УВАРОВ Андрей Алексеевич

**КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ
«ЭГОЦЕНТРИЗМ» В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **Н.Н. Панченко**

Волгоград – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	14
1.1. Понятие дискурса и подходы к его классификации	14
1.2. Понятие академического дискурса и его структура	21
1.3. Жанровое пространство академического дискурса	27
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	37
ГЛАВА 2. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЭГОЦЕНТРИЗМА	40
2.1. Эгоцентризм в ряду смежных понятий	40
2.2. Психологический аспект эгоцентризма	53
2.3. Философский аспект эгоцентризма	63
2.4. Лингвистический аспект эгоцентризма	68
2.4.1. Лингвистический статус эгоцентризма в современных исследованиях	68
2.4.2. Понятие коммуникативной категории	73
2.4.3. Субкатегории как идентификаторы эгоцентризма	83
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	109

ГЛАВА 3. СРЕДСТВА МАНИФЕСТАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ЭГОЦЕНТРИЗМА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	112
3.1. Маркеры коммуникативной категории эгоцентризма	112
3.2. Реализация коммуникативной категории эгоцентризма в жанровом пространстве академического дискурса	121
3.2.1. Методика исследования эгомаркированности речевых жанров академического дискурса.....	121
3.2.2. Анализ средств реализации коммуникативной категории эгоцентризма в речевых жанрах академического дискурса	125
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
БИБЛИОГРАФИЯ	160
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	181
ПРИЛОЖЕНИЯ	185

ВВЕДЕНИЕ

Категория эгоцентризма представляет собой многоаспектное явление и может рассматриваться с различных исследовательских позиций – когнитивной, характеризующей процессы восприятия и мышления; этической, проявляющейся в непонимании моральных оснований поведения других людей; коммуникативной, обуславливающей и выявляющей трудности в общении.

Научная работа выполнена в русле современных дискурсивных исследований в фокусе антропоцентрического подхода к изучению языковых феноменов.

Актуальность проведенного исследования обусловлена его ориентацией на субъект коммуникации, соотнесенностью анализируемой проблемы с антропологической парадигмой современных гуманитарных направлений; значимостью дискурсивного подхода к исследованию языка; возрастающей ролью жанрового моделирования дискурса. Актуальность диссертации подтверждается также неординарностью исследуемого научного объекта – эгоцентризма как коммуникативной категории.

Степень разработанности проблемы. Эгоцентризм в лингвистических исследованиях рассматривается в широком (классическом) и узком понимании. Авторы, отдающие предпочтение широкому толкованию эгоцентризма, трактуют последний как «отношение дискурса к его автору, говорящему как языковой личности» [Гергокаева, 2008; Степанов, 1985], т.е. как любую манифестацию Я говорящего, репрезентирующую его индивидуальные, психологические, социальные предпочтения.

В более узком понимании проблема эгоцентризма, эгоцентрическая позиция говорящего затрагивалась в ряде работ отечественных лингвистов в связи с изучением закономерностей становления эгоцентризма в онтогенезе, выявлением его природы в речемыслительной деятельности, рассмотрением его актуализации в языке на разных стадиях формирования [Хомякова, 2002],

как универсальный принцип построения литературно-художественного текста [Гончарова, 1998; 2013] и как один из ведущих текстообразующих факторов в литературной коммуникации [Породин, 2007], как текстообразующий фактор в художественной коммуникации или текстах деловой и повседневной коммуникации с релевантной эгоцентрической позицией автора [Абросимова, 2018; 2018(a); 2019], как особый прагматический прием построения эгоцентрически маркированных нормативных текстов [Большакова, 2019]. При этом эгоцентрические языковые средства выступают объектом изучения реляционной стилистики текста [Goncharova, 2017].

В традициях Санкт-Петербургской лингвистической школы (Н.Г. Абросимова, Т.М. Большакова, Е.А. Гончарова, И.В. Породин) эгоцентрический текст рассматривается как текст, в структуре которого субъект речи (создатель текста) «систематически вербализует свои собственные, сугубо индивидуальные взгляды и точки зрения» [Абросимова, 2019, с. 7]. В соответствии с таким подходом, обуславливающим изучение эгоцентризма как формально-содержательного принципа текстопостроения, на статус эгоцентрических текстов автоматически претендуют автобиографии, личные заявления и личные письма, авторизованные объявления (о поиске партнера, жилья, работы, сообщения о смерти близкого, рождении ребенка, свадьбе, поздравления), мемуары, в том числе исторические и военные, и другие тексты, основным содержанием которых является сосредоточенность говорящего на собственном Я.

В настоящем исследовании эгоцентризм рассматривается в принципиально ином свете, как коммуникативная категория, тема диссертации, таким образом, определяет новый ракурс исследования.

Научная новизна проведенного исследования обусловлена выбором эгоцентризма в качестве объекта исследования. Новизна определяется недостаточной изученностью проблем речевой манифестации эгоцентризма, а также отсутствием работ, рассматривающих эгоцентризм как

коммуникативную категорию вообще и реализуемую в академическом дискурсе в частности. Научно новым является выявление и описание субкатегорий, конкретизирующих и идентифицирующих коммуникативную категорию эгоцентризма в академическом дискурсе.

Объект исследования – коммуникативная категория эгоцентризма.

Предметом исследования выступает специфика реализации коммуникативной категории эгоцентризма в академическом дискурсе.

Цель диссертационного исследования – выявление и описание особенностей реализации коммуникативной категории эгоцентризма, средств и способов ее манифестации в речевых жанрах академического дискурса.

Для достижения данной цели сформулированы следующие **задачи**:

1. Проанализировать подходы к определению академического дискурса и описать структуру его жанрового пространства.
2. Рассмотреть эгоцентризм как междисциплинарный феномен и описать существующие в современной коммуникативно-дискурсивной парадигме подходы к определению его лингвистического статуса.
3. Уточнить содержание понятий «эгоцентризм» и «коммуникативная категория».
4. Выявить и описать конкретизирующие коммуникативную категорию «эгоцентризм» частные коммуникативные категории.
5. Определить и проанализировать средства реализации коммуникативной категории эгоцентризма в центральных речевых жанрах академического дискурса.

Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации существующих в отечественной и зарубежной лингвистике знаний об академическом дискурсе, описании его жанрового разнообразия и определении жанровой специфики, уточнении понятия «коммуникативная категория», конкретизации методики ее изучения. Работа вносит определенный вклад в развитие дискурсивной лингвистики, теории коммуникации, в дальнейшее изучение коммуникативных категорий. В этой

связи теоретически значимым нам представляется обоснование изучения эгоцентризма как коммуникативной категории. Предлагаемые научной общественности выводы, сформулированные в диссертации, могут способствовать развитию теории коммуникативного эгоцентризма.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования теоретического и практического материала в лекционно-семинарских вузовских спецкурсах по прагматике, коммуникативной лингвистике, теории дискурса. Методика анализа коммуникативной категории эгоцентризма может быть рекомендована к использованию в педагогической практике при разработке тематики и подготовке бакалаврских и магистерских выпускных квалификационных работ. Полученные результаты могут быть полезны при составлении методических рекомендаций, адресованных студентам, магистрантам и аспирантам и предназначенных для написания и оформления научных работ различных речевых жанров.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в следующих областях:

- *антропологическая лингвистика*, ориентированная на антропоцентричность лингвистических изысканий, изучающих язык с акцентом на той доминирующей роли, которая принадлежит порождающему и интерпретирующему его человеку (Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, С.Г. Воркачев, В. Гумбольдт, Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов и др.);
- *дискурсивная лингвистика* (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, Т.А. Воронцова, И.Р. Гальперин, Т. Ван Дейк, В.И. Карасик, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, Г.Н. Манаенко, А.В. Олянич, Т.Н. Цинкерман, Е.И. Шейгал, М. Stubbs и др.), включающая исследования, посвященные *академическому дискурсу* (Н.В. Казакова, М.Ю. Олешков, И.П. Хутыз, К.М. Шилихина, К. Nyland, J. Kiesendahl, J. Swales и др.), *коммуникативным категориям* (Е.П. Захарова, И.А. Стернин, Н.Н. Панченко, С.С. Тахтарова, Е.И. Шейгал, М.В. Шаманова и др.);

– жанроведение (М.М. Бахтин, А. Вежбицкая, В.Е. Гольдин, В.В. Дементьев, Н.Н. Дюмон, М.Н. Кожина, К.Ф. Седов, Т.Н. Хомутова, Т.В. Шмелева, I. Fortanet и др.).

Применительно к объекту настоящего исследования существенными являются следующие **теоретические положения**:

- Антропоцентрическая парадигма детерминирует акцентирование лингвистической проблематики на коммуникативном субъекте во всем многообразии его проявлений: Я – физическое, Я – социальное, Я – интеллектуальное, Я – эмоциональное, Я – речемыслительное. Человек постигает окружающую действительность через осознание себя и своей деятельности в окружающем мире (В.В. Красных, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов).

- Эгоцентризм находится в логическом отношении «частное – общее» с понятием антропоцентризма, рассматривается как составная часть последнего (Н.Г. Абросимова; Е.А. Гончарова; И.В. Породин, Е.Г. Хомякова).

- Мышление как таковое и процесс его транспозиции в словесно-речевые произведения по своей сути эгоцентричны и интроспективны (Н.Г. Абросимова; В.Г. Адмони, 1994; М.М. Бахтин, 1975, 1978; В.В. Виноградов, 1971; Е.А. Гончарова, 1989, 2013; И.В. Породин, 2007).

В основу выполненного исследования была положена следующая **гипотеза**: эгоцентризм является необязательной коммуникативной категорией, вербализуемой в устных и письменных речевых жанрах академического дискурса с помощью ряда коммуникативных средств, которые выступают эгоцентрическими маркерами, идентифицирующими реализацию коммуникативной категории в дискурсе.

Материал исследования. В качестве основного эмпирического материала использовались примеры из учебников, отзывов, научных статей, расшифровок академических лекций, выбор которых из всего многообразия жанров академического дискурса обусловлен их принадлежностью к

ядерному жанровому пространству рассматриваемого дискурса, его учебно-педагогической и научно-исследовательской разновидностей.

Проанализировано 50 лекций, 425 научных статей, 30 учебников и учебных пособий, 165 отзывов, хронологически датируемых 2000–2024 гг. Общий объем проанализированного материала составил 751,8 п.л.

Иллюстративный материал включает также данные толковых, энциклопедических, этимологических словарей, материалы Национального корпуса русского языка.

В ходе диссертационного исследования были сформулированы следующие **основные положения**, выносимые на защиту:

1. Академический дискурс как институциональный вид дискурса представляет собой сложно-динамичный коммуникативный феномен, реализуемый в вузовской среде и объединяющий в своей структуре учебно-педагогическую и научно-исследовательскую составляющие. Жанровое наполнение его коммуникативного пространства не является одномерным и однозначным, представлено комбинацией условно первичных и вторичных речевых жанров научного и педагогического дискурсов. В жанровом пространстве академического дискурса выделяются центральные речевые жанры, располагающиеся в ядерной и околоядерной зонах и коррелирующие с наиболее значимыми видами академической деятельности, – лекция, учебник, научная статья, отзыв.

2. Содержательный минимум понятия «эгоцентризм», фиксируемый в наивно-языковой картине мира, не отличается четкостью и дефиниционностью. Эгоцентризм в научной картине мира предстает как неспособность говорящего понять точку зрения и взгляды окружающих, отличные от собственных, отсутствие восприятия необъективности своего взгляда на окружающую действительность, как следствие, неумение адаптировать свое коммуникативное поведение под конкретную коммуникативную ситуацию. Эгоцентризм противопоставлен децентрации, связанной с установкой на восприятие других точек зрения, принятие других

ценностей и взглядов. Эгоцентричную личность можно определить как индивида со сниженными эмпатическими свойствами, неспособного принимать и учитывать информацию, противоречащую собственному опыту, как обладателя специфической позиции, которая характеризуется исключительностью, сосредоточенностью на собственных интересах и переживаниях.

3. Коммуникативная категория, реализуемая в дискурсе и отображающая его параметры или признаки, предстает как синтез дискурсивно значимого содержания и неразрывно связанного с ним комплекса средств его выражения. Коммуникативная категория эгоцентризма относится к категории необязательного типа, планом содержания которой является исключительность Я-позиции говорящего, его сконцентрированность на себе, что находит выражение в сочетании ряда коммуникативных средств. Коммуникативная категория эгоцентризма конкретизируется благодаря субкатегориям авторитетности, самопрезентации и субъективности, выступающих средством ее выражения и идентифицирующих ее проявление в академическом дискурсе.

4. Средствами манифестации коммуникативной категории эгоцентризма в академическом дискурсе, помимо эгореференциальных маркеров *Я, мой*, выражающих эгоцентризм в эксплицитном виде, выступают следующие эгомаркеры, репрезентирующие авторитетность: 1) апелляция к собственному статусу, опыту и достижениям; 2) отождествление себя с признанными учеными; 3) деконструкция авторитета других; самопрезентацию: 1) позитивное самооценивание; 2) акцентирование Я-позиции; субъективность: 1) экспрессивность; 2) нарушение стилистических норм и жанровых канонов, характерных для академического дискурса.

5. Эгомаркированность академического дискурса обусловлена его жанровой спецификой. Наибольшая степень эгомаркированности присуща речевому жанру отзыва, что подтверждается разнообразием эгомаркеров и частотностью их употребления. Наименьшая степень эгомаркированности

характеризует речевой жанр учебника, использование эгореферентов в котором не отличается разнообразием и частотной представленностью.

В диссертации использовались общенаучные и частнонаучные (лингвистические) **методы**: лингвистического наблюдения (включенного наблюдения в том числе) и описания, обобщения, интроспекции, гипотетико-дедуктивный – способствующих сбору информации, ее уточнению на различных исследовательских этапах, построению и обоснованию гипотезы, ее последующей верификации, статистическому обобщению; дефиниционного анализа – позволяющего сформировать понятийный аппарат, уточнить ключевые понятия исследования; контекстуально-интерпретационного анализа – направленного на выявление и описание средств выражения эгоцентричного коммуникативного поведения; анкетирований – нацеленных на уточнение результатов дефиниционной интерпретации и определение круга потенциальных авторов эгоцентрических текстов. В качестве вспомогательного использовался прием количественного анализа.

Личный вклад автора исследования определяется следующим:

- 1) конструирование понятия «эгоцентризм» на основе данных лексикографии и опроса респондентов; разграничение его от смежных понятий эгоизма и нарциссизма; 2) уточнение понятия «коммуникативная категория» и определение эгоцентризма как коммуникативной категории; 3) описание структуры академического дискурса и выделение ядерных речевых жанров в его коммуникативном пространстве; 4) выявление и анализ эгомаркеров в ядерных жанрах академического дискурса.

Апробация работы. Основные положения работы и результаты исследования обсуждались на заседании кафедры языкознания института иностранных языков ВГСПУ (2021-2025 гг.), были представлены в виде докладов и обсуждены на Международных, Всероссийских научных и научно-практических конференциях: «Иноязычная коммуникация: полипарадигмальный аспект» (ВГСПУ, г. Волгоград, 2022 г.), «Проблемы и

перспективы развития социально-экономических и гуманитарных наук» (МПГУ, г. Покров, 2022 г.), «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире» (РАНХиГС, г. Волгоград, 2023 г.), «Теория и практика коммуникации» (Приднестровский государственный университет, г. Тирасполь, 2023 г.), «Дискурс – язык – социум» (ВГСПУ–МГУ им. А.А. Кулешова, г. Могилев–г. Волгоград, 2023); «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики» (ВГСПУ, г. Волгоград, 2023 г.), «Человек в коммуникации» (ВГСПУ, г. Волгоград, 2024 г.), «Аксиологическая картина мира: лингвистический и лингводидактический аспекты» (ВГСПУ, г. Волгоград, 2025 г.).

По теме диссертации опубликовано 8 печатных работ, в том числе научных статей из списка, рекомендованного ВАК при Министерстве образования и науки, 4, журналов и сборников научных трудов – 4.

Объем и структура диссертации определяются поставленной целью и задачами исследования. Работа содержит 184 страницы машинописного текста, выполненного в редакторе Word, включает в себя введение, 3 главы, сопровождающиеся выводами, и заключение. Текст работы сопровождается таблицами, рисунками, библиографическим списком, насчитывающим 217 наименований, включая 31 источник на иностранных языках, списком использованных лексикографических изданий (30 наименований) и приложениями.

В первой главе представлено описание существующих в лингвистической науке подходов к изучению дискурсов, различных воззрений ученых на природу, структуру и особенности выделения речевых жанров в анализируемом виде дискурса.

Вторая глава посвящена феноменологическому описанию эгоцентризма, рассмотрению психологического и философского портрета этого феномена, определению понятия эгоцентризма и его лингвистического статуса. В данной главе эгоцентризм рассматривается как коммуникативная категория, описаны частные по отношению к эгоцентризму категории

самопрезентации, субъективизма и авторитетности, конституирующие ее и маркирующие ее проявление в академическом дискурсе.

В третьей главе содержится анализ средств манифестации эгоцентризма в устных и письменных речевых жанрах академического дискурса – отзывах, лекциях, учебниках и научных статьях.

Главы сопровождаются выводами, отражающими основные положения и результаты обсуждения. В Заключение суммируются итоги работы и намечаются пути дальнейшего исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1. Понятие дискурса и подходы к его классификации

Общеизвестно, что любое исследование начинается с обсуждения ключевых для работы понятий и терминов. Одним из таких значимых для настоящего исследования понятий является термин «дискурс». Не ставя себе глобальных целей обсуждения всех существующих в настоящее время подходов к определению данного понятия, кратко остановимся на основных моментах.

Начнем с того, что в лингвистике первоначально термин «дискурс» трактовался как структурная единица, которая выходит за пределы одного предложения / высказывания. Достаточно вспомнить принадлежащее М. Стаббсу описание дискурса: «It refers to attempts to study the organization of language above the sentence or above the clause, and therefore to study larger linguistic units, such as conversational exchanges or written texts. It follows that discourse analysis is also concerned with language use in social contexts, and in particular with interaction or dialogue between speakers» [Stubbs, 1983, p. 1], акцентирующее внимание на трех основных аспектах: формально-структурном, представленном выше (study the organization of language above the sentence); содержательно-контекстуальном, учитывающем экстралингвистический контекст (use in social context); процессуальном, предполагающем диалогичность интеракции (with interaction or dialogue between speakers).

Дополним характеристику дискурса несколькими определениями. Так, например, голландский лингвист Т. Ван Дейк определяет дискурс как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном и пространственном контексте. Это

коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [Дейк, 1989, с. 3].

Российский исследователь В.В. Красных предлагает узкую и широкую трактовки дискурса: «Дискурс в узком понимании является проявлением речевой деятельности (наряду с текстоидами) в разговорно-бытовой речи и представляет собой обмен репликами без особого речевого замысла... Дискурс в широком понимании трактуется как проявление речедетельностных возможностей отдельной языковой личности..., как система коммуникации...» [Красных, 2001, с. 199].

Одно из фундаментальных и наиболее часто цитируемых определений дискурса принадлежит Н.Д. Арутюновой, в понимании которой дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие» [Арутюнова, 1990, с. 136].

В.И. Карасик трактует дискурс как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение» [Карасик, 2004, с. 194].

В большинстве случаев, таким образом, толкование термина «дискурс» осуществляется через понятие социального взаимодействия, речевой деятельности, воспринимаемой на фоне всех возможных экстралингвистических и прагматических факторов.

С нашей точки зрения, все встретившиеся нам определения, включая вышеперечисленные, не являются достаточно однозначными, чтобы представить комплексную характеристику дискурса, поскольку не всегда учитывают факторы, позволяющие четко дифференцировать виды речевых и коммуникативных действий.

Поэтому в рамках нашего исследования мы будем придерживаться широкой трактовке дискурса, согласно которой сам экстралингвистический

фон (прагматические установки коммуникантов, их намерения, социальные роли, условия коммуникации и другие параметры) влияет на коммуникацию, создавая и определяя критерии ее успешности / неуспешности, эффективности / неэффективности и ряд других параметров, поскольку нас интересует реализация коммуникативной категории эгоцентризма, которая оказывает влияние на прагматику дискурса, академического дискурса в том числе.

Подобное широкое применение понятия «дискурс» как сложного коммуникативного феномена позволяет отнести его к междисциплинарным: использование термина встречается в таких парадигмах, как лингвистика, социология, психология и антропология, не становясь исключением также такие области, как образование, медиасфера и политика.

Обратим внимание, что в социолингвистике выделяются два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). Описывая персональное общение, В.И. Карасик акцентирует внимание на ситуациях, «когда участники общения раскрывают друг другу все богатство своего внутреннего мира и воспринимают друг друга как личности» [Карасик, 2002, с. 278].

В соответствии с темой нашей работы нас в большей степени интересует институциональный тип дискурса, который представляет собой коммуникацию в заданных рамках статусно-ролевых отношений. В современной лингвистике принято выделять следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный и массово-информационный (В.И. Карасик, Е.Ю. Мальцева, И.П. Сусов и др.). Очевидно, список этот может быть изменен или дополнен, поскольку общественные институты значительно отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как однородные явления. Кроме того, они исторически

изменчивы и могут объединяться друг с другом, возникая в качестве разновидностей в рамках того или иного типа [Сусов, 2008].

Статусно-ориентированный дискурс как социолингвистический феномен выделяется на основе двух системообразующих признаков: целей и статусно-ролевой структуры, а именно участников коммуникации. Так, цель политического дискурса – завоевание и удержание власти, педагогического дискурса – социализация нового члена общества, медицинского дискурса – оказание квалифицированной помощи больному и т.д. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). Например, это врач и пациент – в медицинском, политик и избиратель – в политическом, священник и прихожанин – в религиозном. Агентами и клиентами педагогического дискурса выступают учитель и ученик соответственно. Немаловажно напомнить, что «участники педагогического общения отличаются принципиальным неравенством ролевых позиций: учитель изначально стоит «над» учеником, обладая правом на прямую дидактичность и педантизм» [Бакумова, 2002, с. 28]. В противоположность научному дискурсу, базовым принципом которого считается «принципиальное равенство» всех партнеров по коммуникации – представителей научной общественности, «в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям» [Карасик, 2002, с. 330]. В.И. Карасик подчеркивал, что в научном сообществе употребляется обращение «коллега», которое нивелирует все статусные различия. Тем не менее, ученые делятся на некоторые группы, позволяющие дифференцировать принадлежность к науке. Например, ученые различаются по ученой степени, званию и сообществам, к которым они принадлежат. Поэтому ученые выступают в разных ролях, таких как ученый-исследователь, ученый-педагог, ученый-эксперт и другие [Там же].

Обратимся непосредственно к рассмотрению педагогического и научного дискурсов, входящих, как нам видится, в структуру академического дискурса и представляющих интерес для настоящего исследования.

В 1970-х и 1980-х годах лингвистика, интересующаяся вопросами педагогического дискурса, занималась такими проблемами, как взаимоотношение речи и обучения, особенности детской речи, развитие речи ребенка и т.д. Особое внимание уделялось проблемам слушания и анализа «устной речевой продукции» учеников. По мнению теоретиков данного направления лингвистики, альтернативные модели для учителей должны быть семантически обоснованными, т.е. позволять раскрытие многочисленных значений одного и того же высказывания, другими словами, представлять высказывания как речевые действия, поступки (речевые акты). Педагогически релевантная модель речевой деятельности должна четко отграничивать структурный (формальный) аспект речи от смыслового (семантического) и деятельностного (понятия речевого акта или иллокутивной силы высказываний) [Advances, 1992; Stubbs, 1986].

В обобщенном виде педагогический дискурс представляет собой взаимодействие участников коммуникации в педагогическом общении, где учащиеся и учителя рассматриваются как специфическая историческая и культурная общность, со своими внутригрупповыми отношениями и системой правил, в результате этого взаимодействия происходит решение важных образовательных, воспитательных и развивающих задач.

В этой связи можно вспомнить американского исследователя Б. Бернштейна, который толкует педагогический дискурс как социальное взаимодействие с включенными в себя знаниями, социальными особенностями и отношениями. Он утверждает, что это сочетание появляется от определенной циркуляции и установки знаний предмета (или дискурса). Педагогический дискурс является систематическим процессом, который происходит в ходе коммуникации учащихся и учителя и который

управляется точно регулируемыми правилами и методами установленного контекста [Bernstein, 1990, p. 155-156].

Основными речевыми и стилистическими характеристиками педагогической коммуникации, выделяемыми исследователями, являются:

- 1) четкая логика построения высказывания с целью достижения прагматического аспекта, т.е. с целью решения учебных, воспитательных, развивающих и познавательных задач;
- 2) целостность и связность высказывания с целью достижения прагматического эффекта в процессе педагогического взаимодействия между учеником и учителем;
- 3) аргументированность высказывания, направленная на решение образовательных задач;
- 4) завершенность высказывания, свидетельствующее об эффективности использования языковых средств в образовательных целях;
- 5) преобладание официального стиля общения, которое в определенных ситуациях способствует формированию нужной образовательной атмосферы [Габидуллина, 2009].

В то же время научный дискурс характеризуется особым типом познавательной деятельности и регулируется строгими законами логики и прагматики. К условиям общения между учеными относится необходимость четко и однозначно выражать свои мысли, и, как следствие, любые ссылки на другие источники должны быть понятны адресату. И можно предположить, что арсенал средств интертекстуальной выразительности, используемых в научной литературе, характеризуется обязательной маркировкой (в виде кавычек, сносок, ссылок на источник). Данный фактор нам представляется значимым для рассмотрения феномена эгоцентризма, к верификации данного предположения мы вернемся позже.

Ценности научного дискурса (истина, знание, исследования) реализуются в его ключевых концептах, соответственно, базовым является концепт «истина», который сводится к следующему: истина требует раскрытия, она неочевидна, на пути к истине возможны ошибки и заблуждения и т.д. Для научного дискурса актуальным является

доказательство отклонения от истины, т.е. доказательство заблуждения. Концепт истины является важной характеристикой речевого поведения ученых и, нам представляется, может быть очень показательным при реализации коммуникативной категории эгоцентризма.

Научный стиль предъявляет определенные требования к рациональности, которые обязательны для эффективного взаимодействия коммуникативных сторон. Как вербализованный способ мышления и концептуализации знаний, научный дискурс должен обладать четкой коммуникативной структурой и прагматикой, чтобы быть понятным и принятым. Диалог между автором и получателем научного текста предполагает передачу новой информации, которая служит описанию научной картины мира. Эта новая информация является объектом оценки как автором, так и адресатом научного сообщения. Особое внимание уделяется оценке достоверности, обоснованности и обязательности научных суждений. Авторская оценка в научном тексте реализуется языковыми средствами на уровне предложений и абзацев. Значимым для настоящего исследования является факт, что в рамках научного текста часто используются языковые средства, отражающие авторскую позицию, что свидетельствует о нормативности их характера.

Научный стиль речи в целом, по словам Е.В. Вахтеровой, восходит к парадигме функциональной стилистики, занимающейся изучением особенностей языка, обслуживающего различные коммуникативные сферы [Вахтерова, 2021]. И, исходя из описанных выше особенностей научного дискурса, мы можем констатировать, что к научному стилю предъявляются следующие требования:

- Высокая информативность
- Логичность изложения
- Ясность
- Точность выражения
- Грамотность речи и терминологическая адекватность

[Комиссаров, 1990, с. 110; Разинкина, 1989, с. 27].

Другими словами, научный стиль коммуникации представляет собой речевую систему, специально приспособленную для оптимального общения коммуникантов в научной сфере деятельности. А.Н. Васильева выделяет два этапа в научной деятельности: этап совершения открытия и этап его оформления. Научный стиль речи относится в основном к этапу речевого оформления добытого нового знания для информирования научного сообщества [Васильева, 1976].

Подводя некоторый итог, мы можем сделать вывод о наличии ряда функциональных особенностей как научного, так и педагогического дискурса, обусловленных их целеполаганием и спецификой коммуникативной ситуации, и мы предполагаем, что их функциональные характеристики будут подвергнуты трансформации и различного рода нарушениям в результате реализации категории эгоцентризма.

На следующем этапе обратимся к рассмотрению понятия академического дискурса и подходов к его определению.

1.2. Понятие академического дискурса и его структура

В последнее время в лингвистической науке наблюдается возрастающий интерес к изучению академического дискурса как самостоятельного типа дискурса. В работах, посвященных данной теме и опубликованных как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, рассматриваются различные подходы к изучению и анализу многогранного феномена академического дискурса. В данной части исследования проанализируем понятие академического дискурса и попытаемся определить его границы и структуру.

Прежде всего отметим, что данный феномен не имеет единого определения, которое было бы принято всеми или хотя бы большинством лингвистов. Сложность и неоднозначность определения понятия

академического дискурса обусловлена, прежде всего, терминологическим разнообразием и множеством существующих обозначений академического дискурса, а также сходных или смежных ему видов: дидактический (М.Ю. Олешков), учебно-научный (Н.С. Остражкова) или научно-учебный (Н.В. Казакова), научно-педагогический (А.А. Евтюгина), лекционный (Ю.С. Воротникова), университетский (В.В. Максимов и др.) и многие другие.

Во-вторых, понимание академического дискурса осложняется сосуществованием различных подходов к определению его содержания и структуры.

Один из подходов, наследующий англоязычную традицию, отождествляет академический дискурс с научным [Мальцева, 2017], «номинация академический дискурс употребляется по аналогии с рус. научный дискурс и англ. academic discourse» [Вахтерова, 2021, с. 24].

Более традиционная позиция представлена исследователями, которые рассматривают академический дискурс как педагогическое общение между преподавателем и студентом в высшем учебном заведении [Прохорова, 2016; Зубкова, 2009], «процесс и результат коммуникативного взаимодействия в сфере высшего образования» [Петрова, Токарева, 2020, с. 81-88], комплекс речевых / коммуникативных жанров, реализация которых осуществляется в рамках вузов [Kiesendahl, 2011], сферу коммуникации, связанную с получением и трансляцией научного знания и включающую в себя ситуации научной и образовательной коммуникативной деятельности [Шилихина, 2013].

Согласно этому подходу, академический дискурс как один из видов институционального дискурса представляет собой совокупность дискурсивных практик, связанных с процессом и результатом взаимодействия в сфере высшего образования и реализуемых в высших учебных заведениях. Он направлен на *передачу профессиональных знаний и умений, формирование методологических основ для понимания фактов*

действительности и подготовку специалистов высшей квалификации (выделено нами – *A.V.*). Другими словами, академический дискурс можно определить как особый тип межличностного взаимодействия между адресантом и адресатом, при котором адресант целенаправленно влияет на когнитивную сферу адресата для формирования системы профессиональных знаний и профессионального мышления [Петрова, Токарева, 2020]. При этом важно обратить внимание на специфику статусно-ролевых характеристик основных участников академического дискурса – студентов и «ученых как исследователей и / или преподавателей» [Куликова, 2006 с. 297].

Наконец, приверженцы третьего подхода трактуют академический дискурс расширительно. По мнению зарубежных исследователей, в частности британского лингвиста К. Хайланда, академический дискурс объединяет в себе *research discourses* (исследовательские дискурсы), *instructional discourses* (образовательные / воспитательные дискурсы), *student discourses* (студенческие дискурсы) и *popular discourses* (научно-популярные дискурсы) [Hyland, 2009].

Интерпретируя точку зрения ученого, в структуре рассматриваемого дискурса можно выделить центр – как образ мышления и речевую деятельность, используемую преимущественно в рамках учебных заведений, и периферию – коммуникативные ситуации, обнаруживаемые в бытовой жизни, начиная от научных телевизионных программ, рекламы и заканчивая консультациями специалистов различных профилей [Hyland, 2009]. Думается, что на периферии научный стиль приобретает признаки бытового общения и речь в данном случае будет идти о научно-разговорном подстиле [Сухомлинова, 2018; Куликова, Прохорова, 2016].

Подобно социальным институтам, для которых характерно сопряженное взаимодействие в структуре общества, многие институциональные дискурсы находятся в отношениях, демонстрирующих взаимосвязь и взаимопроникновение. Не в последнюю очередь сказанное

относится к академическому дискурсу, который пересекается с педагогическим, образовательным и научным типами дискурсов.

Интерес вызывает еще одна трактовка термина «академический дискурс» в расширенном значении, интегрирующем «совокупность всех дискурсивных практик, реализующихся в процессе передачи, приобретения и/или обмена знаниями, объединяя три компонента: дискурсы коммуникативного пространства школы, университета и науки, что позволяет представить академический дискурс как целостную систему, имеющую целью распространение знаний в обществе» [Казанцева, 2020, с. 17]. Данная трактовка обусловлена интегративным подходом, объединяющим в одну терминологическую сферу все ситуации педагогического (школьного и университетского) и научного взаимодействия. Несмотря на определенную логику рассуждений ученого, нам представляется избыточным включение школьного (педагогического) дискурса в структуру академического дискурса. В настоящем исследовании мы будем опираться на классический, принятый в большинстве работ в отечественной лингвистике, подход, трактующий академический дискурс как симбиоз научной и образовательной коммуникативной деятельности, связанной с получением и трансляцией научного знания в вузовской сфере. Подобное толкование позволяет выделить в структуре академического дискурса два вида – научный и педагогический дискурсы. В этой связи важно обратить внимание на два момента, касающиеся участников коммуникации. Во-первых, центральная фигура – агент академического дискурса – выступает в двух ипостасях: педагог и ученый. Последний, в свою очередь, может быть представлен в различных ролях: как ученый-исследователь, как ученый-эксперт и т.д., совмещая функции и транслятора знаний, и потребителя знаний. Во-вторых, в статусно-ролевой модели интеракции «педагог – студент» равенство партнеров по коммуникации не предполагается, в то время как коммуникативное взаимодействие в системе «ученый – ученый» подразумевает равенство и общий контекст взаимодействия.

Как и в большинстве институциональных дискурсов, дискурсообразующими признаками интересующего нас вида дискурса являются цель и участники интеракции.

По мнению Л.И. Зубковой, академический дискурс, подобно другим видам институциональных дискурсов, имеет ряд социолингвистических признаков, таких как цель коммуникации, агенты, хронотоп, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [Зубкова, 2009, с. 32].

Цель академического дискурса в самом общем виде определяется как профессиональное педагогическое общение в вузе, ценности которого совпадают с ценностями педагогического процесса, прежде всего социализации, в процессе которой студенты получают систему общекультурных ценностей и установок [Карасик, 2002]. На наш взгляд, академический дискурс как сложно-структурированное коммуникативное взаимодействие характеризуется набором коммуникативных функций: *педагогической*, связанной с передачей знаний, *информативной*, формулирующей и репрезентирующей новое знание и научные достижения, *аккумулятивной / когнитивной*, обусловленной накоплением и сохранением научно-исследовательского багажа, трансформацией его в академическое знание, *персуазивной и аргументативной*, призванными обосновать результаты исследования и убедить в их достоверности адресата.

Хронотопом академического дискурса является время, отводимое на академическое взаимодействие, и вузовская / университетская обстановка (общение в вузовских аудиториях, в рамках научных конференций, форумов и т.д.). Неслучайно, Жаннет Кизендаль, как и упомянутые ранее ученые, определяет академический дискурс как совокупность всех коммуникативных жанров, используемых в университетах [Kiesendahl, 2011].

Ряд ученых, таких как Дж. Свэйлз [Swales, 2004], В. Бхатия [Bhatia, 2002], Дж. Флауэрдью [Flowerdew, 2002], выделяют общие или универсальные черты, раскрывающие концептуальные, функционально-

прагматические, жанрово-стилистические и прочие характеристики академического дискурса. Несмотря на жанровое и дисциплинарное разнообразие академических текстов, это социальный конструкт, который отражается в дискурсивных событиях и текстах. Он также имеет свой лингвостилистический, жанровый и риторический репертуар средств и приемов, которые используются для достижения содержательного и функционального потенциала, независимо от конкретной научной дисциплины.

Отмечается также, что для коммуникации в академической среде характерны такие признаки, как использование научного и делового стиля [Карасик, 2002], регламентированность комплексом норм, правил, ограничений; шаблонностью, клишированностью общения [Бурмакина, 2014]. Нельзя не упомянуть Кена Хайланда, согласно которому академический дискурс обладает следующими характеристиками:

- имеет определенную структуру, направленную на убедительное воздействие на читателя и подчеркивающую необходимость знания в данной научной области;
- использует специфические способы аргументации, свойственные конкретной дисциплине, которые обуславливают жанровое и языковое разнообразие академических текстов в разных научных областях;
- зависит от культурных факторов, которые могут влиять на язык, обучение и восприятие.

Помимо этого, значимым для настоящего исследования является выделяемое автором такое свойство академической коммуникации, как создание определенного авторского «я», а также обсуждение вопроса о статусных ролях отношений между участниками [Hyland, 2009].

Наметив, таким образом, границы академического дискурса и описав некоторые внешние факторы, обусловленные образовательным и научным пространством (хронотоп) и соответствующей функциональной нагрузкой, и внутренние факторы, связанные с участниками коммуникации (агенты и

клиенты дискурса), обратимся далее к рассмотрению основных жанров, получающих свое выражение в особом академическом языке, наборе речевых актов, устных и письменных формах коммуникативного взаимодействия.

1.3. Жанровое пространство академического дискурса

Начнем с того, что любой тип дискурса включает в структуру своего коммуникативного пространства набор типических моделей общения и речевых жанров, характерных для данного типа коммуникативного взаимодействия и отражающих его специфику. Поясним, что в настоящее время по-прежнему не существует единого понятия речевого / коммуникативного жанра. Согласно Т.Н. Хомутовой, «Жанр – это коннотативная семиотическая система, имеющая собственный план содержания и выражения. План содержания, или глубинная структура жанра, представлен экстралингвистическими факторами, такими как сходные социальные действия в регулярно повторяющихся социальных контекстах, включающих коммуникативные ситуации, участников и их роли, цели и виды деятельности, тематическое содержание. План выражения, или поверхностную структуру, составляют сходные лингвистические средства: лексические, грамматические, стилистические, графические, композиционные и т. д. При помощи лингвистических средств жанр структурирует социальные действия во времени и пространстве» [Хомутова, 2008, с. 102-103].

Чаще всего в современных лингвистических публикациях встречается определение речевого жанра, принадлежащее М.М. Бахтину, который трактует речевые жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин, 1986, с. 255].

Опираясь на данное толкование и учитывая определение К.Ф. Седова, согласно которому речевые жанры – «вербально-знаковое оформление

типических ситуаций социального взаимодействия людей» [Седов, 2007, с. 8], выделим следующие основные существенные признаки речевого жанра: тематическая и композиционная устойчивость, стереотипизированность, узнаваемость, социальная обусловленность.

К основным жанрообразующим характеристикам разных типов текстов традиционно относятся тематическая и композиционная определенность, коммуникативная цель, стилистическое оформление и вербально-языковое наполнение. Нам думается, что для анализа сущности эгоцентрического выражения релевантными являются признак коммуникативной цели и стилистико-языковое воплощение жанра.

О.Г. Ветрова выделяет ряд специфических характеристик, свойственных академическому дискурсу:

- академический дискурс динамичен по своей природе;
- академический дискурс реализуется только в коммуникативных ситуациях академического общения: в вузовской аудитории, в конгрессной и конференционной среде, в научных текстах и т. д.;
- ведущую роль играют коммуниканты, а не средства общения;
- академический дискурс неразрывно связан с докоммуникативной и посткоммуникативной стадиями общения;
- результатом дискурсивных процессов является порождение текста [Ветрова, 2012].

Поскольку академический дискурс понимается нами как неоднородный с точки зрения его структуры феномен, то легко предположить, что и жанровое наполнение его коммуникативного пространства является многомерным и неоднозначным, комбинацией жанров научного и педагогического дискурсов.

Согласимся, что «жанровая система академического дискурса структурирует институциональное общение, обуславливая его клишированный характер, и формирует профессиональную среду коммуникации» [Емельянова, 2019, с. 58].

Принимая во внимание факт, что в академическом дискурсе выделяют, как правило, две его разновидности: учебно-педагогический (instructional-pedagogical) и исследовательский (research-oriented academic), а также учитывая, что преподаватель в университете, как правило, одновременно выполняет функции преподавателя и ученого [Bellés-Fortuño, 2009, p. 907] то и выделяемое в пространстве академического дискурса неоднородное многообразие речевых жанров не является случайным.

Их типология представлена в многочисленных работах отечественных лингвистов (см. обзор работ в [Казанцева, 2020]). Кратко остановимся на рассмотрении некоторых из них.

Прецедентными письменными текстами академического дискурса являются как учебники и методические пособия, так и научные труды. В качестве устных примеров академического дискурса исследователи рассматривают выступления на научных конференциях, речь педагогов во время занятий, устное взаимодействие с коллегами в академической среде [Мальцева, 2017]. В качестве письменных выделяются такие жанры, как аннотация, рецензия, учебник, монография и другие [Дюмон, 2008].

В Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка под редакцией М.Н. Кожинной (2006) при описании жанров научной литературы дифференцируются крупные и малые жанры. К первым относятся монография (индивидуальная и коллективная), диссертация, энциклопедия, словарь, справочник, учебник, учебное пособие; ко вторым – статья в периодическом или непериодическом издании, реферат, аннотация, тезисы, обзор, рецензия, хроника и др. [Кожина, 2006, с. 57]. Заметим, что для целей настоящего исследования дифференциация жанров академического дискурса по их объему не является релевантной.

Необходимо подчеркнуть, что границы и сочетания жанров являются достаточно условными. Так, например, научная статья или презентация может быть написана как профессором, так и студентом, а в рамках вузовской среды могут быть представлены тексты не только академического

дискурса, но и других видов, например, внутренние инструкции для сотрудников, или рекламные буклеты для абитуриентов.

В сущности, и типы текста, используемые непосредственно в научной коммуникации, также не отличаются однородностью, что находит отражение, например, в классификации Н.Н. Дюмон, которая выделяет следующие классы:

1) академические (научно-теоретические), реализующие исследовательские цели и вербализующие новое научное знание, – диссертация, тезисы;

2) научно-информационные – реферат, резюме, аннотация;

3) научно-критические – рецензия, обзор;

4) научно-популярные, создаваемые с целью массового распространения, популяризации определенных научных сведений – заметка;

5) научно-учебные, создаваемые специально для учебных целей, – учебник, лекция и др. [Дюмон, 2008, с. 66].

В соответствии со сказанным выше можно предположить, что научно-теоретические (диссертация, монография, статья) и научно-учебные (учебник, учебное пособие, лекция) как первичные жанры относятся к ядерным речевым жанрам академического дискурса. Нетрудно понять, что ядерными следует считать речевые жанры, соотносимые с наиболее частотными и значимыми коммуникативными событиями. Соответственно, околождерная зона академического дискурса представлена вторичными речевыми жанрами – научно-информационными (реферат и др.) и научно-критическими (рецензия, отзыв и др.) речевыми жанрами. В свою очередь, научно-популярные жанры, а также служебные вузовские документы, регламентирующие академическую деятельность, следует отнести к периферии рассматриваемого дискурса. Подобный вариант структурирования жанрового пространства академического дискурса можно схематично представить следующим образом (см. Рис. 1, в котором

приведенными примерами речевых жанров не исчерпывается все их многообразие).

Рис. 1. Ядро и периферия жанрового пространства академического дискурса

Обратим внимание на тот факт, что в академическом дискурсе деление жанров на первичные и вторичные в некоторых случаях можно считать достаточно условным. Согласимся, что «в академической коммуникации, для которой типичны взаимодействие старого знания с новым, преемственность понятий, демонстрирующая логику развития темы, некоторые жанры одновременно являются и первичными, и вторичными» [Хутыз, 2021, с. 12]. В этом смысле лекцию мы можем отнести и к первичному (авторскому) жанру, и к вторичному жанру, презентующему материалы других ученых, а жанр монографии, будучи первичным речевым жанром, не может не содержать элементы вторичного жанра.

Представляет интерес дифференциация жанров академической коммуникации на динамические и статические. К статическим исследователи относят «такие устные коммуникативные жанры, как лекция, выступление с докладом. Письменные жанры представлены материалами лекции, учебником или учебным пособием, статьей, монографией, тезисами, аннотацией, (авто)рефератом, научной документацией (план, отчёт, служебная записка), текстом диссертации» [Бурмакина, 2014, с. 78]. В понимании автора, динамические коррелируют с устными жанрами научной дискуссии, экзамена, консультации, семинара, или письменными жанрами консультирования по электронной почте, рецензии, отзыва на статью, письменного экзамена [Там же].

Сложность обсуждаемого дискурса обуславливает множественные возможности его классификаций. В частности, М.А. Сухомлиновой предлагается деление академических жанров на те, «в рамках которых чаще работают студенты, и жанры, которые более активно используются преподавателями» [Сухомлинова, 2023, с. 25], что позволяет автору выделить жанры, в большей степени характерные для студентов, – эссе (essay), резюме (summary), аннотация (abstract), дипломная работа (university thesis), реферат (report), краткие научные доклады (brief research reports) и др., и для преподавателей – академическая переписка (academic correspondence), исследовательская статья (research article), академическое портфолио (academic portfolio), академическая электронная переписка (academic email), заявка на получение гранта (grant proposals) и т.д. [Там же].

Испанский лингвист И. Фортанет представила классификацию академических жанров по цели высказывания, выделив при этом три основных разновидности академических речевых жанров:

- 1) речевые жанры, используемые в учебной аудитории, или classroom genres (например, lecture, seminar, tutorial, interview, students' presentations, oral exams);

2) институциональные речевые жанры, или *institutional genres* (например, *academic year opening lectures, commencement addresses, prize acceptance speeches*);

3) исследовательские речевые жанры, или *research genres*, которые подразделяются на жанры конференции или *conference genres* (например, *plenary lecture, paper presentation, poster presentation, colloquium, seminar, research meeting*) и другие исследовательские жанры (например, *PhD thesis defence, master thesis, presentation, research project*) [Fortanet, 2005. Приводится по: Сухомлинова, 2018].

По мнению М.А. Сухомлиновой, первый набор академических речевых жанров (*classroom genres*) имеет явно выраженные педагогические и образовательные цели. Второй и третий виды, хотя и в основном ориентированы на научные исследования, могут превращаться в образовательные жанры без особых затруднений [Там же].

К. Райсянен особо подчеркивает, что существенная часть научных идей распространяется через жанры академических конференций, выделяет жанры конференции (*Conference genres*) и классифицирует их следующим образом: аннотация материалов конференции (*Conference Abstract*), письменные материалы конференции (*written Conference Proceedings Paper*) и устное выступление на конференции (*oral Conference Presentation*) [Raisänen, 1999].

В учебно-педагогической составляющей структуры академического дискурса выделяются два центральных речевых жанра – лекция (занятие) и экзамен. Первый относится к обучающему типу жанра, второй – к контролирующему.

Речевой жанр лекции характеризуется набором специфических характеристик, важных, на наш взгляд, для настоящего исследования. Лекция считается одним из самых эффективных обучающих жанров, авторство которого принадлежит лектору. Каждому преподавателю присуща собственная манера проведения лекции.

Так, зарубежные исследователи Дадли-Эванс и Джонс предлагают следующую классификацию стилей лекций:

1) стиль чтения свойственен лектору, который читает всю лекцию или рассказывает как будто читает. Интеракции со студенческой аудиторией отсутствуют;

2) разговорный стиль присутствует у лектора, который рассказывает лекцию на основе известных ему (записанных или нет) ключевых тезисов, в относительно неформальном стиле и с небольшим количеством интеракций со студентами;

3) риторический стиль наблюдается у лектора, который включает в свою речь большое число отступлений от основной темы и даже шутки [Fortanet, 2005 P. 163].

На наш взгляд, проявления эгоцентризма могут встречаться в лекциях разговорного и риторического (в терминологии авторов) стилей.

Экзамен, наряду с зачетом, защитой ВКР, относится к контролирующему типу жанра с жесткой формализацией [Шейгал, Черватюк, 2007] и со статусно неравными участниками коммуникативной интеракции.

При анализе экзамена как жанра институциональной коммуникации необходимо учитывать тот факт, что данный тип коммуникативного взаимодействия характеризуется асимметрией и иерархией в зависимости от степени различия прав и возможностей коммуникантов. В.И. Карасик представляет исчерпывающую характеристику экзамена, подчеркивая следующее: «Основное отличие экзамена как формы контроля знаний, умений и навыков заключается не в содержательных аспектах, а в ситуативно-статусной ориентации: экзамен представляет собой формальную процедуру контроля и оценки» [Карасик, 2002, с. 314]. Более того, ученый дополняет эту характеристику комментарием о том, что «экзамен, как тип педагогического дискурса, служит инициацией и олицетворяет гораздо больше, чем просто оценочное событие» [Там же. С. 314–315]. Выявление ситуативно-статусного параметра данного коммуникативного жанра не дает

основания считать экзамен ситуацией, где выражен статус, так как здесь нет места для реализации статусного вектора в его абсолютном проявлении [Карасик, 2002(а), с. 145–146].

Еще одним измерением жанрового пространства академического дискурса является дифференциация научных типов текстов по критерию первичности / вторичности научных сведений, «в зависимости от содержания сообщаемого научного знания» [Дюмон, 2008, с. 66]. Первичные тексты сообщают получаемые в процессе оригинальных научных исследований первичные научные сведения, в то время как вторичные научные тексты «содержат конечные результаты аналитико-синтетической переработки первичного текста, созданного другим автором» [Там же. С. 67].

В соответствии с данной классификацией к первичным текстам относятся диссертация, монография, статья и под. Эти жанры характеризуются официально-деловым стилем изложения, асинхронностью коммуникации, адресованностью текста научному сообществу, по отношению к которому автор занимает равное положение. Применительно к жанру научной статьи следует упомянуть и такую характеристику, как опосредованность коммуникативного взаимодействия редакционной коллегией журнала, которая может предъявлять требования к структуре статьи и вносить коррективы в авторский стиль изложения.

Согласно исследователю, вторичные тексты в свою очередь делятся на:

- научно-информационные (реферативные) – реферат, аннотация, резюме, выводы (информационно обобщающая функция);
- научно-критические (оценочные тексты) – рецензия, научный отзыв, критический обзор (функция критического анализа первичного научного текста [Дюмон, 2008, с. 67].

Рассмотрев, таким образом, основные варианты классификации жанров академического дискурса, представим обобщенную типологию в схематичном виде (см. Рис. 2).

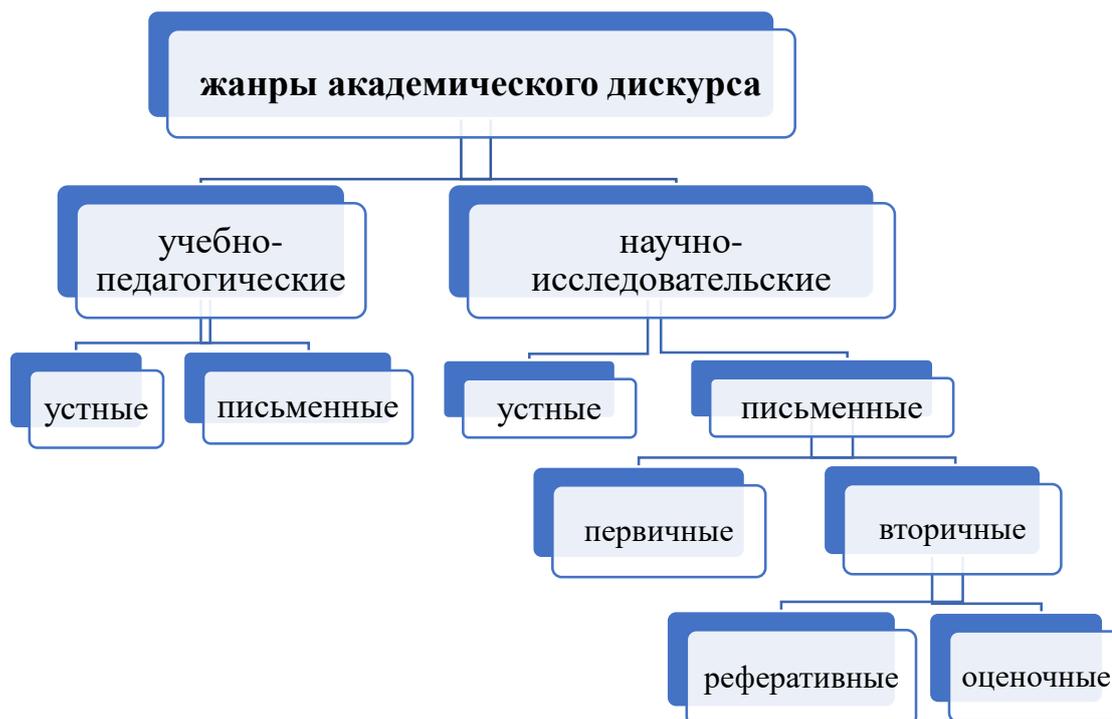

Рис. 2. Типология жанров академического дискурса

Прокомментируем предложенную схему.

Учитывая сложную структуру академического дискурса, выделяем жанры учебно-педагогические, входящие в педагогическую составляющую рассматриваемого дискурса и жанры научно-исследовательские, соотносимые с научным дискурсом. Обе разновидности представлены устными и письменными жанрами, дифференцируемые по каналу коммуникации. К устному учебно-педагогическому жанру, в частности относится лекция, к письменному – учебник, учебное пособие. Примером устного научно-исследовательского жанра выступает доклад. Письменные научно-исследовательские жанры с точки зрения их содержания можно разделить на условно первичные (диссертация, статья) и вторичные, которые, в свою очередь, классифицируются на реферативные (реферат) и оценочные (рецензия, отзыв), разграничиваемые по их функциональным особенностям.

Таким образом, в данной работе под академическим дискурсом мы понимаем институциональный вид дискурса, симбиоз научной (научно-исследовательской) и образовательной (учебно-педагогической) коммуникативной деятельности, связанной с получением и трансляцией научного знания в вузовской сфере, который характеризуется педагогической, аккумулятивной, когнитивной, информативной, аргументативной функциями. В иерархической структуре жанрового пространства академического дискурса выделяются ядерные и периферийные речевые жанры.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Основные задачи, решаемые в этой части диссертационного исследования, предполагали исследование ключевых аспектов теории дискурса, анализа подходов к определению и классификации академического дискурса, а также изучение жанрового пространства и функциональных особенностей данного типа институциональной коммуникации.

В результате обсуждения существующих в лингвистике теоретических подходов к ключевым для настоящего исследования терминам мы пришли к следующим выводам.

1. Термин «дискурс» представляет собой многогранное понятие, которое характеризуется разнообразием трактовок и подходов к его изучению. В контексте настоящего исследования дискурс рассматривается как сложный коммуникативный феномен, объединяющий текст и экстралингвистические факторы, такие как социальные и психологические условия взаимодействия, а также прагматические цели коммуникации.

2. Академический дискурс как разновидность институционального дискурса, функционирующего в вузовской среде, объединяет два типа дискурса – научную и педагогическую коммуникацию, направленную на передачу знаний, социализацию студентов и развитие профессионального мышления. Его функциональные особенности отражают ценности

педагогического и научного взаимодействия, включая информативность, аргументативность и когнитивную составляющую.

3. Структура академического дискурса характеризуется жанровым многообразием, включающим устные и письменные формы коммуникации. Ядерные жанры, такие как лекция, статья и диссертация, выполняют ключевые задачи образовательного и научного взаимодействия. Периферийные жанры, например, научно-популярные тексты, расширяют сферу академического взаимодействия, вовлекая в коммуникативное пространство массовую (необязательно академическую) аудиторию.

4. Академический дискурс характеризуется сочетанием жанров научного и педагогического дискурсов, что обусловлено статусно-ролевыми характеристиками его участников. Взаимодействие преподавателей, ученых и студентов строится на основе прагматических и когнитивных целей, направленных на создание эффективной образовательной среды.

5. Жанровое пространство академического дискурса демонстрирует динамичность и функциональное разнообразие. Устные жанры, такие как лекции и выступления, сосуществуют с письменными жанрами, включающими статьи, рецензии и учебники, что подчеркивает комплексный характер данного феномена.

6. Академический дискурс располагает учебно-педагогическими и научно-исследовательскими жанрами, которые подчиняются нормам научного стиля, характеризующегося точностью, логичностью и информативностью. Это позволяет поддерживать высокие стандарты академической коммуникации и формировать единое коммуникативное пространство в научной и образовательной сферах.

Таким образом, выделенные ключевые характеристики и особенности академического дискурса как симбиоза научно-исследовательской и учебно-педагогической коммуникации, реализуемой в вузовской среде, классификация жанрового пространства исследуемого дискурса являются значимыми для последующего анализа коммуникативной категории

эгоцентризма, его манифестации в разнообразных речевых жанрах и ситуациях коммуникативного общения и определения его влияния на академическое коммуникативное взаимодействие.

ГЛАВА 2. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЭГОЦЕНТРИЗМА

2.1. Эгоцентризм в ряду смежных понятий

В соответствии с задачей уточнения ключевого для настоящего исследования понятия обратимся к толкованиям данной лексемы, представленных в толковых и энциклопедических словарях для того, чтобы выделить существенные дифференциальные признаки интересующего нас понятия и установить его корреляции с близкородственными понятиями.

Обращение к толковым русскоязычным словарям позволяет проследить этимологию слова *эгоцентризм*, которое восходит к латинскому *ego* – я и *centrum* – центр, и определяется как «*крайний индивидуализм, взгляд на себя как на центр мироздания*» [Ушаков, 2014]. Схожее толкование мы обнаруживаем в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой и в Историческом словаре галлицизмов русского языка:

«Крайняя форма проявления эгоизма и индивидуализма, образовавшаяся на основе умозаключения, что личное “Я” составляет центр всего мироздания» [Ефремова, 2000; Епишкин, 2010].

Показательно, что в данном определении эгоцентризм трактуется с помощью двух синонимов – эгоизм и индивидуализм, акцентируется внимание на крайней степени их проявления.

Следует подчеркнуть, однако, что толковые словари не дают четкого представления об интересующем нас понятии, т.к. представленные в них определения отличаются малой дефиниционностью (ср., например, определение в словаре С.И. Ожегова:

«эгоцентризм – крайняя степень эгоизма» [Ожегов, 1994]).

Поскольку при толковании эгоцентризма обнаруживаются два близкородственных понятия, к которым апеллируют авторы, – эгоизм и индивидуализм, далее считаем целесообразным внимательнее присмотреться к этим понятиям.

Д. Н. Ушаков определяет эгоизм как

«себялюбие, предпочтение личных интересов другим» [Ушаков, 2014].

В этой же парадигме рассуждает и С.А. Кузнецов, толкуя эгоизм как *«поведение, целиком определяемое мыслью о собственной пользе, выгоде, предпочтение своих интересов интересам других людей, себялюбие»* [Кузнецов, 1998].

Подобное определение эгоизма через понятие себялюбия встречается у С.И. Ожегова, дающего следующую трактовку:

«эгоизм – себялюбие, предпочтение своих, личных интересов интересам других, пренебрежение к интересам общества и окружающих» [Ожегов, 1997].

И нельзя не упомянуть В.И. Даля и его определение: *«эгоизм – забота только лишь об одном себе, без вниманья к другим»* [Даль, 2009].

Очевидно, что все проанализированные нами определения акцентируют внимание на следующих основных признаках: а) себялюбие, проявление любви к себе; б) предпочтение собственных интересов, выгоды; в) пренебрежение к интересам других.

Что касается понятия «индивидуализм», то оно рассматривается в контексте дихотомии «индивидуальное–коллективное». Так, в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой обнаруживаем следующую трактовку:

- 1) *«стремление к выражению своей индивидуальности, к противопоставлению себя коллективу»;*
- 2) *«поведение, выражающее стремление к выражению своей индивидуальности, к противопоставлению себя коллективу»* [Ефремова, 2000].

Аналогичные определения индивидуализма встречаются у большинства авторов:

«Стремление к яркому выражению личности, независимому от подчинения воле коллектива; поведение, воплощающее это стремление» [Ушаков, 2014; Кузнецов, 1998].

Для настоящего исследования небезынтeресной представляется трактовка индивидуализма как нравственного принципа, позволяющего индивиду противопоставить собственные интересы интересам окружающих: *«Нравственный принцип, ставящий интересы отдельной личности выше интересов общества»* [Ожегов, 1997], что перекликается с понятием эгоизма.

Привлечение в круг дефиниционного рассмотрения энциклопедических словарей как выразителей научной картины мира в целом подтверждает результаты проведенного анализа, несмотря на тот факт, что содержание научных понятий эгоизма и индивидуализма варьируется в зависимости от конкретных научно-философских течений.

В частности, в соответствии с философским пониманием эгоизма, представленном в энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, выделяется два вида эгоизма –

- теоретический:

«Понятие равнозначное солипсизму (от solus -одинокий и ipsium -сам), философской концепции согласно которой несомненна одна реальность моего сознания; существование же помимо моего сознания внешнего мира и других одушевленных существ подлежит сомнению»

- и моральный или практический:

«Взгляд на человеческое поведение, согласно которому единственным мотивом человеческих действий является удовлетворение личных потребностей, т.е. стремление к личному благополучию» (выделено нами – А.У.) [Брокгауз и Ефрон, 2009].

С психологической точки зрения эгоизм трактуется как

«ценностная ориентация субъекта, характеризующаяся преобладанием в его жизнедеятельности своекорыстных личных интересов и потребностей безотносительно к интересам других людей и социальных групп» [Головин, 1998].

И, что примечательно, автор не поддерживает идеи о противопоставлении альтруизма и эгоизма, хотя и признает наличие такого

противопоставления в обыденном понимании, т.к. поддерживает выраженную в философии идею о том, что действия, совершаемые индивидом для других, в равной степени полезны как тем, для кого он их совершает, так и ему самому, поскольку все они являются частью одного целого – общества. Такую идею выдвигал в своих философских рассуждениях социолог Георг Зиммель [Simmel, 1896].

Индивидуализм как философское направление считает, *«что целью и содержанием исторического процесса является всестороннее развитие индивидуальной личности и освобождение ее от принудительных общественных связей»* [Ушаков, 2014].

В самом общем виде индивидуализм как моральное или социальное мировоззрение подчеркивает индивидуальную свободу, личную независимость и первостепенное значение личности, признает приоритет интересов индивида над коллективными интересами.

Данные определения позволяют нам выделить более широкий аспект толкования индивидуализма, поскольку он рассматривался в рамках философии и психологии как самостоятельный, не связанный с эгоцентризмом феномен. В то время как эгоизм гораздо ближе по определению к рассматриваемому нами феномену эгоцентризма, и в дальнейшем мы будем ориентироваться на схожесть этих феноменов. Но сначала мы хотим рассмотреть трактовку эгоцентризма в зарубежных, англо- и германоязычных источниках.

Так Cambridge Dictionary описывает эгоцентризм следующим образом: *«Thinking only about yourself and what is good for you»* [Cambridge, 2022].

Collins Cobuild определяет эгоцентрика (эгоцентризм рассматривается как свойство присущее эгоцентрику):

«Someone who is egocentric thinks only about themselves and their own wants and does not consider other people» [Collins, 2022].

И наконец Merriam-Webster Dictionary трактует эгоцентризм как:

«Excessive interest in oneself and concern for one's own welfare or advantage at the expense of or in disregard of others» [Merriam-Webster, 2022].

Обращаясь к германоязычным источникам, мы видим схожие черты с определениями в английском языке. Так электронный словарь Spektrum.de и словарь Duden трактуют эгоцентризм как:

«bezeichnet die Haltung eines Menschen, der seine eigene Person als das Zentrum allen Geschehens betrachtet und alle Ereignisse von seinem eigenen Standpunkt und vor seiner eigenen Perspektive aus bewartet» [Duden, Spektrum, 2022].

Таким образом, мы можем видеть, как зарубежные источники еще более ярко выделяют мысль об эгоцентризме как о феномене негативной направленности, способным наносить вред окружающим за счет игнорирования их интересов, или прямого и сознательного их ущемления.

На основании проведенных нами изысканий мы хотим выделить различия, присущие эгоизму и эгоцентризму, и пояснить, какие именно особенности эгоцентризма являются значимыми для нашего исследования.

Эгоизм в рассмотренных нами источниках не характеризуется как однозначно негативное качество, обнаруживается ориентация индивида на себя, но без игнорирования интересов окружающих. Т.е. эгоист осознает их и может поступить с их учетом. В то время как эгоцентрист – нет. Эгоист может увидеть интересы других и проигнорировать их в силу ориентированности на себя, но эгоцентрист их просто не видит, будучи полностью сконцентрирован на своих интересах (тем самым подтверждается крайняя форма эгоизма).

Считаем важным отметить, что ни русскоязычные, ни иностранные источники не отмечают признак сознательности в проявлении эгоцентризма. Т.е. мы не можем с уверенностью сказать, является ли эгоцентризм неким качеством (врожденным или сформированным) или стратегией поведения индивида. Поэтому в рамках нашей работы мы не будем акцентировать внимание на механизме формирования эгоцентризма (врожденном или

приобретенном), но будем рассматривать только его проявления в рамках анализируемого дискурса.

Как следует из результатов дефиниционного анализа, содержательный минимум понятия «эгоцентризм» не отличается четкостью, что отражается в низкой степени дефиниционности трактовок, представленных в толковых словарях. Очевидно также, что в лексикографии понятия «эгоцентризм» и «эгоизм» практически синонимизируются, содержание понятий конкретизируется с помощью апелляции к признаку 'направленность на себя'.

Отсутствие четкого представления об интересующем нас понятии обусловило необходимость установить обиходное осмысление понятий «эгоизм» и «эгоцентризм» с целью определения существующих в наивном сознании носителей русского языка коннотаций этих лексем, и того, насколько широко эти понятия распространены в обществе, и, следовательно, насколько содержания этих понятий далеки или близки к словарным дефинициям.

Для достижения данной цели нами была разработана анкета, призванная подтвердить, опровергнуть или дополнить результаты проведенного дефиниционного анализа.

В очном и заочном опросе приняли участие 128 респондентов в возрасте от 20 до 71 (из них – 109 женщин, 19 мужчин), которым было предложено ответить на два основных вопроса: в качестве первого вопроса респонденту предстояло дополнить фразу «*Эгоцентризм – это...*»; в качестве второго вопроса участникам опроса предлагалось сформулировать свое понимание различий между эгоцентриком и эгоистом. Первый вопрос направлен на уточнение обиходного понимания эгоцентризма, второй вопрос имеет цель проследить, как соотносится интересующее нас понятие эгоцентризма / эгоцентрика с понятием эгоизма / эгоиста.

Анализ полученных результатов позволил прийти к следующим заключениям.

Прежде всего, обратим внимание, что в обыденном представлении современных носителей русского языка (25 респондентов, 19,53%) эгоцентризм соотносится с ориентацией на себя, синонимизируясь с лексемами *заикленность*, *центрированность*, *себялюбие*, что скорее всего обусловлено внутренней формой слова (*эго + центр*):

Заикленность на своем эго¹.

Заикленность на себе, неспособность увидеть картину с другой стороны и поставить себя на место другого человека.

Центрированность только на собственной персоне.

Заикленность на собственных ощущениях и желаниях.

Себялюбие в самой высокой степени.

Любовь к себе, очень обостренная, я – в центре мира.

Любить только себя и свои желания.

Стремление свести всё к себе.

Достаточно ожидаемо, что большинство респондентов воспринимают эгоцентризм как негативное качество человека, что выражено косвенно, через отсылку к причиняемому ущербу. 63,28 % всех опрошенных выразили негативные суждения в адрес понятия «эгоцентризм».

Эгоцентризм это ставить свои личные интересы выше всех, независимо от последствий, даже если они несут ущерб другим.

Разновидность социального поведения, при котором действия человека направлены на удовлетворение собственных потребностей, даже если эти действия идут вразрез с принятыми в обществе моральными устоями.

Несколько опережая изложение результатов, заметим, что нанесение ущерба другим становится одним из дифференциальных признаков, отличающих эгоцентрика от эгоиста.

Эгоист – “я существую”. Это человек который заботится о личном благе, но не за счёт и не в ущерб других. Он создаёт такие условия, чтоб

¹Здесь и далее в приводимых примерах сохранена графика, орфография и пунктуация участников анкетирования.

было и ему, и другим хорошо жить. Эгоист не идёт по головам и в ущерб другим, улучшая себя и свою жизнь, у эгоцентриста – все способы хороши, лишь бы ему было хорошо.

Эгоист – это человек, любящий себя и ценящий себя как личность, он уважает свои границы и не даёт другим их нарушить, не нарушая при этом чужие. Эгоцентрик же в угоду своих желаний может спокойно переступить черту, нарушая нормы и правила, не интересуясь желаниями и мнением других людей.

В ряде повторяющихся примеров (20% ответов) негативная оценка эгоцентризма выражена конструкциями с ограничительными частицами *только, исключительно*:

*Когда человек думает **только** о себе.*

*Центрированность **ТОЛЬКО** (выделено автором) на собственной персоне.*

*Есть **только** я и никого кроме меня.*

***Только** мое мнение существует и оно единственное правильное.*

*Способность учитывать **только** свое мнение.*

*Сосредоточенность **исключительно** на своей личности.*

Подобную ограничительную функцию выполняет также наречие *единственно*:

*Когда человек не считается ни с чьим мнением, **кроме** своего и считает его **единственно** верным.*

Справедливости ради следует признать, что не все участники опроса трактуют эгоцентризм как однозначно негативное явление, в 17,97 % (23 респондента) сформулированных определений оценка рассматриваемого феномена располагается в нейтральном или положительном диапазоне.

Разумный эгоизм.

Рациональное проявление эгоизма в пользу своих потребностей и нужд.

Действие эгоиста всегда направлены на его благо, эгоцентрик будет пропускать свои действия через свою систему морали.

*Мировоззрение в котором центр всех ценностей это сам человек.
Концентрация на первой позиции – Я.*

Акцентирование взглядов, жизненной позиции, видов деятельности на своем эго. Т. е. “Я” – основа мироздания и мир вертится вокруг этого “Я”.

Все мы эгоисты, но идеальный – ставит себя и свои потребности на первое место, а эгоцентрист – в центр, то есть он замыкает систему на себе, в противоположность эгоисту.

Примечательно, что респонденты указывали на градуальный характер отношений между эгоцентризмом и эгоизмом, акцентируя внимание на «крайность» эгоцентризма в сравнении с эгоизмом. Эгоцентризм рассматривается как «продолжение» эгоизма, его крайняя форма в ответах 23(17,97%) респондентов.

Крайний эгоизм.

Крайняя форма проявления эгоизма.

Эгоизм, выходящий за рамки разумного.

Крайняя форма проявление эгоизма, выражающаяся в полном несогласии со мнением других и определение своей точки зрения как единственно верной.

Себялюбие в самой высокой степени.

Высшая форма эгоизма.

Гипертрофированный эгоизм.

Хуже эгоиста.

К данной позиции присоединяются респонденты, которые в метафорической форме (*Я – центр вселенной*) или через отсылку к прецедентным феноменам (*Д’Артаньян; пуп земли*) выражают сходную мысль, что обнаруживается в 18,75% (24 респондента) проанализированных анкет:

Человек, считающий себя центром вселенной.

Ощущение что мир крутится вокруг меня.

Чувство того, что весь мир крутится вокруг тебя одного, что все что-то должны.

Все никто, я – Д'Артаньян.

«Пуп земли» – говорят про таких людей.

Заслуживает внимание факт, что 25% участников опроса (32 респондента) небезосновательно считают эгоцентризм дефектом / психическим недугом (*мания величия*), характеризующим неполноценность человека как личности и как члена социума:

*Мировоззрение / черта характера человека, наличие которой характеризует его **неспособность** считать правильными любые мнения, несовпадающие со своими.*

***Отсутствие способности** и желания воспринимать чужую точку зрения, отличную от своей.*

*Это **неспособность** точно принять или понять какую-либо точку зрения, кроме своей собственной.*

***Нездоровое** концентрация на собственной персоне путём выдвигания своей личности на первый план.*

***Неспособность** координации разных точек зрения.*

*Для меня это **мания величия**.*

Нельзя не заметить, что 25 % определений респондентов (32 участника опроса) совпадают со словарными в аспекте «непонимания других», т.е. неумения, неспособности пропускать через себя намерения и образ мыслей, точку зрения другого, что обуславливает сложности в межличностных отношениях.

Когда человек не считается ни с чьим мнением, кроме своего и считает его единственно верным.

*Черта характера человека, наличие которой характеризует его **неспособность** считать правильными любые **мнения**, **несовпадающие со своими**.*

*Отсутствие способности и желания **воспринимать чужую точку зрения**, отличную от своей.*

*Заикленность на себе, **неспособность** увидеть картину с другой стороны и **поставить себя на место другого человека**.*

*Это позиция человека, при которой он **не воспринимает взгляды других людей, отличающиеся от его**.*

*Способность учитывать **только свое мнение**.*

Заметим также, что в обиходном понимании эгоцентризм имеет «возрастную» характеристику и ассоциируется с незрелостью (5 % респондентов):

Это детский эгоизм.

Появляется у детей.

Присуще маленьким детям.

Что касается дифференциации понятий «эгоцентрик» и «эгоист», то представления информантов о различиях между ними являются несколько парадоксальными, что обнаруживается при анализе ответов на вопрос «*Чем с Вашей точки зрения, эгоцентрик отличается от эгоиста?*». Многие респонденты (30 респондентов, 23,44% всех опрошенных) видят разницу между эгоцентриком и эгоистом в том, что первый не способен различать потребности и интересы других, в то время как второй различает их, но все равно поступает, исходя из своих интересов. Злонамеренность, осознанность поведения, по мнению информантов, становится дифференциальным признаком анализируемых понятий.

Эгоист намеренно пренебрегает интересами других, а эгоцентрик это совершает потому, что не способен распознать чужие мнения, потребности и чувства.

Эгоцентрик не замечает других и их потребности, мнения Эгоист знает, что у людей есть все это, но не учитывает их.

Эгоцентрик НЕ УМЕЕТ распознавать чужие, отличные от своих мнения и взгляды. Эгоист НАМЕРЕННО пренебрегает интересами других, предпочитает личные интересы интересам общественным.

По сути, данная точка зрения вступает в противоречие с вышеприведенными определениями, согласно которым эгоцентризм – крайняя степень проявления эгоизма. Представляется, что «высшая, крайняя степень» проявления чего-либо связана с осознанностью выбора, что и отмечают многие опрошенные, но только по отношению к эгоисту: эгоист становится эгоистом благодаря выбору, выбору получить максимальную выгоду для себя, в то время как эгоцентрик в некотором роде не выбирает, его свойства характера не осознаны им самим.

Эгоисты намеренно пренебрегают интересами других, в то время как эгоцентрики это совершают потому, что они не способны распознать чужие мнения и взгляды.

Эгоцентрик не видит вокруг себя никого только он и его мнение. Эгоист сделает так что бы ему было выгодно.

Эгоизм характеризуется любовью к собственной персоне и стремлением делать что-либо для себя, а эгоцентризм тем, что человек ощущает себя центром Вселенной.

Эгоцентрик про стиль мышления: он всегда прав и единственный во всем мире знает истину. Эгоист про действия и поведение: делает только то, что ему выгодно. И в отношениях с другими людьми стремится к получению собственной выгоды не считаясь с интересами других.

Следует отметить, что ответы информантов на второй вопрос нередко носят противоречивый характер. В частности, неоднозначное отношение прослеживается в ответах респондентов по поводу «центра внимания»: одни респонденты (2,35 % информантов) приписывают эгоисту желание быть в центре внимания:

Эгоцентрик не получает удовольствие от внимания, а эгоистичный любит превышенное внимание к своей личности.

Я считаю это схожие понятия. У эгоиста более агрессивно проявляется желание быть в центре (внимания).

В то время как другие (2,35 % информантов) обнаруживают его же у эгоцентрика:

Человек, который эгоцентричен, считает, что он находится в центре внимания, но не получает удовлетворения от собственного восхищения.

Эгоист все, всё и вся для него, эгоцентрик должен быть в центре всеобщего внимания и восхищения.

Эгоист просто думает о себе по любимым обстоятельствам, а эгоцентрик хочет быть в центре внимания и делает так как ему кажется правильным.

Наконец, еще одним противоречивым критерием разграничения двух понятий выступает нанесение вреда, ущерба другому и способность его осознанного применения. Разногласия респондентов представлены равномерно в количественном отношении – по 3,9 % информантов занимают противоположные позиции:

Эгоист – "я существую". Это человек который заботится о личном благе, но не за счёт и не в ущерб другим. Он создаёт такие условия, чтоб было и ему, и другим хорошо жить. Эгоист не идёт по головам и в ущерб другим, улучшая себя и свою жизнь, у эгоцентриста – все способы хороши, лишь бы ему было хорошо.

Эгоист может навредить окружающим, он не принимает в расчёт нужды и ценности окружающих, а эгоцентрик действует с заботой об окружающих, но склонен все, что происходит, заикливать на себе.

Таким образом, анализ контекстов рефлексии продемонстрировал амбивалентную природу наивно-языковых представлений об эгоцентризме и нечеткость, противоречивость попыток информантов дифференцировать понятия «эгоцентризм / эгоцентрик» и «эгоизм / эгоист». В качестве дифференциальных признаков чаще всего выступают намеренность /

ненамеренность говорящего, ориентация говорящего на себя / на окружающих, причинение / не причинение вреда окружающим.

Размытость и нечеткость содержательного минимума рассматриваемого понятия обуславливают необходимость обращения к научной картине мира для решения поставленных в исследовании задач. Формирование научного «портрета» эгоцентризма следует начать с обращения к психологическим истокам данного феномена.

2.2. Психологический аспект эгоцентризма

В данной части исследования обратимся к рассмотрению психологического аспекта эгоцентризма для выявления его генезиса, уточнения понятия, а также обнаружения дифференциальных признаков, позволяющих сопоставить эгоцентризм с близкими понятиями, в частности с понятием нарциссизма.

Начнем с того, что в психологии феномен эгоцентризма в первую очередь рассматривается в связи с работами Жана Пиаже, который в 20-е годы XX в. начал трактовать развитие мышления как процесс экстерниоризации, т.е. перехода от аутистического (внутреннего) к внешнему, (реалистическому, социальному) через стадию эгоцентризма [Piaget, 1920]. Другими словами, идея эгоцентризма формулируется как переходный этап между аутистическим и социальным мышлением. В свою очередь концепция данных типов мышления восходит к понятиям первичных (удовлетворение потребностей индивида) и вторичных (контроль потребностей сообразно реальности) психических процессов, сформулированным Зигмундом Фрейдом [Фрейд, 2007]. В этой связи считаем целесообразным представить определение аутистической и социальной моделей мышления по Ж. Пиаже, которые необходимы для дальнейшего понимания концепции эгоцентризма.

Под аутистическим мышлением Ж. Пиаже понимал тип мышления, свойственный каждому ребенку от рождения. Это принцип удовольствия

(«делаю то, что хочу»), соответствующий его желаниям, это «личный, невыразимый, смущающий, не имеющий направления, безразличный к правде, богатый образами и символами и превыше всего не осознающий свое существование и существование направляющих его факторов» [Пиаже, 1994, с. 204-205]. Этот тип мышления Ж. Пиаже противопоставлял социальному (социализированному) типу мышления, основанному на логике реальности и ориентированному на познание окружения, внешнего мира (принцип «делаю то, что должен»), а не на утверждении собственной точки зрения.

Применив впервые термин «эгоцентризм» на конференции в Берлине в 1922 году [Пиаже, 1969, с. 284] и определив эгоцентризм как промежуточный этап, переходную стадию между аутистическим мышлением (свойственным детям от рождения до 2-3 лет) и социализированным логическим мышлением (свойственным детям от 12 лет и старше), Ж. Пиаже выделил следующие черты сходства между аутистическим мышлением ребенка и эгоцентрическим:

- отсутствие логичности мышления в любых формах;
- отсутствие осведомленности о процессах своего мышления;
- доминирование образного мышления над концептуальным;
- доминирование принципа личного удовольствия как ключевого побудителя к действию [Пиаже, 1994, с. 279].

Небезынтересным представляется предложенное ученым разграничение двух типов эгоцентризма – онтологического и логического эгоцентризма. Онтологическому эгоцентризму свойственно отсутствие понятия «субъективизма мышления», в силу того, что своя точка зрения на восприятие окружающего мира является единственной, в результате чего человек не может оперировать понятиями «объективный» / «субъективный» [Пиаже, 1969, с. 242]. Данный фактор является основополагающим. На данном этапе развития ребенок, по Ж. Пиаже, «наделяет жизнью внешний мир и материализует саму вселенную» [Там же. С. 255]. Однако в процессе

социализации наступает осознание существования «субъективности» как явления, влияющего на восприятие окружающего мира.

Логический эгоцентризм основан на той же убежденности ребенка, что «весь мир думает, как и он. И что ему (ребенку) еще неизвестна множественность возможных перспектив, и он остается слеп ко всему, кроме своего восприятия, как если бы оно было единственно возможным» [Пиаже, 1994, с. 167]. Эта разновидность эгоцентризма проявляет себя через:

1) особенности речевой деятельности. Большую часть речи ребенка составляют коллективные монологи (это связано с неспособностью слушать остальных участников беседы), ему свойственна эхолоалия (автоматическое повторение слов или фраз, произнесенных другим человеком);

2) неспособность взглянуть на ситуацию с точки зрения другого человека. Приведем общеизвестный пример одного из экспериментов, проводимых Ж. Пиаже: ребёнку, имеющему братьев и сестер, последовательно задавался два вопроса: первый – *Сколько у тебя братьев и сестер?*; второй – *Сколько сестер и братьев у твоего брата или сестры?* Если на первый вопрос ребенок отвечал, что у него один брат, то на второй вопрос он отвечал: «Брата нет». Тем самым второй ответ демонстрирует, что сам ребенок не считает себя «братом или сестрой», т.е. не осознает, что может не быть «центральной» объектом;

3) синкретизм, как тенденцию к обобщенности мышления без учета отдельных частей целого;

4) трансдукцию, переход от частного к частному, минуя общество. В качестве примера приводится утверждение «Я еще не спал в полдень», которое ведет к заключению, что день (как послеполуденное время) еще не наступил;

5) слияние образов и мыслей на основании ассоциаций, а не логических выводов и без дифференциации первичного и вторичного.

Справедливости ради следует заметить, что в середине 1930-х гг. Ж. Пиаже внес изменения в свою теорию эгоцентризма, перестав считать

эгоцентризм промежуточной стадией между аутистическим и социализированным мышлением, и стал рассматривать этот феномен как проявляющийся в более зрелом возрасте и на разных этапах развития личности [Пиаже, 1969, 1994].

Ж. Пиаже считал, что эгоцентризм может неоднократно повторяться в процессе развития личности в силу того, что феномены психики не переходят от этапа к этапу в неизменном виде, но возникают вновь на каждом из них, с учетом особенностей нового этапа.

На основе этого Ж. Пиаже вывел еще один вид эгоцентризма, который может быть присущ индивиду и во взрослой жизни, но с сохранением основных черт феномена: **отсутствие восприятия необъективности своего взгляда на окружающую действительность и неспособность восприятия взглядов окружающих** (выделено нами – *А.У.*) как отличных от своего собственного (принцип «*все думают, как я*»). Особенно ярко это свойство может проявляться у взрослых при взаимодействии с носителями культур, отличных от своей собственной.

Следует признать, что в процессе разработки концепции эгоцентризма Ж. Пиаже подвергался неоднократной и разносторонней критике, в частности от отечественного психолога Л.С. Выготского, который утверждал, что *эгоцентричная речь* ребенка служит конкретной цели – переходу к внутреннему диалогу и таким образом выполняет функцию социализации ребенка [Выготский, 2008, с. 233]. Оппонируя ему, Ж. Пиаже отмечал, что: «эгоцентричная и коммуникативная речь не являются одинаково социализирующими, т.к. хотя и имеют общую интенцию, направленную на укрепление позиции индивида в обществе, но при этом приводят к разному результату» [Пиаже, 1981, с. 188-193].

Обобщая сказанное, укажем, что основополагающими в концепции, предложенной Ж. Пиаже (в том числе в результате корректировки определения автором и под влиянием критики), являются следующие черты, определяющие эгоцентризм:

- соотнесенность с разными возрастными периодами развития индивида (возможность повторных возникновений);
- рассмотрение своей перспективы (точки зрения) как приоритетной или единственной;
- в случае признания существования других точек зрения, кроме своей, личная позиция остается приоритетной.

Считаем важным для понимания природы эгоцентризма проиллюстрировать последний пункт примером: на этапе развития личности, который Ж. Пиаже называл *этапом формальных операций* (от 12 лет до взрослой жизни включительно), индивиды склонны к мессианству, что является прямым проявлением эгоцентризма в поведении. Данному периоду свойственно рассогласование между ориентацией на социально значимые концепты, например, справедливость, свобода, защита окружающей среды и т.д. и фактическому следованию им в реальной жизни. Так, индивид, ратующий за экологию и раздельный сбор мусора, может сам не убирать свою комнату неделями.

Нельзя не упомянуть, что в современной психологии существуют взгляды на трактовку эгоцентризма на более поздних этапах развития личности (у взрослых), отличающиеся от взглядов Ж. Пиаже. Так, ряд практикующих психологов (И.В. Ахраменко, Н. Стилсон) выделяет следующие характерные проявления, присущие эгоцентризму, которые могут выражаться отдельно или совместно:

- эгоцентрическая слепота – склонность игнорировать факты, противоречащие ценным для индивида убеждениям;
- эгоцентрическая память – человек запоминает информацию, поддерживающую его убеждения, но «забывает» факты, противоречащие им;
- эгоцентрическая близорукость – отказ рассматривать детали, выходящие за пределы своей картины мира. Будучи поставленным перед фактом, опровергающим его теорию, человек обесценивает их, называет

«бредом». Классический пример этого свойства – сторонники лженаучных теорий (плоскоземельщики, отрицатели высадки американцев на Луну и т.д.);

- эгоцентрическое упрощение – склонность выбирать те взгляды и решения, которые «вписываются» в собственную картину мира, и игнорирование тех из них, которые могут «пошатнуть» имеющиеся парадигмы и догмы о том, как устроен мир и о своем месте в нем. В качестве иллюстрации приводится пример: индивид считает, что «за хорошие события в жизни воздается плохими, а за плохие хорошими» и не воспринимают концепцию, что количество хороших и плохих событий не зависит друг от друга, а от самого поведения индивида;

- эгоцентрическое обобщение – тенденция выделять «маркерное» событие (а через него и свои чувства), которое делает всю жизнь благоприятной или неблагоприятной [Ахраменко, 2024; Стилсон, 2017].

Полагаем, что выделяемые авторами варианты реализации эгоцентризма представляют ценность для настоящего исследования и могут быть использованы при анализе коммуникативного поведения эгоцентрика.

В современной психологической литературе отмечается, что эгоцентризм может быть свойственен и детям, и взрослым, а «причинами проявления и усиления эгоцентрических реакций у взрослых могут быть несформированность произвольной регуляции поведения, социально-психологические факторы, внутриличностные факторы и др.» [Кавун, 2012, с. 13]. Согласно исследователю, механизмами преодоления эгоцентризма личности, заключающегося в изменении точки зрения, позиции субъекта в результате столкновения, сопоставления и интеграции ее с позициями, отличными от собственной, служит развитие способности к децентрации, связанной с установкой на принятие других точек зрения [Там же].

Немаловажным нам представляется выделение современными психологами трех видов эгоцентризма, отражающихся самостоятельно или в совокупности в коммуникативном взаимодействии, – *познавательного*, в результате которого говорящий не способен понять точку зрения Другого;

коммуникативного, в результате которого субъект речи не подстраивает свои высказывания / коммуникативное поведение под конкретную коммуникативную ситуацию; и *этического*, проявляемого в неспособности или нежелании говорящего воспринимать нравственные основания действий и поступков окружающих [Пашукова, 2002; Эльконин, 2001].

Далее обратим внимание, что близким к эгоцентризму психологическим феноменом выступает «нарциссизм». Обратимся к его рассмотрению для дифференциации данных понятий.

Прежде всего заметим, что нарциссизм является одним из наиболее популярных феноменов в психотерапии, что, в свою очередь, приводит к избыточным толкованиям данного термина в разных школах психологии. Согласно словарю Merriam-Webster, нарциссизм предстает в трех значениях: первое рассматривает нарциссизм, эгоцентризм и эгоизм как тождественные явления (*Egoism, Egocentrism*); второе описывает нарциссическое расстройство личности как медицинский диагноз (*Narcissistic Personality Disorder*); третье отражает любовь или сексуальное желание к собственному телу (*love or sexual desire to one's own body*) [Merriam-Webster, 2022]. В рамках нашей работы интерес представляет первое значение. Уже сам факт уравнивания нарциссизма с эгоизмом и эгоцентризмом говорит об отсутствии в научной среде консенсуса мнений по данному вопросу.

В принятой в США номенклатуре психических расстройств “*Diagnostical and Statistical Manual for Mental Disorders*” (Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам), разрабатываемой Американской психиатрической ассоциацией, выделяются следующие признаки нарциссического расстройства личности (НРЛ):

- взгляд на себя как на личность, не имеющую или имеющую мало равных. Такой индивид может выбрать себе в партнеры людей с высоким социальным статусом, модельной внешностью и т.д.;
- уверенность в том, что окружающие ему должны и что его желания должны исполняться незамедлительно;

- считает использование людей в своих целях естественным. Не способен на искреннюю благодарность и делает это только в рамках существующей моральной нормы;

- испытывает сложности с эмпатией, не способен сравнить чувства себя и других, часто стыдится этого и скрывает. В силу этого может причинять боль ненамеренно [Campbell, Miller, 2014].

Не перечисляя всех существующих концепций (П. Наке, З. Фрейд, П. Федерн, И. Задгер) и не углубляясь в психологическую природу данного феномена, представим в обобщенном виде существенные отличительные признаки данных явлений, способствующие их пониманию.

Нам представляется целесообразным рассматривать нарциссизм как крайнюю степень эгоцентризма, что проявляется в отсутствии критического мышления по отношению к своей точке зрения. В то время как эгоцентрик, хотя и считает свой взгляд на мир приоритетным, способен к самоанализу. Нарциссизм является психологическим (диагностическим) феноменом, который возникает в результате определенного опыта, полученного в детстве чаще всего в результате или недостаточного, или избыточного внимания родителей в детстве, и как следствие, не свойственен каждому человеку. Эгоцентризм же, в отличие от нарциссизма, не относится к диагностической категории, а предстает как когнитивная категория, отражающая специфическую модель мышления. Как повторяющийся феномен, эгоцентризм может быть свойственен каждому человеку на определённых этапах развития личности.

Нарциссизму, согласно А. Грину, свойственна определенная ограниченность сферы реализации, т.е. индивид может проявлять нарциссические черты по отношению к одному или нескольким приоритетам: внешности, достижению успеха в жизни или взаимоотношениям с другими людьми [Грин, 2020].

В силу травматического происхождения нарциссизма его основной функцией в большинстве случаев является защитная. Согласно идеям

З. Фрейда [Фрейд, 2022, с. 100], только добиваясь всеобщего внимания или своего превосходства, нарцисс может получить подтверждение собственной значимости, которое он не находит в себе. Психолог Хайнц Кохут [Цит. по: Голдсмит, 2015] описывает нарциссов как людей, находящихся в круге «идеализация-обесценивание», при идеализировании увеличивается значение одной единицы (себя или окружающих) и одновременно обесценивается другая. В отличие от нарциссизма основной функцией эгоцентризма у взрослого индивида является компенсаторная.

Эгоцентризм может иметь общее происхождение с нарциссизмом: в результате недополученного от своих родителей удовлетворения своих потребностей во внимании и исполнении своих желаний на соответствующем этапе развития личности в детстве. И вот уже взрослый индивид стремится компенсировать детские «травмы», получая ощущение личной ценности другим путем. А именно путем игнорирования (чаще неосознанного) существования всех интересов, кроме своего собственного. Подобно тому, как подросток злоупотребляет алкоголем, потому что «теперь взрослый и можно», а раньше было нельзя, и таким образом доказывает свою «взрослость», так же и эгоцентрист пытается доказать себе и миру, что он достоин принятия как личность, выбирая для этого путь, ограничивающий его восприятие действительности.

Стоит отметить также, что склонность к нарциссизму или регресс от эгоцентрического взгляда на мир к нарциссическому может культивироваться в отдельных культурах. Например, высокое положение в определенных сферах в западной культуре (политики, звезды кино и шоу-бизнеса) может усилить ощущение своей позиции как единственно правильной и вызывать агрессию в адрес любого человека, чья позиция диссонирует с его собственной.

Резюмируя, мы можем сделать вывод, что нарциссизм при всей его кажущейся схожести с эгоцентризмом является отдельным феноменом, и его протекание связано в большей степени со сферой клинической психологии.

Нарциссизм возникает как один из возможных вариантов спонтанной защитной реакции при психотравмирующем опыте (чаще всего, случившимся в детстве), и не является свойственным каждому индивиду, в то время как эгоцентризм присущ каждому человеку на определенном этапе развития личности, и может проявлять себя вновь на более поздних этапах у конкретных индивидов. Однако проявляя себя на более поздних этапах эгоцентризм способен создавать коммуникативный барьер (барьер в понимании) в силу игнорирования интересов собеседника или прямого и сознательного их ущемления.

Основные признаки различий между нарциссизмом и эгоцентризмом представим в таблице № 1.

Таблица № 1.

Соотношение понятий «эгоцентризм» и «нарциссизм» в психологической парадигме

Критерий	Нарциссизм	эгоцентризм
Связь с клинической психологией	+	–
Наличие психотравмирующего опыта	+	– / +
Способность к самоанализу, наличие критического мышления	–	– / +
Потенциальное свойство любого человека	–	+
Возможность осознать наличие проблемы без помощи специалиста	–	+
Функциональный аспект	Защитная функция	Компенсаторная функция

В результате анализа психологической природы рассматриваемых понятий можно сделать вывод, что с точки зрения отношения к окружающим эгоцентризм ближе к нарциссизму, чем эгоизм: первые не воспринимают позицию других, последний ее игнорирует. Основное отличие эгоцентризма от нарциссизма мы видим в их психотерапевтической природе и функциональных особенностях.

Очевидно, что эгоцентризм неразрывно связан со сниженными эмпатическими свойствами человека. Эгоцентричная личность предстает как индивид, неспособный принимать и учитывать информацию, противоречащую собственному опыту, как обладатель специфической позиции, которая характеризуется исключительностью, сосредоточенностью на собственных интересах и переживаниях.

Следует обратить внимание, что эгоцентризм становится свойством личности при несформированном умении совершать акты децентрации [Кавун, 2012]. В противоположность эгоцентризму, децентрация напрямую связана с установкой на восприятие точек зрения, отличных от собственной. «Именно при такой установке возможно принятие других ценностей, взглядов, обычаев, вне зависимости от степени согласия с ними» [Кавун, 2012, с. 5].

Рассмотрение понятия эгоцентризма в научной картине мира будет неполным без обращения еще к одному аспекту – философскому.

2.3. Философский аспект эгоцентризма

Философский аспект рассмотрения эгоцентризма связан в первую очередь с развитием идей взаимодействия пары «Я–Другой/-ие» и свойственных этому взаимодействию сложностей. Одним из наиболее важных исследований Другого считается работа Эдмунда Гуссерля, который описывал существование «Я» как необъективного наблюдателя и Другого – остальные объекты мира, кроме «Я». Данная дихотомия вызывала вопросы, например, можно ли увидеть объективно других людей и не быть эгоцентричным по своей сути.

«Проблема ставится, таким образом, прежде всего в специальном аспекте, а именно, как проблема существования «других» для меня» [Гуссерль, 2001, с. 187].

Э. Гуссерль подчеркивал, что другие люди воспринимаются нами через процесс, который он называл «аппрезентацией», т.е. способом, с помощью которого сознание одного человека может интуитивно уловить внутренний мир другого, несмотря на то, что прямой доступ к его внутреннему опыту недоступен. Этот процесс основан на так называемой «парной связи», где мышление и чувства другого человека становятся «соприсутствующими» в нашем собственном опыте через выражение и поведение [Гуссерль, 2001].

Для Э. Гуссерля ключ к решению проблемы взаимодействия «Я–Другой» заключается в феномене интерсубъективности, который позволяет субъектам признавать существование картин мира отличных от их собственных. Э. Гуссерль утверждал, что наша способность к эмпатии и интерсубъективному восприятию основывается на фундаментальной структуре сознания, которая открыта миру и другим сознаниям. Эмпатия (*Einfühlung*) является фундаментальным компонентом этого процесса, позволяющим нам воспринимать и понимать чувства, мысли и намерения других людей., т.е. мира, где Я и Другой имеют общую точку соприкосновения – реальность, и что Другой это не просто еще один неодушевленный объект мира [Приводится по: Вавина, 2014, с. 21].

Ранее к данной проблематике обращался Мартин Бубер, израильский философ и религиозный мыслитель, разработавший концепцию отношений «Я–Ты» и «Я–Это» в своей работе «Я и Ты» (*Ich und Du*, 1923) [Бубер, 1995]. Он утверждал, что настоящие взаимоотношения возникают только в контексте «Я–Ты», где каждая сторона признает другую как подлинное, независимое существо. Эти отношения характеризуются взаимностью и непосредственностью, в отличие от отношений «Я–Оно», где Другой воспринимается как объект или средство для достижения цели и способствует отчуждению между людьми. В качестве восстановления «причастности к миру» М. Бубер предлагал «одушевление» объекта, к которому обращается говорящий, т.к. «полностью оставить мир «Оно»

способен лишь законченный психотик, а живущий лишь в мире «Оно» перестает быть человеком» [Цит. По: Бочкарев, 2013, с. 15].

Схожие концепции разрабатывает Жан-Поль Сартр, французский философ, один из ведущих представителей экзистенциализма. В своей работе «Бытие и ничто» (*L'Être et le néant*, 1943) [Сартр, 2009] он развивает идею, что наше Я формируется в контексте взаимодействия с Другим. Ж. Сартр изложил концепцию «взгляда», согласно которой наше сознание и самосознание формируются через восприятие нас другими людьми. Ж. Сартр представлял Другого как зеркало, в котором индивид видит себя отраженным, и это влияет на формирование его самоидентичности и сознания. Согласно его концепции, бытие тройственно. Оно воплощает себя в трех взаимосвязанных формах: «бытие-в-себе», «бытие-для-себя» и «бытие-для-другого».

«Бытие-в-себе» (*être-en-soi*) относится к модусу существования объектов внешнего мира. Эти объекты существуют независимо от человеческого сознания и не обладают субъективностью. Бытие-в-себе характеризуется полной идентичностью самому себе, статичностью и отсутствием внутренних противоречий. Это форма бытия, которая просто «есть», без возможности отражения или самосознания.

«Бытие-для-себя» (*être-pour-soi*) связано с человеческим сознанием и субъективным опытом. В отличие от бытия-в-себе, которое характеризуется абсолютной позитивностью и определенностью, бытие-для-себя находится в состоянии постоянного становления и недостатка. Ж. Сартр описывает это как состояние, в котором субъект постоянно стремится стать кем-то, кем он еще не является, – это поиск идентичности, свободы и самоопределения через выбор и действие. Субъекты (бытие-для-себя) обладают самосознанием и способностью к рефлексии, что позволяет им осознавать собственное существование и отношения с миром.

«Бытие-для-другого» (*être-pour-autrui*) описывает человеческое существование с точки зрения восприятия нас другими людьми. Ж. Сартр

аргументирует это тем, что взгляд или осознание нас другим человеком заставляет нас стать объектом и ведет к потере части нашей свободы, т.к. мы начинаем видеть себя глазами других. Это создает чувство стыда или гордости, в зависимости от того, как мы воспринимаем взгляд Другого. Эта концепция иллюстрирует, как взаимодействие с другими людьми неизбежно влияет на наше личное восприятие и поведение.

Таким образом, появление Другого ограничивает свободу «бытия-в-себе», бесконечного в позиционировании себя во времени и пространстве, когда нет Другого. Другой «фиксирует» возможности самовыражения себя. Подобно тому, как говорящий ограничен рамками конкретного жанра в конкретном дискурсе.

И одним из самых масштабных исследований Другого считаются работы Эммануэля Левинаса. Он подчеркивал, что истинное этическое взаимодействие начинается с признания «Другого» как непостижимо отличного от нас. Эгоцентризм в мышлении и речи, по мнению Э. Левинаса, преодолевается через этическое отношение к «Другому», которое требует от нас выхода за пределы нашего собственного Я» [Левинас, 2014, с. 46].

Э. Левинас считал, что «зацикленность Я на собственном бытии полностью преодолевается лишь в этическом измерении, когда сознание обращается на себя и видит не интеллигибельный объект, но неопределимое, движущееся сознание-совесть. В этот момент исхождение Я за собственные пределы, в направлении лица, не обращается в опыт, не подвергается единомоментной рефлексии» [Цит. По: Калинина, 2020, с. 125]. Кроме того, он полагал, что взаимодействие «Я-Другой» является априори ненасильственным, где насилие – это «любое действие, если совершающий его ведет себя так, словно действует только он один, словно весь прочий мир призван лишь испытывать воздействие»; кроме того насилие это также «любое действие, которое мы претерпеваем, не соучаствуя в нем» [Там же. С. 126].

Э. Левинас постулировал, что насильственное взаимодействие возникает, когда Я пытается минимизировать Другого до чего-то понятного и управляемого, редуцируя при этом непонятные и/или неудобные черты личности Другого. Это происходит, когда мы воспринимаем Другого исключительно через призму своих нужд, желаний или предвзятых категорий, тем самым навязывая другому человеку свои догмы и воззрения и тем самым изменяя индивидуальность его бытия. Э. Левинас называл это «убийством» или «насилием», поскольку это подавляет или игнорирует радикальное отличие и свободу Другого. Это взаимодействие уменьшает бесконечное Другое до конечных и понятных терминов, что, по его мнению, представляет собой фундаментальную этическую ошибку.

В противоположность насильственному взаимодействию, ненасильственное взаимодействие происходит, когда Я подходит к Другому с позиции бесконечного уважения и открытости к его непостижимости. Автор считал, что истинное этическое отношение к Другому требует признания его как абсолютно отдельного, уникального и непостижимого. Это подразумевает бескорыстное принятие и ответственность за Другого, без попыток его изменить или понять полностью. Э. Левинас также выделял понятие «лицо» (*le visage*) Другого, которое символизирует его фундаментальную уязвимость и одновременно требование к этическому ответу [Левинас, 2000].

Таким образом, можно сказать, что эгоцентризм с философской точки зрения рассматривается как объектное отношение Я говорящего к Другому, где одушевленные объекты, как представляющие угрозу свободе Я, лишаются свойства одушевленности, часто путем ее игнорирования, что и отличает эгоцентризм от эгоизма, который больше похож на идею Я Э. Гуссерля, признающего право других объектов на существование: «Я подобно всякому другому существую как человек среди других людей» [Гуссерль, 2010, с. 166].

Проблемы интерсубъективности, отношения «Я–Другой», их теоретико-познавательный и философский аспекты помогают раскрыть суть эгоцентризма и неизбежно связаны с проблемой плана содержания языковых единиц и выражений. Кроме того, рассмотрение философского взгляда на взаимоотношения Я и Другой/-ие подтверждает наше понимание эгоцентризма как свойства личности, зачастую неосознаваемого его обладателем, и как коммуникативного феномена, проявляющегося в общении, в межличностном взаимодействии с Другим.

2.4. Лингвистический аспект эгоцентризма

2.4.1. Лингвистический статус эгоцентризма в современных исследованиях

В данной части исследования вернемся к задаче уточнения понятия эгоцентризма и обратимся к анализу существующих в лингвистической науке концепций, так или иначе затрагивающих вопросы рассмотрения и анализа данного феномена, для того, чтобы определить свою позицию по этому вопросу.

Прежде всего обратим внимание, что проявление интереса к феномену эгоцентризма обнаруживается в отечественных лингвистических исследованиях в конце XX в. и активизируется в XXI в. При этом очевидным является отсутствие единого взгляда на сущность эгоцентризма и наличие различных векторов его изучения.

Научные работы, посвященные анализу эгоцентризма, чаще всего трактуют его, по нашему мнению, как имманентно присущую каждому носителю языка категорию, так или иначе вербализующуюся в речи. В частности, Е.Г. Хомякова в своем диссертационном исследовании под эгоцентризмом предлагает понимать особую способность Homo sapiens отражать в своем сознании, преломляя сквозь призму Я мыслящего и говорящего, образ окружающего его мира, частью которого он себя сознает и

картину которого создает в процессе речемыслительной деятельности [Хомякова, 2002, с. 93]. Речь в исследовании ученого, таким образом, идет о стадиях формирования языкового сознания индивидуума, становления и эволюционирования интеллекта человека как вида и как личности. В результате автор выделяет номинативную, предикативную и эгореференциальную стадии развития языкового сознания. Утверждается, что «становление номинативных способностей языковой личности соответствует начальной стадии развития языкового сознания и подготавливает почву для овладения предикативными навыками, то их реализация свидетельствует о переходе к синтаксической стадии развития речемыслительной деятельности» [Там же. С. 129]. Эгореференциальный этап развития интеллекта человека соответствует, по мнению автора, наивысшему уровню развития сознания, а именно самосознания и характеризует период формирования субъектно-субъектных отношений. При этом подчеркивается условность и нечеткость границ между этапами становления речемыслительных навыков у одного и того же ребенка [Хомякова, 2002].

Идеи Е.Г. Хомяковой находят частичное продолжение в исследовании И.В. Породина, который утверждает, что «формирование субъектно-объектных (Я – Мир), субъектно-субъектных (Я – другой человек) и автосубъектных (Я – alter ego) отношений определяет вектор развития языкового сознания индивидуума, способности языковой личности к номинации, предикации и эгореференции» [Породин, 2007, с. 5]. В соответствии с таким подходом складывается следующее убеждение исследователя, что «языковой эгоцентризм реализуется по схеме: «слово → предложение → текст»: эгореференциальные характеристики «нижнего» уровня актуализируются в рамках последующего, «высшего» уровня, и наоборот. Так, эгореференциальные параметры *текста* «складываются» из эгореференциальных параметров «нижних» уровней – *предложения* и *слова*» [Там же. С. 5-6].

Одним из направлений изучения эгоцентризма в лингвистике является научное толкование эгоцентризма как феномена диалогического отношения «Я – Другой/-ие» и анализ его реализации в различных типах текстов и речевых жанрах.

Основы обращения к анализу выражения эгоцентризма в литературных текстах были заложены в последние годы прошлого столетия в трудах Е.А. Гончаровой, которая рассматривала эгоцентризм как принцип организации литературных текстов и проявление творческой субъективности автора произведения [Гончарова, 1998]. Этому ученому принадлежит утверждение, что «эгоцентризм может рассматриваться как проявление особого вида антропоцентризма, при котором говорящий создает свое высказывание/текст для выражения специфического отношения к миру, сосредоточенного на собственном «Я» говорящего» [Гончарова, 2013, с. 30].

Продолжая развивать идеи научного руководителя, И.В. Породин связывает явление эгоцентризма с категорией повествовательной точки зрения в литературном тексте, считая эгоцентризм универсальным принципом порождения любого художественного текста и в качестве цели исследования заявляя комплексный анализ лингвопоэтических средств экспликации эгоцентрической точки зрения в литературных повествовательных немецкоязычных текстах [Породин, 2007]. Исследователь определяет понятие эгоцентризма как фокус отношения «человек – другой», подчеркивая, что «процесс экспликации эгоцентрической повествовательной точки зрения, дихотомии «Я — Другой» предстает как процесс расслоения /расщепления сознания повествующего Я — в контексте субъектно-объектных, субъектно-субъектных и автосубъектных отношений во времени и пространстве художественного произведения [Породин, 2007, с. 21].

Лингвистический взгляд на проблему эгоцентризма и его реализацию в текстах различных жанров мы обнаруживаем у Н.Г. Абросимовой. Автор, исследуя эгоцентрические тексты, отмечает, что «в основе любого вида

эгоцентрического текста в деловой и повседневной коммуникации лежит интенция его автора, связанная с решением утилитарной личной проблемы» [Абросимова, 2019, с. 8]. Ученый рассматривает эгоцентризм, наряду с субъектностью и субъективностью, как прагматический параметр определенных типов текстов, которые становятся эгоцентрическими, «если для достижения поставленных коммуникативных целей речевой субъект (сознательно или невольно) систематически вербализует в текстовой структуре свои собственные, сугубо индивидуальные взгляды и точки зрения» [Там же. С. 7].

В результате такого видения к классу эгоцентрических текстов относятся, например, автобиография и объявление о знакомстве, отражающие в своей речевой структуре индивидуальное «Я» их автора. «Эгоцентрический характер автобиографии заключается лишь в самом отборе регистрируемых в тексте фактов, способах их компоновки и подробностях изложения обстоятельств, которые, на взгляд речевого субъекта, являются определяющими в его индивидуальном развитии. В объявлении о знакомстве эгоцентризм выражен более явно, с одной стороны, совокупностью средств исключительно мелиоративной персональной самооценки и, с другой, через средства установления контакта с адресатами, круг которых в тексте эксплицитно ограничен посредством прямого или косвенного обращения к тем, чьи характеристики отвечают мировоззрению и личным запросам автора объявления [Гончарова, 2013, с. 31]. Данный подход стимулирует обращение к различным жанрам и текстам повседневной и деловой коммуникации, вовлекая в сферу исследования заявления о приеме на работу [Гончарова, 2018], авторизованные объявления (о поиске партнера, жилья, работы, сообщения о смерти близкого, рождении ребенка, свадьбе, поздравления) [Абросимова, 2019], нормативные тексты [Большакова, 2019], мемуары [Нюбина, 2009], блогговые записи [Абросимова, 2018], личное письмо [Гончарова, Нюбина, 2015] и др.

Не вызывает сомнений тезис, постулируемый в ряде перечисленных выше научных публикаций, что эгоцентризм, будучи связанным с антропоцентризмом, находится с последним в отношениях «частное – общее». Логичным в этой связи представляется идея, что «в тех случаях, когда с помощью текста формулируется сугубо индивидуальная точка зрения его автора, сосредоточенного в момент речи на решении личных проблем (личных, социальных, профессиональных, политических и др.) и самораскрытии речевыми средствами своего «Я», антропоцентризм перерастает в эгоцентризм» [Гончарова, 2018, с. 133].

В этом случае можно говорить об эгоцентризме как универсальном текстообразующем параметре, свойственном всем текстам, ориентированным на выражение индивидуально-личностных интенций и потребностей говорящего субъекта. Но, на наш взгляд, не все речевые жанры или типы текста априори непосредственно связаны с экспликацией Я-интенции автора, с решением его личностных проблем, соответственно, реализация данного текстообразующего принципа имеет некоторые объективные ограничения. Бесспорно, речь носит индивидуальный характер, и говорящий, создавая любое речевое произведение, так или иначе, осознанно или неосознанно эксплицирует свое Я, селективно используя предпочитаемые им языковые средства, расставляя необходимые акценты, а также маркируя свою речь эгоцентрическими словами. В этом смысле текст, помимо фактуальной информации, содержит определенные указания на личность говорящего, позволяющие охарактеризовать его речевой портрет. Но, с нашей точки зрения, не любой текст может считаться эгоцентрическим, и даже текст, в структуре которого создатель текста систематически вербализует свои собственные, сугубо индивидуальные взгляды и точки зрения [Абросимова; Большакова; Гончарова; Породин и др.] не в полной мере соответствует нашему пониманию эгоцентричности.

Эгоцентризм, о трактовке понятия которого речь шла в параграфе 2.1. настоящей главы, рассматривается в настоящем исследовании как крайняя

форма проявления эгоизма и индивидуализма, обусловленная восприятием личного Я в качестве исключительной позиции как центра всего мироздания при игнорировании позиции и интересов Другого/-их. Данное определение имеет ценностно-оценочную составляющую, ограничивающую реализацию эгоцентризма. Другими словами, проявление эгоцентрической позиции говорящего, на наш взгляд, не носит обязательный характер, не характерно для всех носителей языка и обнаруживается не во всех ситуациях общения и видах речевой деятельности.

Наши рассуждения об эгоцентризме, его статусе как коммуникативной категории продолжим после рассмотрения подходов к анализу понятия коммуникативной категории.

2.4.2. Понятие коммуникативной категории

Задачей данного этапа исследования является рассмотрение понятия «коммуникативная категория», анализ существующих подходов к его определению и возможные пути классификации. Решение данной задачи позволит соотнести эгоцентризм с определенным типом коммуникативных категорий.

Обращение к научным исследованиям, посвященным обсуждению данного понятия или апеллирующим к нему [Т.В. Булыгина, Е.П. Захарова, С.С. Тахтарова, И.А. Стернин, М.В. Шаманова, Е.И. Шейгал и др.], демонстрирует отсутствие единой трактовки термина «коммуникативная категория». Кратко перечислим основные подходы к его определению.

Первый подход, на наш взгляд, отождествляет понятие коммуникативной категории с когнитивным феноменом, по сути представляя коммуникативную категорию единицей коммуникативного сознания.

Когнитивное сознание может относиться к способности индивида осознавать и размышлять о языковых структурах, правилах и их использовании. Это может также включать в себя осознание метаязыковых

аспектов, таких как способность рефлексии над собственным языковым использованием и языковыми знаниями.

Общеизвестно, что в контексте когнитивной лингвистики, исследования часто фокусируются на том, как мышление (когнитивные процессы) и языковые структуры взаимосвязаны, как язык отражает когнитивные структуры и процессы и влияет на когнитивные способности, такие как внимание, восприятие и память.

Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций [Попова, Стернин, 2007, 2007(a)].

Конечной задачей когнитивной лингвистики, как и когнитивной науки в целом, является «получение данных о деятельности разума» [Кубрякова 2004, с. 13]. При этом исследование сознания составляет общий предмет когнитивной науки и когнитивной лингвистики [Кубрякова 2004, с. 10].

Когнитивное сознание может быть связано со способностью человека понимать и размышлять о языковых конструкциях, правилах и способах их применения. Оно может также охватывать осознание метаязыковых элементов, включая способность к рефлексии относительно собственного использования языка и знаний о нем.

Справедливости ради следует уточнить, что в лингвистике дифференцируются термины «языковое сознание» и «коммуникативное сознание». В частности, языковое осознание представляет собой ту часть сознания, которая отвечает за механизмы языковой активности: создание речи, восприятие речи и сохранение языка в памяти.

Коммуникативное сознание представляет собой набор знаний и методов, поддерживающих все аспекты коммуникативного поведения. Оно включает в себя коммуникативные установки умственной деятельности и сознания, набор ментальных коммуникативных категорий и систему социально принятых норм и правил общения.

Кратко продемонстрируем разницу между языковым и коммуникативным сознанием на примере: в языковом сознании хранятся сведения о формулах приветствия (например, фразы «здравствуйте», «приветствую», «добрый день», «доброе утро», «добрый вечер», «приветик» и под.) и о том, в каких ситуациях общения их использовать: утром, вечером, в официально-деловой или разговорной интеракции и т.д. Другими словами, это информация, принадлежащая языковому сознанию носителей русского языка. В то время как коммуникативное сознание, помимо информации, которая описана выше, содержит сведения о том, как следует здороваться, т.е. какие невербальные компоненты, включая мимику, интонацию и т.д., можно использовать, нормы проксемического поведения, принятые в данной лингвокультуре, информацию экстралингвистического характера и т.д. Коммуникативное и языковое сознания, таким образом, находятся в отношении включения. «Языковое сознание как совокупность смыслов, имеющих языковую привязку, – только часть сознания в целом, точно так же как мышление – только часть ментальных процессов, осуществляемых в сознании» [Кубрякова, 2004, с. 14].

В соответствии со сказанным нельзя не признать, что коммуникативные категории связаны не с языком, а с речью или даже шире – с коммуникативной деятельностью во всей совокупности вербальных и невербальных средств.

Согласно исследователям (Т.В. Ларина; З.Д. Попова; И.А. Стернин, М.В. Шаманова и др.), в рамках коммуникативного сознания выделяют понятия коммуникативной категории и коммуникативного концепта, которые, в свою очередь, представлены неоднозначными трактовками в отечественных исследованиях. Не углубляясь в разногласия между различными трактовками, обратим внимание на попытки отождествления понятий коммуникативного концепта и коммуникативной категории.

Следуя данной исследовательской позиции, коммуникативная категория, являясь отражением коммуникативного сознания человека,

содержит определенные концептуальные знания о коммуникации [Ларина, 2003].

Коммуникативные категории и концепты содержат информацию о том, «как тот или иной носитель языка понимает категоризируемое явление, что он включает в состав данного явления», как он «вписывает» данную категорию в состав других коммуникативных и некоммуникативных мыслительных категорий, коммуникативные концепты упорядочивают знания об общении и нормах его осуществления [Попова, Стернин, 2002, с. 30-31].

Сходной позиции придерживается М.В. Шаманова, трактующая коммуникативную категорию как когнитивный феномен, обобщающий на более высоком ментальном уровне ряд более частных коммуникативных концептов [Шаманова, 2009].

В соответствии с данным подходом, любая коммуникативная категория представляет собой некое ментальное образование (концепт), содержанием которого являются особенности и характеристики коммуникативного взаимодействия или, выражаясь словами И.А. Стернина, некая система суждений, установок, ментальных стереотипов, правил, характеризующих особенности общения [Стернин, 2002, с. 87] (ср., например, мнение ученого, понимающего под коммуникативными категориями «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления. Некоторые из коммуникативных категорий отражают общие представления человека об общении, некоторые – о его речи» [Там же]). Из сказанного следует, что приверженцы данного подхода рассматривают коммуникативные категории и концепты как однородные феномены, а попытка дифференцировать коммуникативные категории и концепты по признакам более высокого уровня лексической объективации и большего объема лексико-фразеологического поля у коммуникативной категории [Шаманова, 2008, с. 16] по сути ничего не меняет.

Не возражая против утверждения, что «категории и концепты не могут быть принципиально разнородными явлениями» [Шафиков, 2007, с. 8], мы

тем не менее склонны придерживаться другого подхода, некоторым образом дифференцирующего данные явления (см. работы: Н.Н. Панченко; С.С. Тахтаровой; Е.И. Шейгал и др.).

Согласно точке зрения Е.И. Шейгал, коммуникативные категории носят объективный характер и реализуются в дискурсе независимо от осознания их наличия, от знаний участников коммуникации об общении. Они обуславливают прагматику дискурса, «т.е. способ общения в широком смысле, организацию общения, характер его протекания» [Шейгал, 2006, с. 37]. В отличие от концепта, коммуникативные категории не объективируются в речи эксплицитно, а реализуются имплицитно. Подобную мысль высказывает О.А. Кобрина, утверждающая, что коммуникативные категории зачастую не получают закрепленную за ними форму выражения [Кобрина, 2006, с. 91].

Поддерживает идею дифференциации коммуникативных категорий и концептов В.В. Дементьев, который отмечает, что, в отличие от концептов, коммуникативные категории не обязательно включают в себя образный элемент и не всегда связаны с ключевыми словами [Дементьев, 2007, с. 266].

Нам близка позиция, согласно которой на статус коммуникативной категории могут претендовать любые коммуникативные переменные, характеристики участников, условия, организация и способы коммуникативной интеракции [Шейгал, 2006; Панченко, 2010].

Значимым для нас является определение коммуникативной категории, предложенное Н.Н. Панченко, согласно которому «Коммуникативная категория представляет собой единство структурно организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения» [Панченко, 2010, с. 11]. Анализируя коммуникативную категорию достоверности, автор высказывает мысль, что «проявлениями» коммуникативной категории могут выступать другие, более частные / субординантные коммуникативные категории, а также совокупность разноуровневых средств, выступающих в качестве

определенных маркеров, идентифицирующих данную категорию в дискурсе [Там же. С. 32–33].

Из сказанного можно сделать несколько важных для настоящего исследования выводов.

1. Коммуникативная категория и концепт не являются тождественными явлениями. Любая коммуникативная категория может исследоваться как концепт, как некий структурируемый ментальный объект, отражающий наши знания и представления о сущности и специфике коммуникации. При этом не всякий концепт является коммуникативной категорией.
2. Коммуникативными категориями могут выступать любые параметры и переменные коммуникации, характеризующие ее условия, способы взаимодействия.
3. Коммуникативные категории реализуются в дискурсе, обуславливая его прагматику.
4. Не имея эксплицитных средств выражения, коммуникативная категория тем не менее может быть идентифицирована благодаря конституирующим ее частным коммуникативным категориям и/или набору определенных маркеров.

Наш обзор исследований, посвященных коммуникативным категориям, был бы неполным без упоминания авторов, предпринимавших попытки структурирования коммуникативных категорий (Е.П. Захарова, А.А. Болдырева).

Так, Е.П. Захаровой была предложена следующая классификация коммуникативных категорий по их роли в коммуникативном процессе. Автор предлагает дифференцировать категории собственно коммуникативные – **обязательные**, выполняющие коммуникативно организующую функцию и подразделяемые далее на структурно-образующие (речевые жанры, персональность, тональность и др.) и информативные (неопределенность, информационность и под.), и **сопутствующие**, выполняющие регулирующую

функцию, классифицируемые на регулятивные (категоричность, эмотивность и под.) и квалификативные (эффективность, нормативность и др.). Приведем классификацию автора в Таблице № 2 [Захарова, 2000].

Таблица № 2.

**Классификация коммуникативных категорий
в соответствии с их функцией в коммуникации**

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ			
Обязательные (собственно коммуникативные категории) (коммуникативно организующая функция)			
Структурно-образующие			Информативные
Структурно организующие	Речеобразующие	Определяющие процесс РО	Смыслоорганизующие
речевые жанры	локальность темпоральность персональность	тональность чуждость неопределенность	информационность значимость неопределенность
Сопутствующие (регулирующая функция)			
Регулятивные			Квалификативные
Социально-этические	Психологические	Эстетические	Риторические
вежливость категоричность официальность	Эмоциональность	образность экспрессивность функционально-стилистическая окрашенность	эффективность оптимальность нормативность

Нам представляется, что данная классификация не является окончательной, поскольку сложность процесса коммуникации и всех ее переменных не позволяет представить непротиворечивую классификацию, учитывающую все многообразие существующих коммуникативных категорий.

Тем не менее считаем важным обратить внимание, что согласно Е.П. Захаровой, коммуникативная категория не зависит от функционально стилевой принадлежности, а обусловлена целью общения.

Соглашаясь в целом с делением категорий на обязательные и сопутствующие, мы предполагаем, что категория эгоцентризма является

необязательной (сопутствующей в терминологии автора) регулятивной категорией, выполняющей социально-этическую и дейктическую функции.

Согласно трактовке Н.Д. Арутюновой, дейксис представляет собой эксплицитную или имплицитную ссылку в семантике языковой единицы на лицо, место и время события с позиции наблюдателя, имеющего субъективно далекую или близкую локализацию в пространстве и во времени по отношению к оцениваемому событию. В свою очередь дейктики предстают как слова или морфемы с дейктической семантикой и функциями, «своего рода подвижные определители (shifters), приложимые к любому референту. Содержание этих слов всецело обусловлено признаками денотата выбор которого зависит от конкретного речевого акта или ситуации» [Арутюнова, 1999, с. 2].

В отечественной и зарубежной лингвистике (К. Бюллер, Э. Беневист, О.Н. Селиверстова), как правило, выделяют три основных аспекта дейксиса: личностный, пространственный и временной. Говоря об эгоцентризме как о дейксически ориентированной категории, мы будем в дальнейшем иметь в виду только личностный аспект. Поясним наше решение.

Многие исследователи писали о личностной ориентации дейксиса, так, согласно Н.А. Сребрянской, «дейктическая лексика эгоцентрична. Ее семантической основой является понятие «я», «его», «говорящий». Фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка» [Сребрянская, 2005, с. 27] Также отечественные исследователи С.Д. Кацнельсон и Н.Г. Кирвалидзе выделяли эгоцентризм / эгоцентричность как одну из основных характеристик дейктиков [Кирвалидзе 1989, Кацнельсон 1986].

В теории дейксиса под эгоцентризмом принято понимать такие языковые явления, в основе которых лежит осуществляемое языковой формой указание относительно говорящего [Кравченко, 1992]. Но нельзя не заметить, что однозначной точки зрения на данный вопрос нет. Некоторые исследователи считают, что любые дейктические элементы эгоцентричны

[Kuriłowicz, 1972; Fillmore, 1975; Lyons, 1977], однако подобный подход подвергается критике по поводу того, что при отождествлении понятий эгоцентризм и дейксис статус большинства указательных слов (в частности, применительно к английскому языку) остается неясным.

Считаем нужным упомянуть категорию дейктиков, обладающих эгоцентрическими свойствами, такими как, например, личные и указательные местоимения (Я, ты, этот, тот и т.д.). Б. Рассел называл такие языковые единицы «эгоцентрическими элементами» [Russell, 1963, p. 102].

В контексте обсуждения эгоцентричности дейксиса важно разграничить говорящего и наблюдателя. Например, в тексте художественного произведения, где описывается последовательность совершаемых героем действий в какой-то период времени в прошлом, *this* в приведенном высказывании не может быть соотнесено с говорящим, т.к. оно принадлежит плану прошедшего, тогда как говорящий принадлежит всецело плану настоящего и только ему. Очевидно, что в этом случае *this* указывает на период времени, близкий по отношению к чему-то, что не является говорящим.

Эгоцентричное слово *I/ Я* является, по-видимому, единственным примером знака, обладающего изначальной референциальной отнесенностью в условиях канонической речевой ситуации, или, как ее еще называют, ситуации конфронтации (т.е. говорящий – адресат). «Каноническая речевая ситуация эгоцентрична в том смысле, что говорящий, в силу того факта, что он является говорящим, принимает на себя роль *ego* и все соотносит со своей точкой зрения» [Lyons, 1977, p. 638].

В то же время важным условием для текстообразования является авторская модальность. Она объединяет весь текст в одно единое целое. Модальность на уровне предложения определяется обычно как отношение говорящего к содержанию высказывания. Модальность текста – «это выражение автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю»

[Валгина, 2003, с. 97]. В результате текст отражает «не просто мир, а мир, увиденный глазами автора» [Кухаренко, 1988, с. 79]. Автор представляет художественный мир с позиции своего Я. Даже если повествование ведется от лица одного из героев произведения, то герой видит мир глазами автора (это коррелирует с идеей Е.А. Гончаровой, упомянутой ранее). Эгоцентричность и точка отсчета от собственного Я являются одними из свойств дейксиса.

Если спроецировать сказанное на научный дискурс, то, с одной стороны, такие типичные свойства научного текста, как бесстрастность, логичность, объективность и низкая эмоциональность, не позволяют говорить о наличии в нем субъективно-оценочной модальности. С другой стороны, очевидна невозможность полной элиминации авторского Я из создаваемого им текста. Известно, что в «прагмалингвистике при изучении эгоцентрических (авторизирующих, метадискурсивных, хэджинговых и т.д.) структур отражение этого аспекта коммуникации в научных текстах часто описывается в терминах «эпистемического ручательства / ответственности» / «the speaker's / writer's responsibility for the truth value of proposition» или в более общем плане – термином «авторская позиция» / «author's stance» [Нефедов, 2016, с. 143]. Ученый уточняет, что в прямые обязанности автора научного текста входит «эпистемическое ручательство» за достоверность сообщаемого, т.е. автор научного изложения обязан демонстрировать свое отношение к достоверности сообщаемого [Там же], в связи с чем особую значимость для научного текста приобретает эпистемическая модальность.

Завершая обсуждение дейктической ориентации эгоцентризма, мы можем сделать следующий вывод: несмотря на то, что эгоцентризм в силу своей направленности на говорящего всегда дейктичен, сам дейксис не всегда эгоцентричен, поскольку для дейктического указания необходим центр координации (точка отсчета), который может не совпадать с говорящим. В связи с чем, по мнению Н.А. Сребрянской, возможен неэгоцентричный дейксис [Сребрянская, 2005, с. 17], т.е. относительная и

абсолютная ориентация. Соответственно, возможно дейктическое и недейктическое употребление дейктиков. Другими словами, значение дейктиков подвижно и зависит от речевой ситуации, т.е. ее участников, времени и места высказывания. Для определения значения дейктиков необходим наблюдатель.

Таким образом, в настоящей работе мы рассматриваем эгоцентризм как коммуникативную категорию необлигаторного типа, выполняющую регулятивную, этическую и дейктическую функции. На наш взгляд, данная коммуникативная категория имеет сложную структуру, в состав которой может входить ряд частных категорий, служащих ее идентификаторами.

2.4.3. Субкатегории как идентификаторы эгоцентризма

На данном этапе исследования мы ставим себе следующие задачи:

- 1) уточнить ряд феноменов, ассоциативно связанных с эгоцентризмом,
- 2) определить и описать параметры, структурирующие / оказывающие влияние на рассматриваемую категорию. В результате это сделает возможным выделение показателей / маркеров эгоцентризма.

Анализ примеров актуализации понятия «эгоцентризм» в различных контекстах, в том числе в массмедийном, публицистическом дискурсах, обнаруживает его семантическую близость с ранее выделенными понятиями «индивидуализм», «самомнение», «себялюбие» (см. параграф 2.1. настоящей главы):

Эгоцентризм и индивидуализм сегодня помешают проявлению творческого потенциала (А. Бастрич. 21 февраля, среда // Труд-7, 21.02.2007);

По поводу Дутерте специалисты пришли к заключению, что он страдает от нарциссического расстройства личности с такими острыми проявлениями, как полное безразличие, бесчувственность, эгоцентризм; высокое самомнение ... (Закон на страже прихотей и предрассудков // Парламентская газета, 14.12.2019);

*В качестве проагрессивных факторов учеными рассматривались такие установки личности, как демонстративность, возбудимость, незрелость, **высокая самооценка, эгоцентризм** и некоторые другие (Российские психологи исследовали механизмы криминальной агрессии // РИА Новости, 26.12.2019);*

*А бывает, что слишком хорошее отношение к самому себе застилает человеку глаза пеленой **себялюбия, эгоцентризма** («я — центр Вселенной!»). Эдакий «супермен», попирающий ради личного удовольствия всех и вся, не просто беда для семьи и окружающих (О. Курган. Опасный супермен // Труд-7, 02.08.2001).*

Синтагматически близкими к эгоцентризму также оказываются такие понятия, как «демонстративность», «самоуверенность» и др.:

*Таким людям свойственна **демонстративность, эгоцентризм, желание любой ценой привлечь к себе внимание** (А. Чеповская. Остаемся зиговать // lenta.ru, 08.05.2016);*

*Но корень невроза — **эгоцентризм, заикленность на себе и своих переживаниях** (С. Берестов. Рвется, где тонко // Труд-7, 26.06.2004);*

*Скорее, дело в **эгоцентризме, глубокой погруженности в себя, неспособности или неумении любить по-настоящему** (Кого воспитываем? // Аргументы и факты, 09.10.2004);*

*А **самоуверенность и эгоцентризм** у любого могут стать причиной **непоправимых бед** ... (А. Бастрич. Когда солнце ссорится с ураном // Труд-7, 02.11.2000).*

Все выделенные понятия так или иначе раскрывают суть анализируемой категории. Однако в настоящем параграфе сконцентрируем свое внимание на феноменах, не только обнаруживающих семантическую схожесть с эгоцентризмом, но и претендующих на роль конкретизаторов — частных категорий, которые формируют ядро коммуникативной категории эгоцентризма: самопрезентация, субъективность, авторитетность. Данные коммуникативные категории, конституируя коммуникативную категорию

эгоцентризма и выступая по отношению к ней как частные к общему, могут служить маркерами, идентифицирующими эгоцентризм в академическом дискурсе.

Рассмотрение выделенных субкатегорий начнем с коммуникативной категории авторитетности.

Авторитетность.

Следует начать с того, что понятие «авторитетность» является сложным явлением, которое рассматривается в различных парадигмах гуманитарного знания – психологии (см., например, А.Р. Авагимян [1984], Е.О. Кравчино [2004], А.Р. Нигматуллина [2001]), социальной философии (И.И. Ефремов [2005]), лингвистике (А.А. Болдырева [2006], Н.Г. Бурмакина [2020], В.Б. Кашкин [2001], Е.Э. Уланова [2017]).

Прежде всего укажем, что Е.Э. Уланова [Уланова, 2017], опираясь на описанную нами ранее (см. параграф 2.4.2. данной главы) типологию коммуникативных категорий Е.П. Захаровой, рассматривает коммуникативную категорию авторитетности как структурно-образующую категорию, способную определять процесс речевого общения. Авторитетность как коммуникативная категория в трактовке автора предстает в качестве способности направлять (напрямую, не принуждая) действия и мысли другого человека (группы людей) по желаемому сценарию [Уланова, 2017].

Еще одним определением категории авторитетности является предложенное Н.Г. Бурмакиной толкование, согласно которому «авторитетность – это способность вызывать доверие адресата, обусловленная высоким статусом адресанта» [Бурмакина, 2020].

В своем исследовании Н.Г. Бурмакина приводит следующие ключевые характеристики авторитетности:

1. Любое высказывание в той или иной мере связано с авторитетностью. Человек не может не конструировать свой статус, не может не создавать или

разрушать авторитетность свою, своих высказываний и высказываний собеседника, этот процесс носит перманентный характер.

2. Категория авторитетности диалогична по своей сути, она конструируется совместно коммуникантами в процессе общения, «только одобренная собеседником, либо признанная социумом авторитетность возможна как таковая».

3. В каждом конкретном фрагменте дискурса участники коммуникативного процесса актуализируют свою идентичность, прикладывают усилия для упрочнения своих позиций. Категория авторитетности не является константной, она динамична.

4. Дискурсивное конструирование авторитетности может носить прямой либо косвенный характер.

5. Авторитетность не обладает языковой категоризацией, ее реализация выходит за рамки грамматических средств [Бурмакина, 2020].

Соглашаясь в целом с автором, мы, тем не менее, хотим пояснить, что в настоящем исследовании рассматриваем авторитетность не как имманентное свойство любого коммуникативного взаимодействия, а как коммуникативную категорию, реализующую стремление говорящего подчеркнуть свой статус (социальный или коммуникативный), оказать влияние на окружающих благодаря своим заслугам и достижениям в определенной сфере деятельности. Соответственно, подобная интенция говорящего реализуется с помощью набора определенных средств, о которых пойдет речь ниже.

Как известно, речевое поведение в рамках интерференционной модели коммуникации определяется как передача намерений адресанта с целью вызвать у адресата определенную реакцию, что позволяет рассматривать коммуникативное взаимодействие с позиций лингвопрагматики и говорить о воздействующем потенциале коммуникации. Имея целью мотивированное и интенциональное воздействие, т.е. воздействие, ориентированное на корректировку поведения собеседника, его установки и ценности в

соответствии с представлением говорящего, адресант выбирает модель речевого поведения и стратегии ее реализации, отвечающие этой цели. Принимая во внимание данный факт, заметим, что апелляция к авторитету, использование средств и приемов выражения авторитетности может служить целям воздействия на собеседника. В этом случае идея авторитета может служить как средством внушения [Поршнева, 1972; Уланова, 2017], т.е. дополнительным свойством, придающим весомость аргументам говорящего, так и средством защиты от внушения.

Нельзя не обратить внимание на утверждение Е.Э. Улановой, согласно которому авторитет не может быть навязан, а может быть только признан [Уланова, 2017]. Нам данный тезис представляется спорным, поскольку в языковом сознании существует представление о так называемом «дуге», неподлинном, мнимом авторитете, который конструируется сознательно в глазах окружающих:

*Партийная печать, партийная критика идейно разгромила безродных космополитов, сорвав маски **мнимого, дугого «авторитета»** юзовских, гурвичей, борцаговских, бояджиевых, малюгиных (А. Голицын. Последыши эстетства и их космополитические уши. Протокол одного собрания // «Волга», 2016);*

Здесь не город, кишущий скороспелыми дугыми авторитетами; здесь мнения складываются годами, а живут десятилетиями... (В. Точинов. Графские развалины);

*Вальяжного, зажиревшего, без блеска, без интереса в глазах, живущего лишь для того, чтобы **создавать дугый авторитет**, внушая всем, что он – «белая кость», имеющая право всеми повелевать (Т. Злобина. Рыжая Кошка).*

Идея о создании, зарабатывании или завоевании авторитета говорит о его целенаправленной, «рукотворной», порой манипулятивной природе:

*Желая **создать ему авторитет**, мы выдвигали его на соискание Сталинской премии, хотя в душе были убеждены, что премию он не получит*

(А. Голицын. Последыши эстетства и их космополитические уши. Протокол одного собрания // «Волга», 2016);

Глубокому умному человеку нет нужды демонстрировать свои знания напоказ и добиваться дурного авторитета у неразборчивых людей. Он использует свой багаж по назначению в нужное время и руководствуется необходимостью. Пустые самовлюблённые болтуны, напротив, очень ревнивы к своей репутации и любыми средствами стремятся внушить о себе преувеличенное представление. Этим они как бы компенсируют свою неразвитость и ограниченность и создают видимость многознания, образованности (И.А. Карпусь. Времена. От Цезаря до Путина).

Мы полагаем, что именно воздействующий потенциал данной категории, способность сознательно влиять на окружающих, повышая свой статус в их глазах, роднит авторитетность с эгоцентризмом.

Эгоцентрик также стремится вызвать доверие адресата, в том числе и в силу своей убежденности в обладании более высоким коммуникативным статусом. Следовательно, их стратегии по достижению данной цели могут обладать схожими свойствами.

Мы полагаем, что эгоцентризму свойственны сходные с авторитетностью свойства, такие как способность к эксплицитному / имплицитному проявлению в речи, динамичность категории и невозможность не конституировать свой статус в процессе общения, поскольку эгоцентрик не способен к саморефлексии, т.е. осознавать / распознавать собственное стремление демонстрировать «превосходящий» статус в коммуникации, и будет неизбежно прибегать к различным тактикам и стратегиям для этого.

А.А. Болдырева и В.Б. Кашкин [Болдырева, Кашкин, 2001] описывают средства реализации авторитетности, среди которых можно выделить несколько, работающих одновременно и на авторитетность, и на эгоцентризм. В частности, следует назвать:

- 1) ссылка на авторское Я.

Особенно ярко это видно в академическом дискурсе, поскольку одной из характерных прагматических черт научного стиля является «типизированный отстраненный субъект и объект речи, которые находятся в равных ролевых позициях» [Аликаев, 1999], что может выражаться посредством обезличенного описания от 3-его лица и применения пассивных конструкций, например: *тема рассматривается; опрос проводился* и под., реже посредством применения множественного числа второго лица, например: *мы считаем; мы рассматриваем* и т.д. Поэтому авторское я выглядит особенно контрастно:

Мой подход к решению этой проблемы уникален и основан на моем личном опыте, который позволяет мне более точно определить корни проблемы и предложить наиболее эффективные решения (запись устной речи);

Едва ли я ошибусь, если скажу, что каждое третье диссертационное исследование в лингвистике претендует на комплексность (из отзыва оппонента).

2) ссылка на авторитет.

Это средство подразумевает апелляцию к авторитетной личности для повышения собственного авторитета, конструирования авторитетного образа себя в глазах адресата. Данная интенция используется для подтверждения своих слов или придания веса своему статусу. Средства реализации могут быть прямыми или опосредованными, т.е. выражаемыми путем отсылки к регалиям или «авторитетному сообществу», обладающему «коллективным мнением»:

Большинство именитых психологов используют опросник Басса-Дарки ... (запись устной речи);

В своем исследовании я опираюсь на работы профессора И.И., чьи достижения в области квантовой физики неоднократно были отмечены международным научным сообществом. Его теории, подтвержденные экспериментальными данными, служат надежной основой для моего

анализа (из доклада на Международном симпозиуме по квантовой физике, июнь, 2020).

Ссылка на авторитет употребляется совместно со ссылкой на авторское Я, что создает «двойной» эффект проявления эгоцентричности:

Моя работа углубляет понимание темы, рассмотренной в коллективном монографическом исследовании ведущих ученых Российской академии наук. Объединив их выводы, я предлагаю новый взгляд на проблематику, что позволяет расширить текущие границы знаний в данной области (из доклада на Ежегодной встрече Российской академии наук, март, 2021).

В разработке методологии моего исследования я опирался на работы доктора наук П.П., почетного профессора N-ского государственного университета, лауреата премии А.Н. Баха² в области науки и технологий, чьи труды являются фундаментальным вкладом в развитие современной биохимии. Его научный авторитет и признание в академических кругах придают вес моим аргументам и выводам (из доклада на Научной конференции по биохимии и молекулярной биологии, октябрь, 2022).

Помимо вышеописанных средств мы полагаем, что эгоцентрик может использовать деконструкцию авторитетности (принижение / разрушение авторитета) своих коллег с целью повысить свой собственный авторитет в глазах слушателя / читателя:

В отличие от многих моих коллег, которые продолжают придерживаться устаревших подходов и неэффективных методик в исследовании микробиологических процессов, моя работа основывается на инновационных технологиях и последних достижениях в данной области. Это позволяет мне достигать результатов, недоступных для большинства исследователей, ограниченных традиционными рамками научного мышления. Мои методы, подтвержденные многочисленными публикациями в ведущих

² Премия имени А. Н. Баха считается престижной научной наградой. Ее присуждают с 1947 года Президиумом Российской академии наук за выдающиеся научные труды, открытия и изобретения в области биохимии.

научных журналах, уже зарекомендовали себя как значительно более эффективные и точные, что, безусловно, ставит мои исследования на передовую позицию в мировой науке (из доклада на XXII Всероссийской конференции по микробиологии, апрель, 2019).

Мы считаем, что рассмотренные средства можно представить как инструмент для перехода к более широкой коммуникативной задаче «конструирование образа эксперта», которую Н.Г. Бурмакина описывает как один из примеров реализации дискурсивной практики создания авторитетности адресанта [Бурмакина, 2020]. При реализации данной задачи характерной является интенция давать оценку своим коллегам, тем самым позиционируя себя в качестве эксперта, с правом выражать одобрение или критику их научной деятельности [Там же]. И мы считаем, что эгоцентризм наиболее ярко будет замечен в рамках «конструирования образа эксперта» поскольку именно образ эксперта позволяет эгоцентрику находиться «в безопасности», за пределами потенциальной критики и вызывать доверие адресата, как это продемонстрировано в последнем примере.

К маркерам авторитетности в научном дискурсе исследователи, помимо выражения авторского «Я», относят также оригинальные названия, специальную терминологию, юмор, иронию и др. [Хутыз, 2018].

Как уже упоминалось раньше, в научном изложении точность и лаконичность стиля важнее его оригинальности и образности [Gibaldi, 1995]. В связи с этим экспрессия в научном стиле, речевые маркеры, вносящие в речь адресанта элементы «шоу», играющие на внимании аудитории, по нашему мнению, тоже являются проявлениями как авторитетности, так и эгоцентризма.

На примере авторитетности в английском языке А.А. Болдырева выделяет в качестве таких маркеров: количественную экспрессивность (*much the same, the most significant event, the best solution*), слова разговорного стиля (*not bored yet? Read on!*), образные эпитеты и метафоры (*architecture that breathes, pulses, leaps as one form and lands as another*). Авторская интенция

употребления экспрессивных средств и креативных словообразований, не свойственных научному стилю речи, служит средством идентификации авторитетности ученого, который позволяет себе продемонстрировать свою значимость в академической среде. Тем самым выделенные А.А. Болдыревой для категории авторитетности признаки, на наш взгляд, являются показателями / маркерами реализации эгоцентризма:

*Ну что ж, дорогие коллеги, позвольте мне **поделиться с вами 'секретиком'** успеха в нашем нелегком деле изучения квантовой физики (из доклада на конференции «Квантовые технологии: настоящее и будущее», март, 2022);*

Это глас вопиющего в Иркутске когнитивиста А.В. Кравченко о необходимости пересмотра догматов современной лингвистики, сдерживающих ее развитие (из отзыва оппонента. Волгоград, 2010);

*В данном исследовании, лингвистическим скальпелем проведено **только частичное препарирование** далеко не полной картотеки вербем лжи / обмана / вранья (из научной статьи);*

Когда я впервые представил миру свою теорию 'биоэнергетической синергии', многие подняли брови в недоумении. 'Что это за зверь?' - спрашивали они. Но я не просто так выбрал такое название. Это словосочетание, которое идеально передает суть процесса взаимодействия биологических систем на новом, энергетическом уровне. Мои 'биосинергетические' эксперименты уже показали обещающие результаты, и я не сомневаюсь, что скоро это станет научным мейнстримом (из доклада на Всероссийском медицинском форуме «Здоровье нации – основа процветания России», апрель, 2021).

Обилие эмоционально-оценочных атрибутивных характеристик служит свидетельством авторитетности ученого, его уверенности в допустимости нарушений / выхода за границы научных канонов:

*Поскольку феномен <...> **всеобъемлющ, многолик, экспансивен, интенсивен, экспрессивен и эмоционален, зачастую турбулентен и***

потому **неизбежен**, он не мог и не может не привлекать внимание лингвистов как отечественных, так и зарубежных (из научной статьи);

*Редко, когда после прочтения научной работы, оказываешься под впечатлением двух начал: с одной стороны, это всеобъемлемость, строгость, четкость, логичность научного построения, с другой стороны, **гармоничность, изящество и очарование, свойственное прекрасной музыке**. Рецензируемая работа, пусть меня простят за столь эмоциональную оценку, производит именно такое двойственное впечатление, что, на мой взгляд, является ее неоспоримым достоинством (из отзыва оппонента. Волгоград, 1999).*

Наравне с экспрессивными средствами маркером эгоцентрической авторитетности может служить особая тональность, граничащая с пафосным стилем:

*В рамках моего последнего проекта 'нано-революция', я открыл для себя уникальные 'нано-механизмы' – термин, который я ввел для описания микроскопических процессов, управляющих материей на самом фундаментальном уровне. Эти 'нано-механизмы' – ключ к пониманию всего, от создания новых материалов до лечения болезней. **И пусть кто-то скажет, что я слишком увлекаюсь**, но я верю, что моя 'нано-революция' изменит мир (из доклада на Научно-практической конференции «Наноиндустрия: стратегии развития», май, 2020).*

Продолжая рассмотрение категорий, конкретизирующих коммуникативную категорию эгоцентризма, обратимся к категории субъективности.

Субъективность.

Как и авторитетность, субъективность находит свое отражение в различных сферах гуманитарного знания таких, как философия (Г.Л. Тульчинский, А.В. Федосеев), психологии (А.А. Комлев,

В.В. Давыдов, Е.В. Некрасова), а также в сфере экономики (Е.М. Петрова, М.А. Сокольников).

Заметим, что в классической философии нет однозначной трактовки субъективности как явления, а основоположником изучения субъективности считается французский философ и математик Рене Декарт и созданная им рационалистическая традиция, определяющая субъект как мыслящую субстанцию [Декарт, 1989]. Однако и в философском, и в бытовом понимании субъективизма присутствует аспект оценочности человеческого сознания.

В частности, швейцарский лингвист Шарль Балли сформулировал это следующим образом: «Наша мысль (и в этом одна из причин ее величайшей слабости) постоянно и непреднамеренно добавляет к малейшему восприятию элемент оценки; смутный инстинкт самосохранения соотносит все явления окружающего мира с нашим Я, с нашей жизнью и благополучием. Непосредственным результатом такой ограниченности является то, что все наши восприятия сопровождаются чувством удовольствия или неудовольствия. Вещи и явления производят на нас приятное или неприятное впечатление и делятся на два класса: те, которые нас радуют, и те, которые причиняют нам неудобства и страдания. Если инстинкт самосохранения прислушивается к голосу рассудка, он классифицирует все впечатления по принципу пользы: “Это полезно, а это вредно”; если же он вздумает поставить критерий пользы вне субъекта (моральные принципы или религиозные), он воспользуется еще более возвышенной формулой и скажет: “Это добро, а это зло”» [Балли, 1955, с. 22]. Иными словами, субъективность содержит в себе компонент оценки, установления значимости того или иного события или суждения для говорящего. Подобная оценочность суждений зависит от нашего жизненного опыта, который является отличным от жизненного опыта других людей, и мы можем говорить о субъективном восприятии реальности или субъективном мышлении.

Следующий подход к понятию субъективности представляет собой трактовку субъективного как искаженного, предвзятого, неполного отражения действительности в отличие от объективного, понимаемого как истинное, безоценочное, полноценное и т.п. Согласно Л.С. Выготскому, пристрастность имеет свои критерии объективности. В частности, он считал, что «назначение психики вовсе не в том, чтобы отражать действительность зеркально, а в том, чтобы искажать действительность в пользу организма». [Выготский, 1982, с. 347].

Последний подход, разделяемый Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, С.Л. Рубинштейном и др., трактует субъективность через принадлежность к субъекту и выполнение конкретных функций в процессе его существования. «Субъективность в данном случае измерима и может быть проанализирована объективными методами (для выражения этого смысла употребляют термин «субъектный») [Цит. по: Соколова, 2005, с. 61].

В современной лингвистике принято использование термина ««субъект» (от лат. *subjectum* – букв. «лежащее внизу, подлежащее, подверженное») для обозначения члена предложения, соответствующего предмету мысли, суждения». О.С. Ахманова определяет его как «тот предмет мысли, по отношению к которому определяется и выделяется предикат» [Ахманова, 1990, с. 412].

Необходимо обратить внимание на дихотомию «субъектность» – «субъективность», понятия, разграничиваемые с точки зрения принадлежности к антропоцентризму и эгоцентризму соответственно. По мнению Е.А. Гончаровой, «в то время как антропоцентризм подразумевает субъектность высказывания средствами языка, т.е. его обязательную принадлежность некоему субъекту, эгоцентризм предполагает и субъективность высказывания, имплицитное присутствие в его семантике и прагматике «точки зрения», существующей в границах определенного индивидуального мировоззрения» [Гончарова, 2013, с. 30].

Подобное разграничение, соотносящее субъектность с присутствием ее в любом коммуникативном отрезке, а субъективность – с эксплицитным проявлением авторской позиции, логично и не вызывает возражений. Однако следует также признать, что эта идея не получила широкого распространения в отечественной лингвистике, где общепринятым является употребление термина «субъективность» по отношению к обоим значениям.

В рамках нашего исследования мы рассматриваем субъективность как склонность индивида к оценке тех или иных событий, где оценка основана на личном опыте и, следовательно, не всегда отвечает критерию объективности. Необходимо отметить в этой связи, что попытка установить, насколько тот или иной текст или высказывание субъективны, сама по себе тоже подвержена субъективности. И мы можем предположить, что различные дискурсы и жанры обладают разной степенью субъективности. В частности, в рамках публицистического дискурса объективность в передаче события или новости сталкивается с позицией автора (автоматически субъективной) относительно данного события, например, при взгляде на те аспекты события, которые автор посчитал наиболее важными со своей точки зрения. Согласно мнению Н.Г. Мартыненко, «любой намек в тексте информационной заметки на сигналы эгоцентризма автора – это расширение границ жанра, а значит, естественный путь ввода оценочных элементов в речевую структуру» [Мартыненко, 1999, с. 31]. Но стоит отметить, что единой позиции в журналистике по поводу соотношения объективного / субъективного в публицистическом тексте не существует.

Нельзя не согласиться с учеными, утверждающими, что присущая разным типам текстов и функциональным стилям разная степень субъективности зависит от типа мышления, с ними связанного. Типы мышления при этом дифференцируются по критерию объективности / субъективности: «Теоретическое мышление стремится к объективности. Как известно, ему соответствует теоретическое рассуждение, т.е. композиционно-речевая форма, целью которой является установление истины. Она следует

логическим законам и не должна зависеть от субъекта речи. Практическое мышление субъективно, как и соответствующее ему практическое рассуждение. Это композиционно-речевая форма, в задачу которой входит принятие решения или предписание, т.е. выбор из ряда возможностей (альтернатив), обусловленный оценками и интересами личности или группы» [Краснова, 2002, с. 22]. Соответственно, научный дискурс, ориентированный на установление истины, по умолчанию стремится к объективности, а любые отклонения от объективности противоречат его цели.

Таким образом, академический дискурс в целом, включая его центральные (ядерные) речевые жанры стремятся к объективности, о чем мы уже упоминали в параграфе 1.3. нашей работы. Появление же в нем маркеров субъективности может иметь свои градации от минимальной (допустимой) до максимальной (недопустимой). Градулируемый характер субъективности отображается в сочетаемости с наречиями образа действия *крайне / чрезмерно / слишком / беспредельно* и т.д. *субъективен* или, наоборот, *слегка / в некоторой степени субъективен*:

*Речь об истинности ведется в таких случаях только применительно к аналитическим схемам мышления, принципиально рассматриваемым вне языка, поскольку последний **сплошь субъективен**, непрямо и метафоричен, и потому лишь затемняет сознание* (Л.А. Гоготишвили. «Эйдетический язык» (реконструкция и интерпретация радикальной феноменологической новации А. Ф. Лосева));

*В экономике роль мерил для разноприродных объектов играют деньги, в экологии же такого всеобщего эквивалента нет, и потому любой присвоенный тому или иному показателю «вес» всегда **в изрядной степени субъективен*** (Борис Жуков. Деньги уже пахнут (2003) // «Еженедельный журнал», 15.01.2003).

Аргументом также может служить цитата В.В. Балахонского, который говорит: «Не вызывает сомнения то, что субъект научного познания — учёный, наделён всеми формами человеческой субъективности, включающей

в себя его симпатии, антипатии, вкусы, мировоззренческие убеждения и т.п., но это не означает субъективного произвола исследователя. Наука требует объективности в рассмотрении явлений» [Балахонский, 2023, с. 3]. Нам представляется, что любые превышения минимально допустимого уровня субъективности могут служить маркерами эгоцентризма.

Другими словами, можно сделать вывод, что, хотя субъективность является неотъемлемой частью человеческого сознания, неспособность придерживаться объективности там, где это необходимо или продиктовано целями коммуникации, может являться, по нашему мнению, показателем эгоцентризма.

Существуют исследования, анализирующие соотношение объективного и субъективного в научном тексте. В частности, В.В. Балахонский выделяет следующую закономерность изменения соотношения субъективности и объективности на различных этапах исследовательского поиска ученого: «Влияние субъективных факторов в процессе научного поиска снижается по мере продвижения исследования от его начальных этапов к завершению работы, а в итоговых результатах и выводах происходит достижение научной объективности». Поскольку предполагается, что финальные результаты исследования должны обладать абсолютно объективными характеристиками, не зависящими от субъективных качеств исследователя [Балахонский, 2023, с. 5].

Мы полагаем, таким образом, что в академическом дискурсе эгоцентризм, реализуясь с помощью категории субъективности, может проявляться, во-первых, в виде оценочности и «неуместной» (недопустимой) субъективности, во-вторых, в дисбалансе, непропорциональной представленности теоретических и личных, субъективно-окрашенных рассуждений адресанта.

Т.И. Краснова выделяет несколько групп лингвистических средств выражения субъективности [Краснова, 2002], анализ и обобщение которых позволяет нам соотнести с категорией эгоцентризма следующие:

1. Экспрессивные средства, включая субъективно-оценочные, которые способны выступать в коммуникативном акте средством субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи. К подобным средствам можно отнести разноуровневые единицы – от экспрессивно окрашенных аффиксов до слов и фраз, содержащих субъективные оценки.

2. Предложения, выражающие модусную семантику, которые могут выступать самостоятельно в тексте, служа выражению субъективного отношения говорящего. Так как модусность, согласно Н.Н. Болдыреву, выражает продуманное отношение субъекта к высказыванию [Болдырев, 2005].

3. Дейктические элементы. Использование слов и конструкций, содержащих отсылку к говорящему или адресату речи, выражающих эгоцентричность высказывания.

Мы считаем, что присутствие элементов подобной «необоснованной» субъективности является следствием проявления эгоцентризма автора. Проиллюстрируем данные средства примерами из различных жанров академического дискурса.

1. Избыточная экспрессивность самостоятельно или в сочетании с субъективной оценочностью маркируют эгоцентризм в следующих фрагментах:

Тема, которую затрагивает автор, стара, как мир, и ни одна сфера...

И эти трудности вызваны тем тернистым путем, которым...,

Это построение, однако, немедленно рухнет, как только ...

2. Модусность обнаруживается в следующих примерах:

Я бы сказала больше – приоритет лжи...

Пусть меня простят за столь эмоциональную оценку...

Говорящий, используя извинительные конструкции, по сути апеллирует к собственным качествам, демонстрацию которых он считает

уместным в данном случае, в то же время противопоставляя свою «уместность» потенциальной «неуместности» Другого.

3. Примеры дейктических маркеров, которые одновременно могут служить средствами и субъективности, и авторитетности в их взаимосвязи с эгоцентризмом мы приводили в предыдущем параграфе.

Резюмируя, еще раз подчеркнем, что именно присутствие / избыточность выделенных средств в академическом (чаще – научном) дискурсе становится одним из маркеров эгоцентричности.

Третьей, соотносимой с эгоцентризмом категорией, на наш взгляд, является категория самопрезентации.

Самопрезентация³

Вновь обсуждение данной субкатегории следует начать с того, что феномен самопрезентации, который, на наш взгляд, непосредственно связан с объектом настоящего исследования, изучается в рамках различных научных парадигм – социальной философии и культурологии, социо- и психолингвистики, прагматической лингвистики и теории речевых жанров.

Истоком анализа самопрезентации принято считать работу Ирвинга Гоффмана «Presentation of Self in Everyday Life» [Гоффман, 2000], которому принадлежит сравнение процесса самопрезентации с театральной актерской игрой. Очевидно, что самопрезентация так или иначе априори присутствует в любом высказывании индивида как проявление не столько его Я, сколько повседневных намерений и мотивов коммуниканта. Однако, интерес для изучения представляет в первую очередь феномен сознательного конструирования говорящим Я-образа и формирования положительного впечатления о себе.

³ Данный раздел, посвященный анализу самопрезентации, содержит материалы статьи: Панченко Н.Н., Уваров А.А. Самопрезентация как фактор эгоцентричного коммуникативного поведения (на материале педагогического дискурса) // Современный ученый. 2023. № 3. С. 65–69

Проблематика исследования самопрезентации и ее различных аспектов имеет достаточно длительную историю и находит отражение в ряде работ отечественных и зарубежных социологов, психологов, лингвистов.

Дж. Г. Мид разграничивает понятия «I» – то, что я думаю о других и о себе (презентация внутреннего мира) и «Me» – то, что, по моему мнению, обо мне думают другие (представление о своей внешней социальной оболочке) [Мид, 2009].

Самопрезентация в понимании М. Лири и Р. Ковальски связывается с феноменом публичности, сознательной инсценировкой или «adonization» (красованием), презентацией себя в выгодном свете и создание у окружающих позитивного впечатления о себе [Leary, Kowalski, 1990].

Ориентация на зрителя, поддержание высокой самооценки, управление впечатлением окружающих лежит в основе понимания самопрезентации Д. Майерсом [Майерс, 1997]. В авторской интерпретации, осознанная самопрезентация предстает в качестве определенного стиля жизни. Обладатели такого стиля жизни как бы живут для других, они отслеживают свое поведение, наблюдают за реакцией окружающих, а затем свое поведение (коммуникативное или социальное) корректируют под достижение нужного эффекта. Этим людям свойственна высокая степень самоконтроля. Своеобразные «хамелеоны», они подстраивают свое поведение под внешние условия, соглашаясь быть теми, какими их видят или хотят видеть окружающие [Там же].

Что касается отечественной лингвистики, то основное внимание здесь акцентируется на речевжанровой специфике самопрезентации, понимаемой как «тип текста, появление которого обусловлено авторской целевой установкой самоподачи, самохарактеризации и самораскрытия в условиях определенной ситуации общения» [Веселкова, 2021, с. 200]. Наконец, изучение самопрезентации может быть обусловлено практическими соображениями – разработкой техник, приемов и методов, нацеленных на эффективность публичной коммуникации, поиск путей успешной для

конкретной ситуации самопрезентации, их отработка и привнесение в собственное поведение [Михайлова, 2007].

В целом, какие бы подходы к анализу самопрезентации не затрагивали ученые в своих изысканиях, трактуя ее как создание имиджа или как имманентное свойство человека, как саморекламу или как стремление к доминированию в межличностном взаимодействии и т.д., их многообразие в самом общем виде можно свести к двум основным линиям поведения говорящего, дифференцируемым по критерию интенциональности / непреднамеренности:

- неосознаваемый процесс, отражающий социальную природу человека или особенности его личности;
- демонстративное поведение, обусловленное различными целями и мотивами – от потребности проявления индивидуальности (крайней формой которой является эпатаж), формирования у окружающих уважительного к себе отношения, привлечения внимания к себе до поддержания и укрепления собственного «идеального Я» (привлекательной картинки для других), создания ложного имиджа и манипуляции восприятием окружающих.

Нам представляется, что каждая из линий коммуникативного поведения имеет негативное и позитивное / нейтральное воплощение. В настоящем исследовании нас интересует не самоконструируемое, сознательное поведение, реализуемое в специфических ситуациях публичных выступлений, интервьюировании или других случаях создания Я-образа и воздействия на адресата. Значимым для нас является понимание самопрезентации как бессознательного процесса представления собственного Я, воспринимаемого в коммуникации как некий индикатор или параметр проявления эгоцентризма.

Как уже упоминалось ранее, эгоцентричное коммуникативное поведение отличается полной концентрацией на собственных интересах и своей точке зрения, пренебрежением к интересам других, неспособностью

воспринимать чужую точку зрения как возможно правильную или значимую. В результате игнорирования интересов окружающих или прямого их ущемления эгоцентричное коммуникативное поведение обладает определенным деструктивным потенциалом.

Проиллюстрируем реализацию эгоцентрической разновидности самопрезентации на материале педагогического дискурса, включающего контексты ситуаций взаимодействия педагога (учителя / преподавателя) с учащимися / студентами, а также коллегами по «цеху» и с родителями, в основном когда речь идет о школьном дискурсе. В результате анализа эмпирического материала стало возможным сформулировать следующие выводы.

Самопрезентация может манифестироваться двумя способами – эксплицитно и имплицитно. В данной работе нас интересует прежде всего эксплицитный вариант выражения самопрезентации, который представлен двумя основными коммуникативными моделями:

1. Коммуникативная модель положительного самооценивания «Я – лучший представитель». Самооценочные высказывания подразумевают приписывание говорящим качеств и свойств, соотносимых с оценочными представлениями и категориями, которые позволяют охарактеризовать субъекта речи как исключительного, выдающегося, выгодно отличающегося от других, например: *«Я – заслуженный учитель»*.
2. Коммуникативная модель оппозиции «Я – ты / вы / они». Базовым средством реализации данной модели выступает антитеза как композиционный прием, актуализация самопрезентации осуществляется с помощью использования лексем с мелиоративной семантикой в противопоставлении другому / другим («чужим»), обозначаемым пейоративной семантикой, что в схематичном виде сводится к формуле: *«Я – хорошо, а ты / вы / они – плохо»*.

Достаточно ярко и частотно присутствие оппозитивной модели, работающей на реализацию самопрезентации, обнаруживается в педагогическом (школьном) типе дискурса, а именно в центральном жанре «урок». Традиционно оппозиция «учитель – ученик» воплощается в высказываниях, противопоставляющих высокий – низкий уровень знаний:

Я – учитель высшей категории, проработала в школе всю жизнь, а ты хоть одну книгу прочел? / Что ты знаешь о жизни? / Кем ты себя возомнил / что пытаешься со мной спорить? (запись устной речи).

Специфической формой выражения эгоцентрической самопрезентации выступает фраза «Я не знаю на 5, а вы тем более», пафос которой состоит в уверенности говорящего в обратном:

Учительница по русскому языку и литературе. Дама средних лет. <...> Её стандартная фраза «Я не знаю на 5, а вы тем более». <...> После года обучения дети утратили интерес, не хотели отвечать и не понимали, зачем стараться, если это будет оценено как обычно или вовсе не оценено (<https://mel.fm/blog/anastasiya-duryagina1/67419-beregis-osobyue-primety-toksichnogo-uchitelya>).

Подобный тип сценария достаточно частотен в горизонтальном типе педагогического взаимодействия, в ситуациях общения в системе «опытный учитель – молодой учитель», в которых данная модель преобразуется в формулу: «Я все знаю / умею, а ты ничего не знаешь / умеешь»:

В.В. (учитель английского языка, 19 лет педагогического опыта) в середине открытого урока, который дает Д.А. со своими учащимися 7 класса (учитель английского языка, 2 года опыта работы в школе), заходит в класс, садится за последнюю парту и вслух комментирует ход урока, перебивая молодого коллегу: «Я бы это сделала не так. Здесь нужна парная, а не групповая форма работы» (пример интервью).

Деструктивность эгоцентрической самопрезентации обусловлена публичным характером критических замечаний и понижением авторитета учителя в глазах учеников.

Модель позитивного самооценивания учитель чаще всего практикует в интеракции с родителями учащихся: *Когда пришла за объяснениями, то меня встретили нападением, дескать я заслуженный учитель* (https://deti.mail.ru/forum/obuchenie_i_vospitanie/obrazovanie/plohie_uchitelja_il_i_ne_uchitelja_vovse/);

Мы в свое время тоже попали к заслуженному учителю, самому-самому. Уж так она на собрании все рассказала, что я вышла окрыленная и счастливая. А получилось <...> Напоказ все хорошо, а на деле учительница детей била по затылку за неправильно покрашенные кружочки, портфель на пол высыпала, если ученик карандаш забыл, за шкурку тащила к доске, в туалет не выпускала (<https://www.babyblog.ru/community/shkola/post/3195415>).

В педагогическом пространстве вузовской коммуникации обе эгоцентрические модели самопрезентации актуализируются как в асимметричных ситуациях взаимодействия педагога и студента, так и в равностатусных ситуациях взаимодействия «педагог – педагог».

Модель самооценки реализуется с помощью частотного использования конструкций самоупоминания, Я-конструкций: *Я – опытный эксперт ... Мой собственный метод / подход ... Меня приглашают в качестве члена жюри на престижные мероприятия / олимпиады / Всеросса ...* (запись устной речи).

Оппозитивная модель нередко реализуется для противопоставления своей («правильной») точки зрения / концепции и чужой («неправильной»).

Достаточно часто оппозитивную модель самопрезентации можно встретить в «заочном» взаимодействии «педагог – педагог», когда автор публикации противопоставляет свой подход / метод обучения, как правило инновационный и наиболее эффективный, общепринятому, традиционному и малоэффективному:

Традиционный лекционный подход в образовании является устаревшим и неэффективным. Мой собственный подход к преподаванию, который акцентирует внимание на активном обучении и студенческом

центрировании, доказал свою эффективность и улучшает учебные результаты. **Те, кто продолжают** полагаться на традиционные лекции игнорируют потребности современного класса и **делают плохую услугу своим студентам** (Р.О., 2017)⁴;

*Мои исследования посвящены проблемам современной грамматики и показывают, что **традиционный подход** к изучению грамматики неэффективен. **Мой метод**, который акцентирует внимание на контекстуальном изучении грамматики, приводит к более быстрому и устойчивому усвоению материала* (Ч.Е., 2018).

В представленных примерах эксплицируется оппозиция «мой собственный метод / подход – традиционный подход», где последний обесценивается говорящим.

Если в «заочной дискуссии» предполагаемый оппонент предстает в обобщенном, обезличенном виде, в следствие чего подобное противостояние не обладает явным деструктивным потенциалом, то в очном взаимодействии эгоцентрическая самопрезентация деструктивно настроена, «заряжена» негативом и соответственно способна провоцировать негативную реакцию. Приведем несколько примеров.

В системе взаимодействия «педагог – студент»:

*Учебники конечно ужасные / **Мое пособие награждено премией губернатора** / я буду вас спрашивать по своему пособию* (запись устной речи).

В системе очного взаимодействия «педагог – педагог»:

Преподаватель требует включение своего пособия в список основной литературы по дисциплине, мотивируя тем, что одно из прежних пособий, не имеющего отношения к обсуждаемому в настоящий момент, было награждено премией.

⁴ Ссылки на источники скрыты из этических соображений, авторство представлено в анонимном, аббревиатурном виде.

П.1.: – *Мы не можем включить Ваше пособие в основную литературу / поскольку оно не рецензировалось и не прошло утверждение на кафедре. Вы издали его по собственной инициативе / не аффилировав с вузом / Не все коллеги согласны работать по Вашему пособию / Многие находят ошибки / высказывают замечания ...*

П.2.: – *А почему они позволяют себе делать замечания? / Разве у них есть право оценивать меня? / Их пособия разве были награждены премиями? / А мои были ... (запись устной речи).*

Трудно не заметить, что для эгоцентричного коммуникативного поведения характерен высокий уровень критического отношения к чужим точкам зрения без достаточного и необходимого минимума обоснованности и аргументированности.

В научном дискурсе также обнаруживается наметившаяся в последнее время тенденция к самопрезентации – избыточной демонстрации себя, которая снижает информативность научного текста и приводит к обесмысливанию научного дискурса [Хазагеров, 2010].

В целом, анализ примеров демонстрирует, что эгоцентрические модели самопрезентации реализуются с частотным использованием Я-конструкций и их модификаций, транслирующих различные субъективно-личностные смыслы, связанные с положительным самооцениванием, указанием на выделенность, исключительность говорящего. Выбор подобной риторики с четким доминированием своей значимой Я-позиции, противопоставленной другим, позволяет идентифицировать эгоцентрика в коммуникации, воссоздать и описать его «портрет» как языковой личности и как партнера по коммуникации.

Кроме этого, эгоцентрическая самопрезентация реализуется с помощью высказываний, содержащих аксиологическую оценку, которая выражает субъективное, негативное отношение говорящего (преподавателя) к коллеге (автору учебника / учебного пособия), что демонстрирует не только

нарушение профессиональной этики, но и самоуверенность, убежденность в собственной правоте.

Парадоксальность самопрезентации в ее эгоцентрическом проявлении заключается в том, что нацеленная априори на формирование положительного образа в глазах окружающих и на завоевание авторитета у аудитории, самопрезентация вызывает прямо противоположную реакцию. Коммуникативный эгоцентризм выражается в моделях самопрезентации с чрезмерно высокой самооценкой, недооценке компетенций / умений оппонента.

В результате обсуждения трех конкретизирующих коммуникативную категорию «эгоцентризм» субкатегорий авторитетности, субъективности и самопрезентации становится очевидным, что они так или иначе связаны друг с другом, средства их реализации самостоятельно или совместно могут служить средствами манифестации коммуникативной категории эгоцентризма.

Обращает на себя внимание факт, что некоторые выделенные нами маркеры могут одновременно служить средством выражения разных субкатегорий. В частности, оппозиционная коммуникативная модель может маркировать и авторитетность говорящего, демонстрируя принижение авторитета коллег, и самопрезентацию, акцентируя внимание на приоритетности своей точки зрения / позиции, а акцентирование внимания на себе может служить средством выражения самопрезентации и авторитетности. Принимая во внимание тезис о «партитурности» коммуникации, переплетении и взаимопроникновении коммуникативных тактик, мы осознаем условность отнесения того или иного средства выражения к определенной субкатегории. В результате мы будем в дальнейшем считать основными эгомаркерами *авторитетности*:

- 1) апелляцию к собственному статусу, опыту и достижениям;
- 2) отождествление себя с авторитетными / признанными учеными;
- 3) деконструкцию авторитета других (в том числе с помощью оппозиционной

модели); *самопрезентации*: 1) позитивное самооценивание; 2) акцентирование на собственной позиции (в том числе с помощью оппозиционной модели); *субъективности*: 1) экспрессивности (включая оценочность); 2) нарушений стилистических норм, характерных для академического (научного) дискурса.

Анализу эгомаркеров в речевых жанрах академического дискурса будет посвящена следующая глава исследования.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Данная глава диссертационного исследования посвящена решению ряда задач, которые предполагали уточнение ключевых для работы понятий коммуникативной категории и эгоцентризма, рассмотрение последнего в системе смежных понятий, анализ психологических, философских и лингвистических аспектов эгоцентризма, выделение и анализ субкатегорий эгоцентризма, служащих средством его манифестации и идентификации в коммуникации.

Результатом обсуждения сформулированных задач являются следующие выводы.

1. Эгоцентризм представляет собой сложный феномен, обнаруживающий пересечение с такими понятиями, как эгоизм и индивидуализм. Установлено, что ключевым дифференциальным признаком эгоцентризма является неосознанное игнорирование интересов других субъектов, тогда как эгоизм предполагает осознанный выбор приоритета собственных интересов. В то же время индивидуализм трактуется как осознанная ориентация на индивидуальную свободу и независимость, предполагающая уважение к интересам других при сохранении приоритета собственных целей. Эгоцентризм, в отличие от индивидуализма, не включает сознательного противопоставления себя коллективу и фокусируется на восприятии личного «Я» как центральной категории.

2. Анализ психологического аспекта феномена «эгоцентризм» показал, что эгоцентризм может возникать на разных этапах развития личности и характеризуется не только когнитивными, но и коммуникативными особенностями. Взгляды Ж. Пиаже и других исследователей позволили определить эгоцентризм как переходную стадию между аутистическим и социализированным мышлением, а также выявить его роль в формировании субъектно-субъектных и субъектно-объектных отношений.

3. Философское осмысление эгоцентризма при помощи обращения к классическим работам Э. Гуссерля, М. Бубера, Ж. Сартра и Э. Левинаса выявило его связь с концепцией «Я – Другой». В соответствии с философскими подходами выявлено, что эгоцентризм может выступать барьером для эмпатии и интерсубъективности, специфическим ограничителем способности субъекта видеть мир глазами Другого.

4. Обращение к лингвистическому аспекту исследования эгоцентризма показало, что последний проявляется в текстах, речевых жанрах и ситуациях общения, в которых субъект акцентирует внимание на своем «Я». Особое внимание уделено эгореференциальным характеристикам текстов, которые связаны с выражением индивидуальной позиции и решением личностных задач автора.

5. Экспериментальное исследование (опрос информантов) выявило, что наиболее часто представления об эгоцентризме в массовом сознании ассоциируются с негативными качествами, такими как заикленность на себе, игнорирование мнений других и нанесение ущерба окружающим, что свидетельствует о деструктивном потенциале исследуемого феномена.

6. Коммуникативные категории содержат концептуальные знания о коммуникации, что позволяет структурировать взаимодействие и объяснять речевые паттерны в рамках когнитивной и прагматической парадигм. Эгоцентризм в настоящем исследовании относится к числу коммуникативных категорий и рассматривается как необязательная коммуникативная категория,

соотносимая с исключительной концентрацией на собственной Я-позиции, реализуемая в коммуникативном взаимодействии посредством лингвистических и паралингвистических средств. Категория эгоцентризма влияет на структуру и прагматику дискурса, проявляясь через способы взаимодействия субъектов и их вербальные стратегии.

7. В исследовании выделены субкатегории эгоцентризма – самопрезентация, авторитетность и субъективность, которые включают онтологический и логический аспекты, а также дополнительные формы, такие как эгоцентрическая слепота, память и упрощение. Эти подкатегории, с одной стороны, выступают конституентами категории эгоцентризма и его своеобразными индикаторами, с другой – описывают разные проявления этого сложного феномена, начиная от неспособности восприятия альтернативных точек зрения до предвзятости в интерпретации фактов. Выявленные частные по отношению к эгоцентризму коммуникативные категории и анализ средств их реализации позволяет уточнить природу эгоцентризма, выделить набор маркеров эгоцентричного коммуникативного поведения.

Таким образом, вторая глава исследования позволила уточнить определение и природу эгоцентризма, обосновать его ключевые характеристики, а также определить его место среди других понятий, исследуемых в когнитивной науке, психологии и лингвистике, что составляет необходимый фундамент для построения модели и формирования методики анализа эмпирического материала, которому будет посвящена следующая глава работы.

ГЛАВА 3. СРЕДСТВА МАНИФЕСТАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ЭГОЦЕНТРИЗМА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Данная часть исследования посвящена непосредственно анализу средств манифестации коммуникативной категории эгоцентризма в академическом дискурсе. Начнем с систематизации потенциально существующих в языке и коммуникации средств реализации анализируемой коммуникативной категории, маркирующих данную категорию в различных типах дискурсов.

3.1. Маркеры коммуникативной категории эгоцентризма

Ранее мы уже упоминали существующие подходы к трактовке понятия эгоцентризма и описанию одноименной категории в отечественной лингвистике. Обобщая сказанное, мы приходим к выводу о неоднозначности понимания термина «эгоцентризм» и, как следствие, отсутствию единой классификации признаков эгоцентризма в российских лингвистических исследованиях.

Нередко эгоцентризм в широком смысле понимается как любая репрезентация Я-манифестации говорящего, его психологических, индивидуальных и социальных предпочтений, поскольку «говорящий самым актом своего утверждения как «Я», присваивая в момент речи имя «Я» <...> для обозначения себя и только себя, тем самым присваивает себе весь язык [Степанов, 1985, с. 224]. Эгоцентрическая координата языка, согласно классическому подходу, предстает в виде: «я – здесь – сейчас», отражая дейктический принцип понимания эгоцентризма. В соответствии с данным подходом, эгоцентрические слова – это «слова и выражения, которые ориентированы на «Эго», на «Я» говорящего» [Там же].

Напомним, что согласно отечественным лингвистам Санкт-Петербургской научной школы (Н.Г. Абросимова, Т.М. Большакова,

Е.А. Гончарова, И.В. Породин и др.) эгоцентрический текст трактуется как речевое произведение, в котором создается субъективный «обертон» смысла текстового целого [Гончарова, Ньюбина, 2015]. Этот субъективный «обертон» смысла создается с помощью совокупности эгоцентрических языковых и речевых средств, т.е. указателей на самого себя как на субъекта мысли, речи и действия [Там же].

В соответствии с данным подходом подобный субъективно-окрашенный обертон создается с помощью слов, словосочетаний и высказываний, которые содержат в своей семантике «эгоцентрические признаки, обусловленные выдвиганием на первый план индивидуального «я» человека и выполняющие функцию не только указания на говорящего, но и выражения его ментально-психических характеристик» [Гончарова, 2013, с. 30].

Необходимо отметить, что к подобным эгоцентрическим языковым единицам в лингвистических исследованиях принято относить личные местоимения, дейктические слова и местоимения, перформативные глаголы, модальные слова и словосочетания и др., семантически подчеркивающие Я-позицию субъекта речи.

Предсказуемо, что ядерным текстообразующим элементом выделяемых Е.А. Гончаровой, Н.Г. Абросимовой эгоцентрических текстов выступает местоимение 1-го лица или, выражаясь словами Л.М. Ньюбиной, «самое эгоцентрическое слово» [Ньюбина, 2009, с. 214].

Независимо от дискурса и ситуации общения местоимение «Я» выступает ядром всех языковых репрезентаций говорящего. С помощью манифестации своего Я говорящий репрезентирует себя, свои социальные, психологические и индивидуальные характеристики и предпочтения.

Будучи центральным эгорепрезентантом, местоимение «я», выражаясь словами Е.А. Гончаровой, «стягивает» на себя целую систему «эгоцентрических» языковых и речевых единиц (глаголы ментального и психического состояния, эмоционально-чувственного восприятия,

модальные глаголы, глаголы с семантикой оценки, средства дейксиса, лексику с эмоционально-оценочной и ассоциативной коннотациями и др.)» [Гончарова, 2013, с. 38].

К ядерным эгореферентам относится также, по мнению исследователей, «целый ряд слов, или так называемых эгоцентрических единиц, в семантике которых содержится указание на говорящее «Эго». В структуре эгоцентрического текста номинации 1-го лица сочетаются с определенными лексико-грамматическими единицами: перформативными (например, *begrüßen, sich bewerben, gratulieren, suchen, versprechen, warnen* и др.) и модальными глаголами (*können, mögen, müssen, wollen, sollen, dürfen*), глаголами и глагольными словосочетаниями с ментальной и эмотивной семантикой (например, *denken, glauben, sich überlegen, meinen, finden, tüfteln, vergessen, wissen, sich freuen, traurig/froh/enttäuscht sein* и др.). Далее, входя в синтаксические конструкции (ряды однородных членов, вводные конструкции, неполные и эллиптические предложения, различные виды придаточных предложений, инфинитивные конструкции), подобные «эгоцентрики» (по Падучевой) создают различные модификации эгоцентрического смысла» [Абросимова, 2019, с. 9].

Согласно Т.М. Большаковой, изучающей эгоцентризм в нормативных текстах на немецком языке, роль маркеров эгоцентризма, помимо бесспорного и уже упомянутого ранее маркера – личного местоимения 1 лица ед. числа *Я (Ich)*, выполняют также разноуровневые языковые единицы, к числу которых автор относит следующие единицы:

- притяжательное местоимение 1-го лица ед. числа *Мой (mein)*;
- личное местоимение 1-го лица мн. числа *Мы (wir)*;
- притяжательное местоимение 1-го лица мн. числа *Наш (unser)*;
- эмоционально-экспрессивная конкретизация позиции говорящего с помощью восклицательных предложений;
- глагол эмоционального состояния *чувствовать себя (sich fühlen)* и форма настоящего времени конъюнктива от модального глагола *mögen*;

- перформативные глаголы *говорить* (sprechen), *кричать* (schreien);
- модальные глаголы *мочь* (können), *хотеть* (wollen) [Большакова, 2019, с. 228].

Укажем, что не все из перечисленных средств являются, на наш взгляд, прямыми идентификаторами коммуникативной категории эгоцентризма в нашем понимании данного феномена.

Осмысление феномена эгоцентризма, изложенное в исследованиях Н.Г. Абросимовой, Е.А. Гончаровой и др., нам представляется концептуально близким, но не идентичным нашему осмыслению эгоцентризма как коммуникативной категории. С нашей точки зрения, эгоцентризм может проявляться не только в текстах, которые отражают обсуждение персональных жизненных обстоятельств адресанта и решение его личных проблем.

Напомним, что под эгоцентризмом в данной работе понимается коммуникативная категория необлигаторного типа, которая характеризует коммуникативное поведение отдельных индивидов и не присуща всем носителям языка в равной мере. Содержанием данной категории является концентрированность на себе, исключительность позиции своего «Я», что находит выражение в ряде коммуникативных средств. Коммуникативное эгоцентричное поведение субъекта (агента) академического дискурса отличается тем, что ориентировано не только и не столько на установление некой истины, а в первую очередь на удовлетворение собственных потребностей к самопрезентации.

Целью данной главы является анализ средств манифестации коммуникативной категории эгоцентризма в академическом дискурсе. Но прежде всего выделим те средства, которые потенциально могут маркировать данную категорию.

1. В первую очередь следует назвать эгореференциальные маркеры (под эгореференциальными мы понимаем средства, выступающие эксплицитными признаками эгоцентричности). К ним относится личное

местоимения *Я* и его грамматические формы *Меня*, *Мне* и т.д., притяжательное местоимение *Мой* и его формы. При этом в академическом дискурсе эгореференциальные единицы маркируют категорию эгоцентризма двумя способами:

- частотность их употребления. Это особенно заметно в научно-исследовательской разновидности академического дискурса, в стилистике которого для изложения результатов исследования принято употребление личного местоимения *Мы*, в то время как неоднократное использование *Я* может стать маркером эгоцентризма.

- переход с *Мы* на *Я*. На наш взгляд, этот способ наиболее характерен для устной научно-исследовательской коммуникации.

2. Частицы, усилительные – *даже*, *ведь*, *же*, *ни*, *уж*, *всё-таки*, *просто* и др., ограничительные – *только*, *лишь*, *всего лишь*, *всего-навсего* и др. становятся эгоцентрическими признаками в сочетании с другими единицами. Например, *только я могу...*; *только моя методика...*

3. Лексические средства с эмоционально-оценочной семантикой. Подобные лексемы, в целом не типичные для научного стиля речи, могут служить одним из средств идентификации эгоцентризма в академическом дискурсе. Например:

рабочее определение многострадального концепта;

Не могу воздержаться от замечания, сопряженного с удивлением ...;

начинает разрабатываться проблема эмоционального конвоя;

диссертация в этой части выглядит довольно свежо ...

*Огласим критические замечания по диссертации А.А.Л. Они есть, их довольно много, но они все же не характеризуются **брутальностью** и под.*

Усиливает проявление эгоцентризма избыточная экспрессивность и оценочность в речи, а также использование множества однородных, коннотативно-окрашенных слов:

феномен Л всеобъемлющ, многолик, экспансивен, интенсивен, экспрессивен ...

Я вам сегодня расскажу про такую удивительную, странную, замечательную, при этом интересную вещь как квантовая механика...

4. Разговорно-сниженная лексика, свойственная неформальному стилю общения. Она недопустима в официально-деловых ситуациях общения. В академическом дискурсе существуют строгие и общеизвестные правила стиля, в рамках данного дискурса существует определенный речевой портрет участника, и поэтому манифестация своего мнения через разговорно-сниженную лексику может демонстрировать отношение говорящего к своей исключительной роли:

*Второе направление исследований, связанное с искусственными нейронными сетями, это рекуррентные нейронные сети. Это вообще **очень отпадная вещь ...***

*Почему-то среди литературы по проблематике диссертации, имеющей методологическое значение для автора не учтены работы стиховедов, занимавшихся проблемой ритма и синтаксиса от О.М.Брика до М.А.Красноперовой. **Ну, допустим, О.М.Брика сбросили с парохода современности** и автор мог к этому присоединиться. Но М.А.Красноперова занималась даже не столько проблемами ритма и синтаксиса, сколько проблемой «ритм и смысл», хотя синтаксические доминанты в ее исследованиях хорошо просматривались, особенно на текстах с небольшой длиной строк (из отзыва оппонента).*

Бесспорно, разговорный стиль общения, включая стилистически сниженную лексику, в устной академической коммуникации может служить целям оптимизации восприятия сложного научного продукта и установлению контакта со студенческой аудиторией. Поэтому данные средства становятся сопутствующим идентификатором, сопровождающим другие маркеры эгоцентризма.

5. Модальные глаголы и глаголы в повелительном наклонении могут служить цели подчеркивания авторитета говорящего, как следствие собственной эгоцентрической позиции:

Слушайте меня внимательно!

Вы должны...;

Необходимо следовать...

Необходимо было в связи с такой целью уточнить (детализировать) содержание гипотезы исследования, которая в представленном в работе виде выглядит как довольно банальная истина (из отзыва оппонента).

6. Лексика с уничижительной семантикой:

Первое слово в диссертационном тексте – «реферлируемая» («Реферлируемая диссертация ...», см. с. 5). Что это: невнимательность, небрежность, случайно пропущенная досадная «неточность»?

Но, с другой стороны, в этом интеллектуальном упражнении (не более того) не видно ничего принципиально нового: в отечественном обществоведении давно устоялась эта набившая оскомину традиция решительно все периодизировать именно в логике ключевых этапов смены форм государственного устройства в России.

7. Синтаксические средства

а) параллелизм, вопросительные конструкции: *Что, собственно нового говорит диссертант этим выносимым на защиту положением?*

Задавался ли автор вопросом ...? Погружался ли автор в проблематику...?

Я совершенно не поняла, зачем ... Далее, я абсолютно не поняла, как ... (из отзыва оппонента).

Правильно ли я поняла сказанное на с. 241, что ...? И правильно ли поняла, что ... ? (из отзыва оппонента).

б) антитеза. Частным случаем является противопоставление «Я – Они/Вы»; «Моя точка зрения – Другая точка зрения»:

Все мои коллеги ошибочно полагают Я же считаю

7. На уровне текста своеобразными маркерами эгоцентризма могут служить определенные коммуникативные модели. В частности, можно

выделить эгоцентрически ориентированные коммуникативные модели, представленные в эксплицитном или имплицитном виде

а) самооценивания «Я – лучший представитель класса»

Я – ведущий эксперт...;

Как доктор наук и Заслуженный деятель науки Я...

Более 15 лет я занимаюсь лично практикой исследования биоэнергетики, биополя человека ...

б) оппозиция «Я – хорошо, Другие – плохо»

Не могу согласиться с автором, что ... , поскольку я в своей статье «...» ...

в) отождествление с авторитетом или апелляция к нему позволяет говорящему поднять себя на пьедестал:

Наряду с ведущими учеными ... Я ...

В моей домашней библиотеке имеются словари и книги А.В. с его дарственными дружескими надписями квадратным почерком ...

Она была вторым большим ученым после И.В. Арнольд, которая процитировала мои работы и включила их в свою монографию. А несколько позже она включила одну из них даже в первую лингвистическую энциклопедию...

Помимо сказанного, эгоцентрическими маркерами могут стать любые отклонения (девиации) от жанрового канона / прототипического текстотипа. Такими девиациями могут быть:

а) для работ гуманитарных направлений характерно написание научных исследований любого рода от первого лица, множественного числа: *Мы считаем, что... Мы выносим на защиту следующие утверждения.*

Для работ технических направлений более типично написание научных работ любого рода в пассивном залоге.

Исследование проводится...

В результате обнаруживается... и т.д.

И отклонения от этих традиций не могут возникнуть случайным образом в письменном тексте.

б) использование тропов, образности, свойственной художественному стилю, обиходных выражений, пословиц, поговорок и т.д.

Полагаю, что в данном случае «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»: междисциплинарность – это характеристика процесса ... (из отзыва оппонента).

Как гласит расхожий афоризм, «и на Солнце есть пятна» ... (из отзыва оппонента).

Во-вторых, если уж сия концепция диссертанту, говоря словами другого литературного персонажа, «дорога как память», то следовало бы помнить, что, по определению ее ключевого термина, дробные числа в обозначении гибридных орбиталей просто не предусмотрены (из отзыва оппонента).

Кроме указанного, к подобного рода девиациям мы можем также отнести:

- фокусирование говорящего преимущественно на личных достижениях и выводах, игнорирование фактов и критических замечаний.

В моей монографии представлены уникальные результаты, которые никто до этого не достигал;

- доминирование апелляций к личному опыту и достижениям говорящего как к единственному критерию оценки качества:

Как показывает мой личный опыт ...;

В моей педагогической практике ...;

я была в Японии, читала там лекции ...;

В своей диагностике я использую свое внутреннее виденье, тонкое виденье, экстрасенсорные способности, интуицию и чувство энергии ...

- личные истории и анекдоты, вплетенные в содержание лекции и устные научные выступления как признак эгоцентрической самопрезентации.

Для письменной формы академической коммуникации значимость приобретают пунктуационные и эмфатические маркеры, применение которых используется для усиления или подчеркивания субъективных мнений. Например, использование восклицательного знака или вопросительного знака в скобках для усиления субъективного восприятия: *достоверным (!) основанием; автор формулирует главные свои (?) мысли.*

Все перечисленные средства в различных комбинациях создают эгоцентрический эффект, при котором композиционно-смысловым центром академической коммуникативной ситуации / речевого жанра становится некое сосредоточение на собственном Я или собственной точке зрения, актуализация собственной исключительности.

3.2. Реализация коммуникативной категории эгоцентризма в жанровом пространстве академического дискурса

3.2.1. Методика исследования эгомаркированности речевых жанров академического дискурса

Данный параграф нацелен, прежде всего, на обсуждение принципов поиска и отбора практического материала исследования, методов его систематизации и анализа.

Поясним, что основные методы, применяемые нами в рамках данного исследования, направлены на анализ проявлений эгоцентризма в ситуациях и речевых жанрах академического дискурса. Исследование базируется на сочетании теоретических и эмпирических подходов, что призвано обеспечить его всесторонность и достоверность.

Для создания теоретико-методологической основы исследования и изучения коммуникативной категории эгоцентризма в академическом дискурсе мы использовали подходы из областей когнитивной лингвистики, дискурсивного анализа и прагматики. В рамках настоящей научной работы мы опираемся на антропоцентрическую парадигму, предполагающую

внимание к субъекту речи, его когнитивным и психологическим процессам, а также социокультурному контексту. Применение принципов когнитивной лингвистики позволяет выявить ментальные репрезентации, которые формируют эгоцентрические установки в академических текстах и жанрах. Дискурсивный анализ обеспечивает возможность рассмотреть проявления эгоцентризма в динамике коммуникативного взаимодействия.

Сложность выявления примеров проявления эгоцентризма в целом обусловлена следующими факторами: 1) эгоцентризм в речи проявляется посредством сочетания ряда комплексных факторов, языковых и коммуникативных средств, не маркируется одним или двумя конкретными показателями; 2) значительно чаще встречаются имплицитные проявления эгоцентризма, чем эксплицитные; 3) взаимопроникновение и взаимосвязь средств вербализации категорий субъективности, авторитетности, самопрезентации и эгоцентризма. Помимо этого, осложняющим фактором является факт, что эгоцентризм не может считаться облигаторной категорией, для него не характерна обязательность и повсеместная распространенность, его проявления не обнаруживаются в коммуникативном поведении любой языковой личности.

Проблема выявления примеров проявления эгоцентризма в академическом дискурсе, помимо вышеописанного, осложняется этическими моментами. Поскольку эгоцентризм, согласно проведенному исследованию, выступает исключительно негативной характеристикой коммуникативного поведения личности, то прямая ссылка на источник примера может расцениваться как непреднамеренное оскорбление автора. Поэтому в рамках нашего исследования ссылки на авторов приводятся в обезличенном виде, где авторы текстов кодируются в форме «ученая степень + N», например: «доктор наук N», а вместо ссылки на конкретную работу указывается только ее тип, например: «из отзыва оппонента».

Для нивелирования данных проблем предлагается следующая методика, включающая ряд исследовательских шагов.

На первом шаге нами был определен набор речевых жанров, которые станут источником эмпирического материала. За основу берется классификация, представленная в параграфе 1.3 Главы 1, в которой выделяются речевые жанры, соотнесенные с двумя основными разновидностями академического дискурса – учебно-педагогической и научно-исследовательской.

На втором шаге на основе уточнения понятия эгоцентризма, рассмотрения его отличий от понятий с близкой предметно-понятийной отнесенностью выявляется и обобщается набор маркеров эгоцентризма, помогающих самостоятельно или в сочетании друг с другом идентифицировать его проявления в дискурсе (см. п. 3.1. настоящей главы).

На следующем шаге необходимо было определить круг лиц – представителей русскоязычного академического дискурса, чье коммуникативное поведение отличается эгоцентрическими проявлениями. Для решения данной задачи был проведен анонимный опрос, направленный на выявление тех личностей, которые по мнению респондентов, наиболее склонны к избыточному проявлению авторского Я в своей речи или склонны противопоставлять «свое суждение – чужое суждение».

Следует заметить, что при проведении данного анкетирования мы столкнулись с проблемой выбора формулировки вопроса, которая не должна содержать прямого указания на эгоцентризм. В результате остановились на следующей формулировке: *Назовите одного или несколько известных Вам российских (русскоговорящих) ученых, в академической (научной и/или методической) деятельности которых, в устной или письменной речи, на Ваш взгляд, ярко проявляется доминирование собственного Я / Примат собственной позиции / Оппозиция «мое мнение – чужое мнение».*

Респондентами выступали носители русского языка, имеющие законченное высшее образование и занимавшиеся или занимающиеся в настоящее время научной деятельностью в разных областях науки: (как

гуманитарных, так и технических, таких как психология, лингвистика, информатика и др.)

Опрос позволил определить пул потенциальных «кандидатов», чьи работы (как устные, так и письменные), по мнению респондентов, соотносятся с проявлением эгоцентризма.

На завершающем шаге мы используем новейшие технологии искусственного интеллекта для создания удобного метода анализа больших объемов академических текстов. Использование моделей искусственного интеллекта позволяет создать систему, которая может распознавать заданные маркеры эгоцентризма в тексте, и за счет ее обучения, т.е. предоставления большого объема текстов на выявление маркеров, она может различать не только эксплицитные, но и имплицитные маркеры, а также разнообразные сочетания маркеров, которые по отдельности не демонстрируют манифестацию эгоцентризма, а только в сочетании друг с другом. Также такая модель способна анализировать большие объемы текстов с высокой скоростью и лишена недостатков человеческого фактора, т.е. не может пропустить маркер или их сочетание из-за, например, усталости.

Для данных целей нами была создана авторская Custom GPT модель, которая обучалась на корпусе текстов, содержащих различные типы дискурсивных маркеров. Это позволило:

- Автоматизировать процесс выявления маркеров эгоцентризма;
- Систематизировать и классифицировать выявленные примеры;
- Оценить степень эгоцентричности текста.
- Обеспечить необходимую степень достоверности результатов

работы модели.

Egocentrism Custom GPT становится важным инструментом для проверки гипотезы о корреляции частоты использования маркеров эгоцентризма с жанром текста, целями коммуникации и статусно-ролевыми характеристиками участников дискурса.

На следующем этапе исследования мы непосредственно обратимся к обсуждению и анализу примеров проявления эгоцентризма в жанрах академического дискурса.

3.2.2. Анализ средств реализации коммуникативной категории эгоцентризма в речевых жанрах академического дискурса

Анализ репрезентантов коммуникативной категории эгоцентризма в академическом дискурсе проводился на разножанровом материале, который включал:

а) учебно-педагогические речевые жанры, в частности, письменные – учебники / учебные пособия (30 единиц общим объемом 313,5 п.л.), устные – лекции (расшифровки видеозаписей 50 лекций объемом 64,3 п.л.);

б) научно-исследовательские речевые жанры, в том числе научные статьи (425 публикаций общим объемом 310,25 п.л.), отзывы на диссертационные работы и авторефераты (165 отзывов общим объемом 63,75 п.л.).

Нами не анализировались аннотации в силу их жанровых особенностей и доклады на конференциях, которые, по сути, являются аналогами письменной коммуникации, устной презентацией научной публикации.

Несколько нарушая логику изложения, заметим, что наибольшая степень эгомаркированности и разнообразие эгомаркеров среди речевых жанров академического дискурса обнаруживается у отзывов.

Отзыв

Были подвергнуты анализу отзывы официальных оппонентов о диссертационных исследованиях на соискание кандидата или доктора наук, отзывы ученых об авторефератах диссертаций. Отзывы ведущих организаций как коллективно-авторский научный продукт сознательно исключены из практического материала.

Отзыв, как известно, относится к числу научно-критических речевых жанров с асимметричным типом отношений между участниками коммуникации. Автор отзыва формирует оценочное мнение об исследовании, основываясь на критическом осмыслении рецензируемого научного продукта, определении его научной новизны, актуальности, обоснованности выводов и выносимых на защиту положений.

Структура отзыва не является жестко регламентированной. Большинство авторов проанализированных отзывов (89,1 %) придерживаются традиционной (общепринятой) модели, состоящей из констатирующей части, структурные компоненты которой во многом дублируют первичный научный текст, и аргументативной части, внимание которой концентрируется на дискуссионных вопросах, недостатках рецензируемой работы (см. Приложение 1). Предсказуемо, что в отзывах с подобной, так называемой традиционной структурой эгореферентанты чаще встречаются в аргументативной части.

Эгоориентированным можно назвать отзыв, в котором аргументативная часть по объему значительно превышает констатирующую. Например, в одном из отзывов в нашей выборке примеров (автор – официальный оппонент проф. В.К.) 68,57% текста (0,48 п.л.) от общего объема отзыва (0,7 п.л.) посвящено критическим замечаниям. Автор сформулировал 33 вопроса, многие из которых включают ряд частных вопросов и замечаний (см. Приложение 2).

В меньшей степени в нашей выборке примеров представлены отзывы с индивидуально-авторской структурной моделью. Тем не менее именно их отличает высокая степень эгомаркированности. Автор отзыва практически с первых строк вступает в полемику с автором рецензируемой работы, маркируя тем самым свою Я-позицию:

(1) *Первое, что бросается в глаза, – непроблемная формулировка темы исследования, которая может быть рассмотрена в различных аспектах.*

Например, отзыв официального оппонента Б.Е. начинается с предложения:

(2) *Диссертация как бы посвящена коммуникативной проблематике ...*

Обнаружено, что эгоцентризм проявляется в манифестации самопрезентации, в переключении внимания автора отзыва с рецензируемого текста на себя, на свои индивидуальные убеждения и предпочтения, которые не имеют никакого отношения к теме обсуждаемой диссертации (3) или на свои достижения, без стеснения представленные в содержании отзыва (4):

(3) *Мне как нелюбителю заграничных терминов при наличии русских аналогов вначале резали слух и зрение «коммуникация», «матрица», «концепт». Но понимал, что это не личная прихоть диссертанта, ныне это общий признак эпохи. Мне пришлось пережить такую эпоху в предвоенном детстве, когда весь **футбольный комплекс** понятий был английский (**хавбек, голкипер, корнер** и т.д.). Сейчас, слава Богу, осталось только **пенальти**, да и то чаще говорят «Одиннадцатиметровый». То же было в **авиации** – **аэроплан, геликоптер, гайдроп** и т.д. Надеюсь, что придет время, и коммуникация превратится в связь и взаимосвязь, а концепт – в понятие.*

(4) *Для нас честь, что автор диссертации ссылается на ряд наших работ, связанных с темой исследования. Позволим надеяться, что в будущем автор ознакомится и с отдельными более свежими нашими соображениями, например: Tantlevskij, Igor R. (2021) Two Figures in the Dead Sea Scrolls – Melchizedek in 11Q Melchizedek (11Q13) and the "Son of God" in the Apocryphon of Daniel (4Q246) – as Two Eschatological Soteriological Concepts // SXOAH (Schole) T. 15. № 2. P. 625-642; Tantlevskij I.R., Gromova E.V., Gromov D. (2021) Network Analysis of the Interaction between Different Religious and Philosophical Movements in Early Judaism // Philosophies Vol. 6. № 2. [https:// doi.org/10.3390/philosophies6010002](https://doi.org/10.3390/philosophies6010002); Tantlevskij, Igor R. (2023) "One Like a Son of Man" in the Book of Daniel and "Son of Man" in PseudoDaniel from Qumran (4Q246=4Q psDand) in the Context of the Struggle of the Jews Against*

the

Hellenists" // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2023,16, 1, P. 151-160. В 3-м издании нашей книги «Царь Давид и его эпоха в Библии и истории». Испр. и доп. СПб.: Издательство РХГА, 2020 присутствует ряд дополнительных материалов и интерпретаций.

Апелляция к своему опыту, позволяющая продемонстрировать свою исключительность, – еще один из частотных эгорепрезентантов:

(5) *Насколько я смог заметить по своему опыту оппонирования, в практике написания квалификационных работ (диссертаций) по химическим наукам уже давно сложилось два альтернативных варианта изложения материала, в каждом из которых фигурируют такие разделы как Введение, Литературный обзор, Методика эксперимента, Результаты и обсуждение, Заключение (Выводы) и Литература (для названий этих разделов возможны разные варианты, но суть их в целом остается неизменной). При этом в первом из этих вариантов поименованные разделы перечисляются в указанной выше последовательности, а во втором разделы Методика эксперимента и Результаты и обсуждение меняются местами. <...>. А вот в работе И.Ю.К. реализован новый (для меня неизвестный ранее) вариант, при котором после раздела Введение следует не Литературный обзор, а Методика эксперимента. И хотя, насколько мне известно, какого-либо официального документа, регламентирующего последовательность изложения материала в диссертациях, до сих пор не выработано (да и не факт, что его вообще следует создавать), все же меня по поводу целесообразности ТАКОЙ перестановки, говоря словами **незабвенного «и.о. царя» Ивана Васильевича из легендарного фильма Л. Гайдая, «терзают смутные сомнения»**. Дело в том, что по общей логике, прежде чем начинать любое квалификационное исследование, разумно сначала выяснить, что сделано на этой «ниве» ДО начала этих исследований, и лишь потом искать свою «нишу» там, куда еще дошли руки других исследователей (а эту «нишу» нужно найти хотя бы для того, чтобы это самое исследование соответствовало критерию «новизна»!).*

Приведенный пример показателен еще и тем, что в нем присутствует несколько эгоцентрических маркеров, в том числе особая стилистическая и экспрессивная коннотация (*незабвенного и.о. царя*), включение в научный текст прецедентной фразы (*Терзают смутные сомнения*), графические экспрессивные средства (*ТАКОЙ* и др.).

Действительно, на эгоцентрическую маркированность отзыва может указывать экспрессивная тональность высказываний, обилие восклицательных и вопросительных предложений, в некоторой степени нарушающих научный стиль изложения:

(6) *Слава богу!*

Создается замечательный перевертыш! <...>

Из более частных недочетов хочется отметить некоторую расплывчатость в трактовке уже упомянутых вертикалей. ... Но если «государственная» вертикаль располагает элементы иерархии сверху вниз, т.е. от высшего начала к подчиненному внизу, то вертикаль у славянофилов оказывается как бы обратной, ведущей путь снизу вверх! <...>

Но ведь выше эти черты определяли институциональную матрицу?! Следовательно, вертикальная коммуникационная модель то же самое, что институциональная? Но зачем тогда эта институциональная? В автореферате диссертации неожиданно всплывает еще одно качество матрицы: «общность полей социального окружения» (Автореферат, с. 17). А что это такое?

(7) *Но, к сожалению, и в этой главе, равно как и во Введении, опять-таки нет четкого обоснования причин выбора цели и объекта исследования, хотя это было бы весьма желательным. По-своему симптоматично то, что заканчивается этот фрагмент диссертации не текстом, а... Рис. 2.10, занимающим аж целую С.43 (!). Красиво, конечно, он смотрится, но...*

Установлено, что одним из частотных средств эгоцентрической репрезентации является положительное самооценивание:

(8) *Тщательно изучив содержание автореферата, я адресую диссертанту следующие замечания ...*

Тактика положительного самооценивания в сочетании с усилительной частицей *даже* в следующем примере служит индикатором эгоцентричного коммуникативного поведения автора отзыва:

(9) *Исследование Т.А.С вызвало у меня большой интерес, оно близко к сфере моих научных интересов. **Чрезвычайно внимательно прочитала (и даже проработала)** диссертацию ...*

К специфическому способу выражения эгоцентрической самопрезентации можно отнести включение в текст отзыва элементов других речевых жанров, в частности лекции или научной статьи:

(10) *междисциплинарность – это характеристика процесса познания, а не сознания; гибкость (которая чаще называется пластичностью), скорее, относится к нейрофизиологической характеристике мышления, мобильность – к характеристике коммуникации, полиидентичность – к характеристике психики индивида.*

И поэтому определим сначала разницу между дисциплинарным и междисциплинарным подходами к изучению одного и того же феномена, чтобы четко обозначить свою позицию. Дисциплинарный подход решает конкретную задачу, связанную с установлением внутренних свойств объекта, используя методы научной парадигмы, в которой осуществляется исследование, и ее концептуальный аппарат. Прямо противоположен междисциплинарный подход, при котором с помощью универсального метода решаются так называемые проблемы «системного шва». Это принципиально иной, холистический способ структурирования реальности, в котором господствует, скорее, полиморфизм языков описания и аналогия, нежели каузальное начало. Здесь ход от метода, а не от задачи. Междисциплинарность – это не эклектичное соединение знаний об объектах; это выявление таких сущностных свойств научного объекта, которые не могут быть изучены иначе, чем с помощью закономерностей и

методов, выявленных при исследовании иных научных объектов. Так, проблема понимания текста – междисциплинарная, поскольку не может быть решена методом одной какой-то науки. Теоретические обобщения определенного уровня возможны и в рамках «дисциплинарности»: они вытекают из использования методов анализа и одобренных научной практикой образцов анализа языкового материала, создавая определенную основу для теории объекта в целом.

В отзывах эгоцентрическая позиция оппонента / рецензента проявляется через акцентирование собственного авторитета, выражаемого в прескриптивной модальности:

(11) *На защите **рекомендую** указать авторов ...*

(12) ***Следовало бы** вынести на защиту и только что процитированное мною положение о том, что степень отягощённости социального анамнеза не имеет решающего значения для понимания текста дошкольниками.*

(13) *все примеры **я бы рекомендовала** дать в финно-угорской транскрипции ...*

(14) ***лучше не допускать** утверждений типа «сознание людей и их бытие все больше осознаются как разноплановые», и потому «основным фактором современной жизни становится различие», потому что они не проясняют позицию автора. Что значит «разноплановые»? Разноприродные? Неизоморфные? Едва ли различие – это «фактор», а если фактор, то чего? Надо ли его акцентировать, если учесть, что один из основных философских законов бытия – единство и борьба противоположностей?*

Индикатором эгоцентризма выступает тактика деконструкции авторитета коллег или автора рецензируемой работы, что нередко выражается при помощи оппозиционной модели. Для нее характерна критика позиции Другого без приведения каких-либо ссылок или доводов кроме собственного опыта или авторитета, что часто сопровождается уничижительной тональностью высказывания:

(15) *На наш взгляд, автор не представляет уровня тщательности, необходимого для данной задачи.*

(16) *Остается загадкой, как, например, автору удалось совместить взгляды Г.И. Богина и В.И. Карасика, М.М. Бахтина и Н.Д. Арутюновой и т.д. Я глубоко уважаю перечисленных исследователей как раз за то, что они сумели создать свое «парадигматическое поле» в науке, и наше субъективное желание видеть в их позиции сходство само по себе не порождает нового объекта исследования.*

(17) *Автор не знает, что контекстуальное употребление слова – это самый экономный принцип представления ментального содержания.*

(18) *Часто соискатель использует модальность, недопустимую для научного текста: некоторая снисходительность по отношению к очередному ученому, не разобравшемуся в очередной очевидной для диссертанта проблеме.*

(19) *Представляет ли автор, какого уровня тщательности, детальности и объема диахроническое исследование нужно совершить, чтобы решить эту задачу, к тому же разработав уникальную процедуру лингвистического анализа?*

(20) *Но это, можно сказать, издержки субъективности на поле объективности ...*

(21) *Вот только реализация этой амбициозной задачи, судя по основному тексту диссертации, оставляет желать лучшего ...*

Оппозиционная модель «Я – хорошо, Другой/-ие – плохо» особенно ярко проявляется в отзывах на автореферат, объем которого обычно ограничен и не предполагает самопрезентации работ рецензента:

(22) *Не могу согласиться с А.Д. Н., что существует прямой способ выражения угрозы (с.13). На мой взгляд, (который я изложила в своей статье «Угроза как речевой жанр ...». Новокузнецк, 1992, с. 6-11), все угрозы имеют косвенное воплощение...*

К проявлениям эгоцентризма можно отнести и включаемые в отзыв неконцептуальные замечания относительно опечаток и досадных оплошностей диссертанта. В данных случаях речь идет не о педантичности автора отзыва, а скорее о попытке обратить внимание на свою исключительную компетентность в вопросах орфографии, пунктуации, стилистической корректности, технического оформления:

(23) *На стр. 27, в четвертой строке снизу, слово распространяется написано с ошибкой.*

(24) *К сожалению, текст не лишен опечаток ... (см. напр., с. 3, 7, 8, 24, 28, 30, 35, 48, 54, 99, 115, 117, 139, 160, 162, 179, 192, 193, 195, 199, 247, 251, 256, 264, 284, 291, 311 и др.).*

(25) *Техническое замечание к с. 483, 482, 489, 494, 502, 511 и др.: работы одного и того же автора расположены не в хронологическом порядке.*

Эксплицитная демонстрация собственного Я выражена эгореференциальными маркерами Я, мой и их грамматическими формами:

(26) *Я бы предпочла в тексте диссертационного исследования по указанной специальности видеть содержательную формулировку цели исследования ...*

(27) *На это можно было бы не обращать особого внимания (что я и старалась по возможности делать).*

(28) *Я внимательнейшим образом изучила экспериментальную главу диссертации ... Однако мне, надеюсь, удалось составить цельную картину предложенной автором оригинальной концепции эвиденциальности переживаемого смысла...*

(29) *Ряд зияний я заполнил, но при некоторых оказался бессилён ...*

Нет необходимости упоминать, что степень эгоцентричности напрямую зависит от частотности употребления ядерных эгореференциальных маркеров Я, мой.

Таким образом, коммуникативная категория эгоцентризма в речевом жанре отзыва реализуются с помощью средств самопрезентации, смещающих фокус внимания с объекта / субъекта рецензии на себя,

демонстрации собственного авторитета, деконструкции авторитета коллег или адресата отзыва. Акцентирование авторской позиции (рецензента / оппонента) повышает градус субъективности и может оказывать влияние на степень достоверности. Для эгоориентированных отзывов характерно нарушение жанровых канонов и научного стиля изложения, что обусловлено дисбалансом констатирующей и аргументирующей частей отзыва, обилием эгореференциальных маркеров, включением в его содержание экспрессивных средств, коннотативно-окрашенной лексики, стилистических приемов.

Лекция

Следующий жанр академического дискурса, который был нами проанализирован для выявления и анализа эгомаркеров, это жанр лекций, так же, как и отзыв, характеризуемый несимметричными отношениями между говорящим (лектором) и адресатом (студенческой аудиторией). Анализу были подвергнуты расшифровки 50 видеозаписей академических лекций в системе взаимодействия «профессор-студент» общим объемом 64,3 п.л. (примеры приводятся без правок⁵). В материале выборки не представлены публичные лекции научно-популярной или околонучной направленности.

Известно, что с формальной точки зрения лекция относится к монологическим информативным речевым жанрам, но при этом не исключает наличие элементов диалогичности. Другими словами, лекция как жанр устного академического дискурса в настоящее время, как правило, характеризуется двусторонней направленностью: информативностью содержания и интерактивностью формы. Говорящий (лектор) стремится не только передать информацию, но и установить контакт с аудиторией, поддерживая ее внимание с помощью риторических приемов, инклюзивного местоимения «мы» и диалогической формы подачи материала. Для

⁵ «В устной научной речи неизбежны отдельные погрешности, связанные, в первую очередь, с ограниченными возможностями человеческой оперативной памяти: изменения еще не завершенной фразы, нарушения согласования и усилия по подбору наиболее подходящего слова» [Матяшевская, 2019, с. 250].

поддержания интереса к содержанию лекции, обеспечения подсознательного расположения к лектору, последний может использовать разговорные номинации, повторы как акцентирующие средства [Матяшевская, 2019], эмоционально-оценочную лексику, прецедентные фразы, способствующие повышению эффективности взаимодействия со студенческой аудиторией.

Нельзя не заметить также, что современная лекция адаптируется к условиям интернет-пространства, где аудитория становится более массовой и неоднородной. Лектор имеет возможность использовать мультимодальные средства, при этом ученые отмечают характерное для интернет-лекций упрощение сложных научных понятий, введение элементов развлечения (edutainment) [Матяшевская, 2020]. Это позволяет расширить границы восприятия лекционного материала, делая его доступным для широкой аудитории. При этом важным элементом лекции является использование коммуникативных стратегий: разъяснение сложных идей, кооперация с аудиторией и поддержание когнитивной активности слушателей. Говорящий становится не только источником знаний, но и посредником, формирующим целостное понимание темы в рамках индивидуального и коллективного восприятия. Нельзя не согласиться, что средства, которые использует лектор для логичного и доступного изложения, зависят «от ряда факторов, например, особенностей целевой аудитории и *личных предпочтений адресанта*» (выделено нами – А.У.) [Хутыз, 2018, с. 375]. И поскольку в таких условиях восприятие темы становится зависимым от коммуникативной интенции / стратегии лектора, то последний, играя ведущую роль в данном коммуникативном взаимодействии, может включать избыточные элементы, в том числе средства самопрезентации в свою речь, по сути, подменяя содержание лекции собой, своим Я.

Именно такие примеры в лекциях будут считаться нами эгоориентированными.

Одним из частотных маркеров коммуникативной категории эгоцентризма, обнаруживаемых в нашей выборке примеров, является

репрезентация категории авторитетности: демонстрация своих академических достижений, подчеркивание своего авторитета.

Обычно лектор перечисляет все свои регалии в начале лекции, представляясь аудитории и устанавливая с нею контакт. Подобное конструирование позитивного впечатления в фатической части лекции считается оправданным. Однако самореклама и демонстрация своих регалий и достижений как в начале, так и на протяжении всего выступления, являются эгоориентированными.

Приведем несколько примеров, в которых автор в течение лекции неоднократно апеллирует к собственной Я-позиции, переключая внимание на себя и на свои достижения, в том числе демонстрируя свой опыт работы за рубежом. Для данных примеров характерно использование эгореференциальных маркеров – личного местоимения «Я», притяжательного местоимения «мой»:

(30) ... когда вышел **мой справочник** / который назывался <...> я когда писала свою работу / может кто-то из вас знает / **у меня есть толстый справочник** на тысячу страниц ...

(31) Я просто / так сказать / **будучи специалистом по системному анализу** / я просто систематизировала многие вещи / которые мне показались очень хорошо подходят друг другу для того / чтобы сделать некоторую / ну действительно относительно **новую методику ритмодвигательной психокоррекции**

(32) За последние 8 лет **мне** как-то повезло работать более чем с 7 тысячами пациентов больных <...> **я вел в разных городах Российской Федерации и немножко за рубежом / в Израиле / в Казахстане ...**

Самооценивание посредством демонстрации своего авторитета, зарубежного опыта, наличия публикаций и т.д. – наиболее частотное средство манифестации эгоцентризма, обнаруженное в жанре лекции.

(33) *Я еще / благодаря книгам своим / слава богу имею возможность работать с людьми не только из Санкт-Петербурга / но еще и из других городов и даже стран...*

(34) *Несколько лет назад / еще до пандемии / я была в Израиле на конференции по реабилитационной медицине / Нас возили в одну из лучших клиник в Тель-Авиве / Меня знакомят с врачами ...*

(35) *Хотя / вы знаете / у меня много публикаций на Западе / как-то вот западные приличные / скажем так / психологические журналы ...*

Одним из вариантов эгоцентрической самопрезентации является реклама своего успешного, по мнению лектора, опыта (36; 37) или призыв голосовать за свою книгу (38):

(36) *... вы знаете / я иногда какие-то свои упражнения даю / ну например / <...> это просто великолепное / так сказать / великолепное / ну как сказать / великолепное упражнение на заземление ... <...> Более того сколько я вопросов / каких-то своих научных проблем решила во время занятий именно этой оздоровительной аэробикой / но их просто не перечислить / потому что многие упражнения...*

(37) *Опять-таки мною была синтезирована некоторая стратегия ритма двигательной психокоррекции ...*

(38) *Она сейчас у нас номинирована на «Золотую психею» / вот если вы нам поможете победить / так она пока сейчас на втором месте / но вы наверное за нас проголосуете / да? / Заранее спасибо.*

К сожалению, ограниченность временного формата моей лекции не позволяет мне подробно вам об этом рассказать / но вы можете все эти методички найти в моей книге / которая вышла в 2020 году / которую можно пока еще купить на моем сайте ...

Следующим достаточно частотным маркером является эгоцентрически ориентированная коммуникативная модель противопоставления себя другим представителям научного сообщества, необоснованной критики,

манифестации субъективного негативного мнения о чужих работах без необходимой аргументации:

(39) *когда вышел мой справочник / он назывался «Психология поведения жертвы» / И буквально вот параллельно / там ну буквально до дней / вышла вторая книга / значит / тоже называлась «Психология поведения жертвы» / значит / Христенко / Они у нас оказались совершенно разные / но названия оказались абсолютно одинаковыми / И вот Христенко предлагает следующее определение / Это человек / сторона взаимодействия / который утратил значимые для него ценности в результате воздействия на другой / на него другим человеком / стороной взаимодействия / группой людей / определенными событиями или обстоятельствами / Ну такое очень широкое определение / действительно под него можно подвести все / что угодно*

(40) *Иногда это просто до потери смысла / когда мы просто говорим / ну я буквально на днях посмотрел одно забавное видео одного из наших коллег о том / что в общем все болезни от нервов / Ну это просто доведение / извините меня / до абсурда про все болезни от нервов.*

(41) *Пожалуйста вы все вопросы задавайте мне / а не другим преподавателям по данной дисциплине.*

Формой эгоцентрического самооценивания является апелляция к признанному авторитету, солидаризация с работами своих коллег с помощью инклюзивного «МЫ»:

(42) *Значит / у нас есть два опросника / Один у меня есть / в моем справочнике по виктимологии / второй я нашла совсем-совсем недавно / <...> Кстати / очень интересно / группа наших Санкт-петербургских психологов работала с подростковой наркоманией как раз на основе транзактного анализа / И они выяснили очень интересную вещь <...> У нас написано две или три статьи на эту тему на русском языке / сделан перевод англоязычных терминов / Вот даже в трех статьях ухитрились термины*

перевести по-разному / поэтому я даю здесь оригинал английский на всякий случай.

(43) Мой коллега / психиатр А. В. Т. / который создал технологию зеркальных нейронов / сейчас запатентовали ее / мы ее сертифицировали в Институте практической психологии МАТОН / У нас есть там семинары / приезжают люди из разных городов и даже стран / Вот из Латинской Америки даже приезжала женщина ...

Вариантом эгоцентрической самопрезентации можно считать включение в содержание лекции рассказов, направленных не на активизацию интереса к содержанию лекции, а косвенно доказывающих значимость лектора:

(44) Вот случай / который я описал / Геннадий / пациент <...> он 10 больших комментариев дал у нас в книге с Н. И. К. «П...» / Человек очень известный, состоятельный <...> И обратился ко мне / он когда-то был на моих тренингах / и он нашел меня из другого города / мы стали работать по скайпу с ним <...> Представьте себе / за 2 года что мы делали? / Мы вернули его / почитайте / он в книге 10 больших комментариев дал.

(45) Ну то есть жертва / которая может стать жертвой / как бы реализованной жертвой какого-либо преступления или какого-либо события травматического / Но потом выяснилось / что термин латентная жертва уже используется в криминалистике для тех жертв / которые стали жертвами / реальными жертвами преступления / но не заявили об этом / То есть о них просто не знают / Вот это называется латентная жертва / поэтому мне пришлось использовать термин потенциальная жертва / Но на самом деле / с точки зрения русского языка / мне кажется / что латентное было бы более / более правильно ...

(46) Из всех этих моделей я признаю действительно серьезные достижения / опять это мое личное мнение / прошу прощения <...> моделью стресса Ганса Селье / Хотя / на самом деле теорию стресса предложил вовсе даже не Ганс Селье / а Уолтер Кэнон ...

Отметим, что в отличие от жанра отзыва в проанализированном нами жанре лекции наличие множества вопросов, использование эмоционально-оценочной или сниженно-разговорной лексики, а также включение шуток могут считаться проявлением индивидуально-креативной деятельности говорящего, ориентированной на диалогизацию общения, на установление и удержание контакта с обучающимися, и без присутствия других эгореферентов не могут рассматриваться в качестве маркеров эгоцентризма.

Таким образом, эгоцентрически ориентированные лекции характеризуются неоднородностью научного стиля изложения и несоблюдением традиционной структуры лекции (включающей последовательное изложение материала, обсуждение современного состояния проблемы, истории вопроса, пояснение ключевых терминов, важных для понимания сущности обсуждаемого явления и т.д.), заменой оценочных характеристик предмета обсуждения на положительное самооценивание собственной Я-позиции, смещением акцента со значимости обсуждаемой темы на значимость собственной персоны.

Научная статья

Переходя к анализу следующего рассматриваемого нами речевого жанра – научной статьи, заметим, что последняя является одним из ключевых речевых жанров научной коммуникации, предназначенным для представления результатов оригинальных исследований. Ее основная цель – информировать научное сообщество о новых данных, методах или теориях, способствуя развитию соответствующей области знаний. Учитывая данную функцию, научная статья традиционно имеет следующие основные элементы в своей структуре: введение, методология, результаты, заключение, представленные в эксплицитном (с рубрикацией) или имплицитном (без выделяемой рубрикации) виде.

Исследовательский корпус включает 425 публикаций собственно научных статей (общий объем – 310,25 п.л.), такие субжанры, как проблемно-постановочные, обзорные и рекламные статьи [Котюрова, 2008] отсутствуют в выборке примеров. Еще раз обратим внимание, что аннотации к статьям, как авторское резюме и малоформатный паратекст научной публикации, нами не анализировались из-за очевидного отсутствия проявлений эгоцентризма, что обусловлено жанрово-дискурсивной спецификой аннотации, связанными с нею особенностями ее функций, ограничениями в ее объеме и коммуникативно-прагматическими интенциями автора.

Как известно, стилистической нормой научного изложения, направленного на презентацию объективной информации и результатов научного исследования, доказательство достоверности научного знания, признается максимальная размытость индивидуальности ученого, его авторского Я в содержании научного текста, бессубъектность научного изложения [Праско, 2024]. Соответственно, логично предположить, что проявления авторского Я в тексте научной статьи будут минимальны. Но при этом авторское эгоцентричное присутствие, на наш взгляд, не исключено полностью.

Исследователи к стилеобразующим факторам научной статьи относят точность передачи информации, высокую терминологическую насыщенность, моносемантическую терминов, позволяющую избежать двусмысленности [Емельянова, 2019]. Не подвергается сомнению факт, что научные тексты в соответствии со стилистическими нормами научного дискурса характеризуются сниженной экспрессивностью. И нарушение стилевых норм, благодаря использованию экспрессивно окрашенной лексики, включению эмоционально-оценочной лексики и фразеологических выражений, служит маркером выражения индивидуальности, авторского присутствия, идентифицирующим проявление эгоцентризма.

(47) Однако на другом полюсе, в противовес полюсу культуротворчества, формируется другая культура, одни представители которой готовы

«хвататься за пистолет» при одном звучании слова «культура», другие бессознательно живут по принципу «чем хуже, тем лучше».

(48) *В истории науки такие события всегда находятся, как бы висит дамоклов меч над любым эмпирическим законом ...*

(49) *Нынешний этап развития теории ..., вероятно, может быть охарактеризован как «время собирать камни».*

К отступлению от нормы научного повествования и тем самым маркирующим эгоцентричность автора представляется возможным отнести и использование сниженно-разговорной лексики.

(50) *Еще одним доказательством «движухи» внутри СКП являются многочисленные креатемы ...*

(51) *Когда некоторые медиа создают двухэтажные фейковые новости ...*

(52) *Культура борьбы из деловых офисов выплескивается на дороги и улицы наших городов.*

Автор научной статьи не может избежать оценочности при описании объекта исследования, его методики и результатов. В этом случае речь идет о рациональной оценке (в терминологии М.П. Котюровой и Е.А. Баженовой [2018]), выражающей ценностное отношение автора статьи к различным аспектам научного продукта и не противоречащей общепринятому деперсонализированному научному стилю: *требует тщательного изучения ...; весьма перспективным является использование следующих методов...; в основу исследования положен углубленный анализ...; наиболее заметные отличия обнаружены ...; ряд продуктивных моделей метафоризации выделен*

В отличие от рациональной, иррациональная оценка привносит в высказывание эмоциональную / экспрессивную окраску, маркируя присутствие автора, его Я-позицию, что становится специфическим эгомаркером.

(53) *они активно изучаются, но было бы большим преувеличением говорить, что эти <...> феномены удовлетворительно осмыслены или что*

соответствующий раздел <...> **удовлетворительно разработан**: пока что можно говорить о весьма интересных и информативных, но лишь начальных и **несистематических** исследованиях, содержащих скорее предварительные выводы и соображения ...

(54) **Я** сформировал **достаточно объемный список** номинаций этого многомерного, можно сказать **голографического**, и в достаточной степени **турбулентного феномена** ...

(55) ... всем – лингвистам, и не лингвистам кажущиеся **уродливыми, мертворожденными**, но, несмотря на это, чрезвычайно широко распространенные, с заимствованным жанром светской беседы, а также с огромным числом новых слов от «тусовки» до «киллера», «бойфренда» и «гламура» ...

К эксплицитным эгореференциальным средствам в тексте научной статьи относится употребление личного местоимения единственного числа **Я**, притяжательного местоимения *мой* и их падежных форм, что, как правило, нетипично для научного стиля изложения. Отметим, что присутствие маркеров прямой эгопрезентации в анализируемом речевом жанре минимально, встречается чаще всего в статьях, авторы которых являются или считают себя признанными в научной среде учеными.

(56) ... в данной статье **я** позволю себе не останавливаться на нем сколь-нибудь подробно, отложив на будущее его рассмотрение. <...> **я** приглашаю к разговору всех коллег, кого интересует серьезное научное обсуждение ... темы.

Чаще всего эгореференциальные средства маркируют эгоцентризм не самостоятельно, а в сочетании с другими эгореферентами, в частности имплицитно противопоставляющими свою концепцию другим, менее успешным / несостоятельным подходам:

(57) В наши дни, к сожалению, появляется слишком много работ, претендующих на статус <...>, но на самом деле только декларирующих указанные подходы (а зачастую и дискредитирующих их). **Я** вовсе не считаю,

что предлагаемая мною концепция идеальна, но я искренне надеюсь, что она будет полезна ...

К подобным сопутствующим эгореферентам можно отнести прямую или косвенную эгодемонстрацию, осуществляемую с помощью выражения авторской позиции без доказательств или ссылок, а также через оппозицию определенным идеям или группам исследователей:

(58) Представители логического позитивизма недооценивали существование критерия истинности чувственного знания в науке ...

(59) Метафизика науки сегодня не является актуальной ...

Вариантом косвенной эгопрезентации, выявленным нами в речевом жанре научных статей, можно считать демонстрацию преимуществ научного метода или направления, в котором сам автор является признанным экспертом. Несмотря на то, что авторское Я не выдвигается на первый план, присутствие неразрывной связки «автор-метод / направление», акцентирование метода фокусирует внимание и на авторе. Особенно частотным случаем такой эгопрезентации является апелляция к опыту практического применения метода / направления, сделанного, разумеется, не без помощи автора.

(60) Методика разработана в рамках ордерной концепции организационной культуры, предложенной автором ... На базе ордерного подхода защищены одна докторская и три кандидатские диссертации

(61) Наша методика была апробирована на предприятиях различных отраслей промышленности....

(62) В результате наших исследований был создан комплекс теоретических и практических решений....

(63) Ордерный подход позволяет выявлять базовые структуры организационной культуры, которые не учитываются в традиционных методах. <...> В развиваемом нами ордерном подходе к социально-психологическому изучению организационной культуры вопрос о структуре

нравственного сознания рассматривается через призму этико-смысловых систем культуры.

(64) Если говорить о клинической практике, как мы этот вопрос рассматривали довольно подробно в наших клиниках

Таким образом, научная статья, учитывая коммуникативные задачи речевого жанра и предписываемые нормами научной коммуникации стратегии автора, наименее располагает к демонстрации авторского Я. В этой связи количество маркеров эгоцентризма в данном речевом жанре немногочисленны по сравнению с другими, рассмотренными нами ранее речевыми жанрами. Лидирующие позиции занимают эгомаркеры, демонстрирующие отступления от жанровых канонов – использование экспрессивных средств и иррациональной оценочности.

Учебник / учебное пособие

Обратимся к анализу следующего речевого жанра – учебника. Учебники и учебные пособия представляют собой ядерные жанры академического дискурса, сочетающие в себе элементы научного и учебного видов дискурсов. Как средство учебно-методического обеспечения образовательного процесса и ядро учебно-методического комплекса учебники и учебные пособия направлены на удовлетворение учебных, научных, культурно-информационных и прочих потребностей участников академической коммуникации. Важной особенностью рассматриваемого речевого жанра является его полижанровая структура: в содержании учебника могут сосуществовать научно-учебные статьи, методические записки, учебные инструкции и задания, сопровождаемые таблицами и иллюстрациями.

Основная цель учебника – передача специально отобранных знаний в определенной предметной области, в адаптированной форме отражающих закономерности некоторой сферы деятельности, которые формируют предмет содержания учебной дисциплины. Это предьявляет особенные

требования к коммуникативным стратегиям и тактикам, практикуемые адресантами учебного издания.

Нет необходимости говорить, что авторами учебников / учебных пособий может выступать как один человек, так и коллектив авторов. Как и в предыдущих случаях мы не рассматриваем коллективный научный продукт в силу специфики исследуемой нами темы.

Эмпирический корпус учебников и учебных пособий составил 30 единиц общим объемом 313,5 п.л.

Предваряя описание полученных результатов, заметим, что функциональная специфика рассматриваемого жанра накладывает определенные ограничения на проявления эгоцентризма. Тем не менее нами обнаружено, что введение или предисловие к учебному изданию предоставляет автору для реализации его индивидуальности, проявляющейся в частности в самоупоминаниях и самопрезентации:

(65) Автор учебника владеет китайским языком с восьми лет, профессионально занимается им последние двадцать с лишним лет, защитил две диссертации по теории языка, с 1990 г. трудится в качестве преподавателя китайского языка и переводчика ...

В корпусе примеров нашей выборки примеры демонстрация собственного Я с помощью апелляции к личному опыту или даже описания личных ощущений не являются единичными:

(66) Мне однажды пришлось видеть, как целая группа японских туристов, увидев редких для Японии животных, несколько минут не могла сдвинуться с места, вспоминая, как они называются. Все были в полном замешательстве. И сколько было радости, когда один вспомнил: яги.

(67) В качестве примеров можно назвать теорию эволюции <...> миф Парменида о неизменном, застывшем универсуме, в котором ничего не происходит и который, если добавить еще одно измерение, становится застывшим универсумом Эйнштейна (в котором также ничего не происходит, так как с точки зрения четырехмерности все детерминировано

и предопределено изначально). Поэтому я чувствовал, что если некоторая теория оказывается ненаучной или «метафизической» (как мы могли бы сказать)

Эгоцентрические проявления авторской позиции обнаруживаются как при употреблении эгореференциальных маркеров *Я, мой*, их словоформ, так и при их сочетании с апелляцией к собственному опыту:

(68) *При этом мне приходится не только пересказывать более или менее общепринятые идеи и концепции, но и обсуждать дискуссионные проблемы, где я не могу не высказывать личную точку зрения.*

(69) *... процесс анализа ведет к искажениям, что если анализируют данное конкретное целое, оно искажается, и результаты анализа не истинны. Я не считаю этот взгляд правильным ...*

(70) *Обо всём этом хочется по мере сил рассказать в этой книге. Данное сочинение – не учебное пособие, рассчитанное на школьников и студентов. Моя задача – рассказать о языкознании (или лингвистике) людям, которые ей специально не занимаются; здесь я во многом опирался на курс истории лингвистических учений, который читаю уже более 20 лет в МГУ и РГГУ.*

Если для вводной части, предваряющей собственно дидактический материал учебника, эгоцентрические проявления обусловлены самопрезентацией, то в основном содержании текста наиболее частотны эгоцентрически ориентированные оппозиционные коммуникативные модели, не только выражающие критику иных подходов, но и демонстрирующих некоторое превосходство своего мнения.

(71) *В течение многих лет, которые я занимаюсь лингвистикой, мне не раз приходилось сталкиваться с тем, что большинство людей, даже высокообразованных, не представляют, чем занимаются специалисты в этой области. Не говорю уже о том, что сейчас (вероятно, под влиянием английского языка) многие стали приравнивать слово лингвистика к «изучению иностранных языков» (в Москве Педагогический институт иностранных языков для солидности назвали Лингвистическим*

университетом, хотя он продолжает готовить не столько лингвистов, сколько преподавателей языков и переводчиков). Но и те, кто в курсе того, что существует такая наука, нередко не очень понимают ее предназначение...

(72) Исключение составляют разве что труды представителей современной постмодернистской философии, сознательно и явно чрезмерно акцентирующих метафоричность и многозначность философского дискурса. Как бы то ни было, но мы считаем, что язык такой философской дисциплины как «История и философия науки», по своей четкости, ясности и аргументированности не должен уступать языку самой науки. Ибо в противном случае будет иметь место не столько прояснение структуры, содержания, методов и закономерностей научного познания, сколько, напротив, их «запутывание» и внесение дополнительного информационного шума.

И, несмотря на то, что речевой жанр учебника /учебного пособия предполагает демонстрацию плюрализма мнений и разнообразия теорий, их избыточная критика может служить свидетельством эгоцентрической маркированности.

(73) У Гумбольдта были очень интересные мысли, но не было научного метода. Языковеды просто не знали, как можно изучать язык-деятельность. Зато можно было, как и прежде, заниматься «расчленением языка на слова и правила» и совершенствовать это расчленение. А слова Соссюра о том, что язык — не деятельность, а готовый продукт, безусловно, полемичны по отношению к не упомянутому им в его «Курсе» Гумбольдту.

Резюмируя, заметим, что речевой жанр учебника / учебного пособия обнаруживает наименьшую степень эгомаркированности автора, которая соотносится лишь с двумя основными проявлениями эгоцентризма — самопрезентацией и оппозиционностью иному мнению, критикуемому автором учебного издания.

Представим наши результаты в обобщенном виде, подкрепив сделанные выводы статистическими данными. В Таблице 3 систематизированы наиболее часто встречаемые нами в ходе исследования примеры эгомаркеров, которые объединены вместе в качестве средств выражения субкатегорий, конституирующих коммуникативную категорию эгоцентризма (в соответствии с обоснованием в параграфе 2.4.3.), и соотнесены с анализируемыми речевыми жанрами. Числовые значения отражают количество выделенных примеров.

Таблица 3.

Представленность эгомаркеров в речевых жанрах академического дискурса

речевые жанры субкатегории маркеры	Научно-исследовательские		Учебно-педагогические		Кол-во
	научная статья	отзыв	учебник	лекция	
Самопрезентация, включая: • позитивное самооценивание, • оппозитивную модель с акцентом на Я-позиции	48	77	22	91	238
Авторитетность, включая: • апелляцию к своему статусу • отождествление себя с авторитетом Других • оппозитивную модель, ориентированную на деконструкцию авторитета других	21	91	34	60	206
Субъективность, включая: • экспрессивность • нарушения стиля	38	132	16	53	239
Всего:	107	300	72	204	683

Из приведенных данных видно, что представленность в академическом дискурсе субкатегорий как маркеров эгоцентризма приблизительно одинаковая: маркеры самопрезентации составляют 34,85 % всех выявленных примеров, авторитетности – 30,15 % и субъективности 35 % от общего числа примеров.

На основе полученных данных была определена степень эгомаркированности исследуемых речевых жанров, где наибольшая степень отмечена у речевого жанра отзыва, а наименьшая степень обнаружена у речевого жанра учебника. Результаты представим в Таблице 4.

Таблица 4.

Степень эгомаркированности речевых жанров академического дискурса

Речевые жанры		Коэффициент
Научно-исследовательские	научная статья	0,39
	отзыв	5,22
Учебно-педагогические	Учебник	0,25
	Лекция	3,52

Прокомментируем методику расчета степени эгомаркированности жанров:

1. Определяется количество проанализированных печатных листов по каждому жанру N_i , где i – обозначение жанра

По каждому жанру подсчитывается количество обнаруженных примеров эгомаркеров (сумма всех эгомаркеров) – A_i

2. Вычисляется средний показатель по каждому жанру: $K_i = A_i / N_i$

3. Проводятся подсчеты в целом по исследованию:

N = сумма всех печатных листов

A = сумма всех полученных эгомаркеров

K = средний показатель

$$K = A / N$$

4. Коэффициент эгомаркированности каждого жанра рассчитывается путем деления K_i на K .

Отдельно представим результаты определения степени эгомаркированности исследуемых речевых жанров, показателем которой выступает частотность употребления эгореференциальных маркеров (Я, мой и их морфологических вариантов). Результаты отразим в виде диаграммы (Рис. 3).

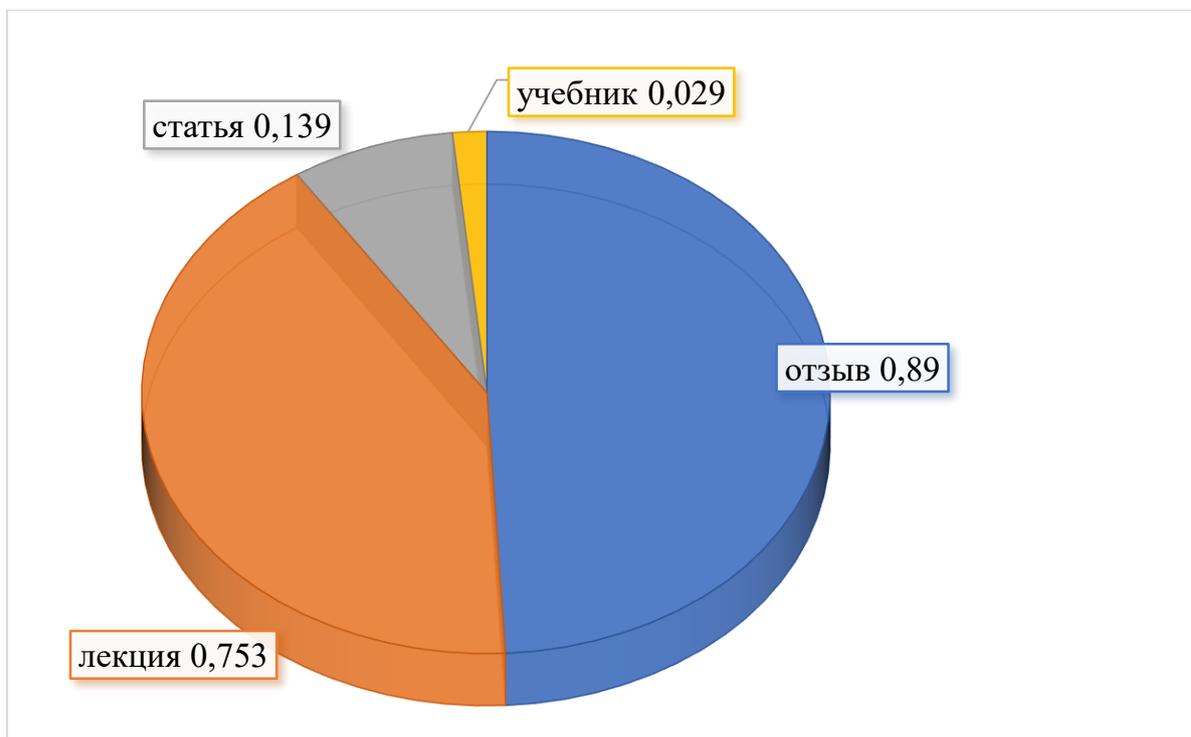

Рис. 3. Частотность эгореференциальных маркеров в речевых жанрах академического дискурса

Частота эгореференциальных маркеров рассчитывалась по формуле:

$$F = \left(\frac{\text{Количество эгореференциальных маркеров в анализируемом жанре}}{\text{Общее количество слов в корпусе примеров данного жанра}} \right) \times 100.$$

Для подсчета общего количества слов из примеров статей, учебников и отзывов удалены справочные данные (информация об авторе, библиографические данные и т.д.).

Продемонстрируем полученные данные на примере отзывов:

$$F = \left(\frac{\text{обнаруженное количество эгореференциальных маркеров [2950]}{\text{общее количество слов [332684]}} \right) \times 100,$$
 что составляет 0,89.

В результате соответствующих расчетов, произведенных по всем корпусам анализируемого материала, становится очевидным, что частотная представленность эгореференциальных маркеров отражает общую тенденцию эгомаркированности центральных речевых жанров академического дискурса. Обобщенные данные отражены в виде гистограммы (Рис. 4).

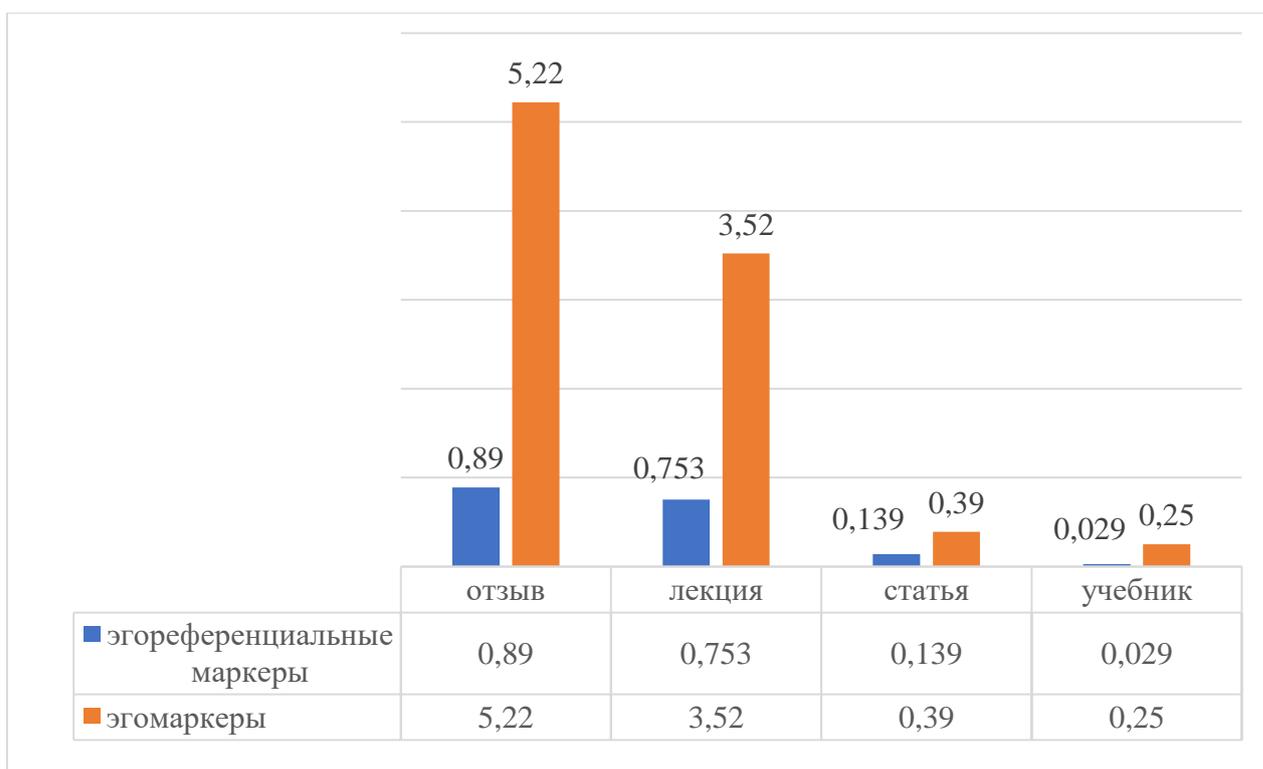

Рис. 4. Эгомаркированность речевых жанров академического дискурса

Таким образом, результаты анализа наиболее значимых речевых жанров академического дискурса позволили определить степень их эгомаркированности, лидирующие позиции с наибольшей степенью эгоцентричности занимают отзывы и лекции, в то время как самой низкой степенью эгомаркированности обладает учебник / учебное пособие.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Основная цель данной главы диссертационного исследования заключалась в изучении способов манифестации коммуникативной категории эгоцентризма в речевых жанрах академического дискурса, что предполагало разработку и применение модели для отбора примеров и их последующего анализа. Результаты работы в данной главе можно обобщить следующими выводами.

1. Разработанный алгоритм анализа коммуникативной категории эгоцентризма базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем

лингвистические, когнитивные и прагматические аспекты. Методика анализа учитывает как текстовые, так и экстралингвистические параметры, такие как статусно-ролевая структура участников, цели взаимодействия и коммуникативная обстановка.

2. Выделен и систематизирован ряд средств, которые могут маркировать проявления эгоцентризма в академическом дискурсе, – эгомаркеров, наиболее яркими среди которых являются эгореференциальные маркеры *Я*, *мой* и их словоформы, лексические, фразеологические, синтаксические средства, а также коммуникативные модели, направленные на акцентуацию собственной позиции автора и в целом работающие на коммуникативную категорию эгоцентризма. Эти средства были систематизированы и классифицированы по их частотности и функциональной значимости в рамках разработанной методики анализа.

3. Выделенные в рамках исследования субкатегории эгоцентризма – самопрезентации, авторитетности и субъективности – нашли подтверждение в анализируемом материале и позволили более детально охарактеризовать проявления эгоцентризма.

4. Анализ речевых жанров лекции, научной статьи, учебника, отзыва с целью определить эгомаркеры и их представленность в каждом жанре позволил установить, что степень эгоцентризма варьируется в зависимости от речевого жанра, его специфики и целей коммуникации. В научно-исследовательских и в учебно-педагогических речевых жанрах наибольшее число эгомаркеров встречается в жанрах отзыва и лекции, в которых авторская позиция выделяется ярче.

5. Наибольшая степень эгомаркированности обнаруживается в речевом жанре отзыва, что подтверждается разнообразием эгомаркеров и их количественной насыщенностью. Наименьшей степенью эгомаркированности характеризуются учебники / учебные пособия, в которых использование средств эгоцентризма не отличается разнообразием и частотностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертации были исследованы особенности эгоцентризма как коммуникативной категории, реализуемой в рамках академического дискурса. Работа базировалась на комплексном подходе, включающем теоретическое осмысление феномена эгоцентризма как междисциплинарного феномена и его многоаспектный анализ, а также эмпирическое исследование, направленное на выявление способов и средств манифестации эгоцентризма в жанровом пространстве академической коммуникации.

В первой главе диссертации рассмотрены теоретические основы изучения академического дискурса, включая разнообразные подходы к его определению, особенности жанровой структуры, функций и участников коммуникативного взаимодействия. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований выявлено, что академический дискурс представляет собой институциональный вид дискурса, сложное динамичное коммуникативное явление, реализуемое в вузовской среде и объединяющее в своей структуре образовательную (учебно-педагогическую) и научную (научно-исследовательскую) составляющие. Выявлена его функциональная специфика, которая охватывает педагогическую, когнитивную, аргументативную и информативную функции. Ведущая роль в академическом дискурсе принадлежит коммуникантам, формирующим профессиональную среду коммуникативного взаимодействия. Адресантом академического дискурса выступает преподаватель вуза, который одновременно совмещает функции преподавателя и ученого-исследователя.

Анализ академического дискурса продемонстрировал, что жанровое наполнение его коммуникативного пространства не представляется одномерным и однозначным, а является комбинацией речевых жанров научного и педагогического дискурсов, включающих устные и письменные речевые жанры. Неоднородность жанрового пространства академического

дискурса, его многомерность обуславливают условность границ исследуемых речевых жанров, их структурно-функциональных особенностей. В диссертации выделены ядерные, околоядерные и периферийные речевые жанры. К ядерным отнесены условно первичные речевые жанры: научно-теоретические (диссертация, монография, статья) и научно-учебные (учебник, учебное пособие, лекция), которые коррелируют с наиболее частотными и значимыми коммуникативными событиями. В околоядерной зоне располагаются вторичные речевые жанры – научно-информационные (реферат и др.) и научно-критические (рецензия, отзыв и др.). Периферию академического дискурса заполняют научно-популярные жанры, опосредованные другими видами дискурсов (академическая переписка, портфолио, буклет для абитуриентов и др.), и речевые жанры, соотносимые с вузовскими документами, регламентирующими академическую деятельность (отчет, служебная записка и др.) и расширяющими границы взаимодействия участников академической коммуникации. Эмпирическую базу исследования составили первичные и вторичные речевые жанры статьи, отзыва, лекции и учебника, входящие в ядерную и околоядерную области академического дискурса.

Во второй главе проведено феноменологическое описание эгоцентризма. Понятие «эгоцентризм» проанализировано в контексте смежных понятий, таких как эгоизм, индивидуализм и нарциссизм.

Нечеткость содержательного минимума понятия «эгоцентризм», обнаруженная в наивно-языковой картине мира в результате дефиниционного анализа и опроса респондентов, обусловила необходимость обращения к научной картине мира, представленной психологическими и философскими концепциями эгоцентризма. Обобщение существующих подходов продемонстрировало, что эгоцентризм взрослого становится свойством его личности при несформированном умении совершать акты децентрации, напрямую связанной с установкой на восприятие точек зрения, принятие других ценностей, взглядов, отличных от собственных.

В качестве дифференциальных признаков эгоцентризма личности в исследовании учитываются: неспособность говорящего понять точку зрения Другого; дефицит саморефлексии, проявляющийся в отсутствии восприятия необъективности своего взгляда на окружающую действительность и неспособности восприятия взглядов окружающих, отличных от своего собственного; неумение субъекта речи подстраивать свое коммуникативное поведение под конкретную коммуникативную ситуацию. Эгоцентричная личность определяется нами как индивид со сниженными эмпатическими свойствами, неспособный принимать и учитывать информацию, противоречащую собственному опыту, как обладатель специфической позиции, которая характеризуется исключительностью, сосредоточенностью на собственных интересах и переживаниях.

В диссертации предпринята попытка рассмотрения эгоцентризма как коммуникативной категории, реализуемой в академическом дискурсе и оказывающей влияние на его прагматику. В результате обсуждения понятия «коммуникативная категория» и существующих подходов к ее классификации установлено, что коммуникативная категория эгоцентризма относится к числу необязательных (сопутствующих) коммуникативных категорий, соотносимых с исключительной концентрацией говорящего на собственной Я-позиции и реализуемых в коммуникативном взаимодействии посредством лингвистических и паралингвистических средств. Коммуникативная категория эгоцентризма, имея сложную структуру, включает в состав три частные категории, выступающие средством ее выражения и тем самым идентифицирующие ее проявление в академическом дискурсе.

Анализ конкретизирующих коммуникативную категорию «эгоцентризм» субкатегорий авторитетности, субъективности и самопрезентации позволил выделить основные маркеры, репрезентирующие авторитетность: 1) апелляция к собственному статусу, опыту и достижениям; 2) отождествление себя с авторитетными / признанными учеными;

3) деконструкция авторитета других (в том числе с помощью оппозиционной модели); самопрезентацию: 1) позитивное самооценивание; 2) акцентирование на собственной позиции (в том числе с помощью оппозиционной модели); субъективность: 1) экспрессивность (включая оценочность); 2) нарушение стилистических норм, характерных для академического (научного) дискурса. Эти маркеры самостоятельно или в сочетании с эгореферциальными маркерами *Я, мой* и их грамматическими вариантами служат средствами манифестации коммуникативной категории эгоцентризма в академическом дискурсе.

Третья глава посвящена анализу реализации коммуникативной категории эгоцентризма в речевых жанрах академического дискурса.

Систематизация потенциально существующих в языке и коммуникации средств реализации коммуникативной категории эгоцентризма, маркирующих данную категорию в дискурсе, позволила выделить эксплицитные средства эгоцентричности – эгореференциальные маркеры (местоимения *Я, мой* и их словоформы) и ряд эгомаркеров, самостоятельно или в сочетании с другими идентифицирующих проявления эгоцентризма, – усилительные и ограничительные частицы, лексические средства с эмоционально-оценочной семантикой, избыточная экспрессивность, разговорно-сниженная лексика и др. Маркерами эгоцентричности также могут служить коммуникативные модели позитивного самооценивания, оппозитивности, апелляции к авторитету и др.

Выявление примеров эгоцентризма сопровождалось определенными трудностями, которые обусловлены рядом факторов, в частности: 1) эгоцентризм в коммуникации не маркируется только одним конкретным средством, чаще всего проявляется посредством сочетания нескольких языковых или коммуникативных средств; 2) преобладают имплицитные проявления эгоцентризма; 3) эгоцентризм манифестируется с помощью коррелирующих и взаимосвязанных средств вербализации категорий субъективности, авторитетности, самопрезентации; 4) коммуникативная

категория «эгоцентризм» является необлигаторной категорией, характеризующейся отсутствием повсеместной распространенностью и необязательностью проявления в коммуникативном поведении любой языковой личности.

Алгоритм поиска и отбора практического материала исследования, последующей его систематизации и анализа предусматривал следующую последовательность: 1) определение речевых жанров, служащих основой эмпирического материала; 2) обобщение и определение набора маркеров эгоцентризма, способствующих идентификации его проявлений в дискурсе; 3) выявление круга потенциальных субъектов речи – представителей русскоязычного академического дискурса, чье коммуникативное поведение отличается эгоцентрическими проявлениями. Проведение анонимного опроса позволило определить пул потенциальных кандидатур, чье коммуникативное поведение соотносится с проявлением эгоцентризма, и мотивировало отбор исследовательского материала, корпус текстов которого составил 50 лекций, 425 научных статей, 165 отзывов, 30 учебников общим объемом 751,8 п.л.

Для анализа большого объема академических текстов и выявления эгорепрезентантов использовались возможности искусственного интеллекта, который позволил создать авторскую Egocentrism Custom GPT модель, что обеспечило автоматизацию процесса выявления маркеров эгоцентризма, способствовало систематизации отобранных примеров, помогло оценить степень эгоцентричности текстов различных жанров.

В результате анализа исследуемых речевых жанров было установлено, что жанр отзыва обладает наибольшей эгомаркированностью среди остальных речевых жанров, а самыми частотными эгорепрезентантами являются средства субъективности (экспрессивности, нарушающей стилистику и жанровые каноны научного произведения) и авторитетности (апелляции к своему статусу, деконструкции авторитета Других).

На втором месте по частотности манифестации эгорепрезентантов располагается речевой жанр лекции, для которого наиболее характерными

оказались средства самопрезентации (положительного самооценивания, акцентирования Я-позиции) и авторитетности (апелляции к собственному авторитету, опыту и авторитету своих коллег).

В меньшей степени эгоцентричность характерна для речевого жанра научной статьи, которой свойственны эгомаркеры самопрезентации (в частности имплицитная самореклама путем демонстрации преимуществ своего метода / подхода, которого придерживается автор статьи и т.д.) и стилистические девиации (избыточная экспрессивность, переход от инклюзивного *Мы* к личному *Я* и др.).

Наименее эгомаркированным оказался речевой жанр учебника, в котором в большей степени представлены эгореферентанты авторитетности (апелляции к собственному жизненному опыту или ощущениям, частотные употребления словоформ личного местоимения *Я*).

Анализ частотной представленности эгореференциальных маркеров (эксплицитных средств выражения эгоцентризма) продемонстрировал общую тенденцию эгоцентрической маркированности речевых жанров академического дискурса, где наибольшей степенью маркированы отзывы (коэффициент маркированности 0,89), наименьшей – учебники (коэффициент маркированности – 0,029).

Проведенное исследование представляет собой лишь первый опыт научного осмысления эгоцентризма как коммуникативной категории на материале русскоязычного академического дискурса. Полагаем, что представленная модель изучения эгоцентризма позволяет экстраполировать ее на другие виды институциональных дискурсов, что может составить перспективу исследования. Небезынтересным видится дальнейшее изучение эгомаркированности жанров академического дискурса, изучение гендерных особенностей эгоцентричной личности. Перспективным может стать выявление национальной специфики эгоцентричности академического дискурса на других языках.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абросимова Н.Г. Блоговая запись как эгоцентрический тип текста в реальной коммуникации // Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 6. – С. 68–80.
2. Абросимова Н.Г. Эгоцентризм как принцип смысло-речевой организации текстов в немецкоязычной повседневной коммуникации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2018(a). – № 10. – С. 78–81.
3. Абросимова Н.Г. Актуализация эгоцентрической точки зрения речевого субъекта в текстах деловой и повседневной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2019. – 25 с.
4. Авагимян Р.А. Психологические особенности и структура педагогического авторитета преподавателя вуза: дис. ... канд. психол. наук. – Ереван, 1984. – 176 с.
5. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. – СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1994. – 151 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. науч. альманах / под. ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. – Вып. 3. – С. 5–13.
7. Алефиренко Н.Ф. Речевой жанр, дискурс и культура // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. – Вып. 5. Жанр и культура. – С. 44–55.
8. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 318 с.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека – 2-е изд. исправленное. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

10. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 7–23.
11. Ахраменко И.В. Казаться, а не быть. – 2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.b17.ru/article/373271/> (дата обращения: 9.03.2024).
12. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т., 2002. – 20 с.
13. Балахонский В.В. Объективность и субъективность в процессе проведения научного исследования: проблема соотношения в методологии исторического познания // Наука и мир. – 2023. – № 2. – С. 1–10.
14. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с фр. Т.В. Вентцель – М.: Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
15. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
16. Бацевич Ф.С. Речевой жанр и коммуникативный смысл // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып.4. – Жанр и концепт. – С. 112–122.
17. Бенвенист Э. Общая лингвистика – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
18. Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуации // Жанры речи: сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во гос. уч-науч. центра «Колледж», 1997. – С. 12–23.
19. Болдырев Н.Н. Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Часть 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: сборник статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. – СПб.: Тригон, 2005. – 304 с.
20. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–23.
21. Болдырева А.А. Категория авторитетности в научном дискурсе: дис.... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 182 с.

22. Болдырева А.А., Кашкин В.Б. Категория авторитетности в научном дискурсе // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. – № 1. – С. 58–70.
23. Большакова Т.М. Квазиэгоцентризм как прием коммуникативно-речевого построения нормативного текста (на примере нормативных текстов немецких начальных школ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики – Тамбов: Грамота, 2019. – № 12. – С. 226–230. [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/2/2019/12/44.html (дата обращения: 24.10.2024).
24. Борботько В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 1998. – 48 с.
25. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: УРСС, 2006. – 288 с.
26. Бочкарев Л.В. Философия диалога Мартина Бубера // Лесной вестник. – 2013. – № 5(97). – С. 12–15.
27. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры / сост.: П.С. Гуревича, С.Я. Левит; под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лезова; пер. с нем. М.И. Левиной, С.В. Лезова, И.И. Маханькова – М.: Республика, 1995. – 462 с.
28. Бурмакина Н.Г. Дискурсивно-интегративные и культурно-конвенциональные характеристики академической коммуникации: дис. ... доктора филол. наук. – Красноярск, 2014. – 217 с.
29. Бурмакина Н.Г. Конструирование авторитетности в жанре институциональной визитной карточки // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2018. – № 2. – С. 136–144.
30. Бурмакина Н.Г. Репрезентация категории авторитетности в жанре научной статьи // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в Ибероамериканском и Российском научном пространстве: сборник научных статей. – Ростов-на-

Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – С. 362–368.

31. Бюлер К. Теория языка // История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. – 3-е изд. доп. – М.: Просвещение, 1965. – Т. 2. – 495 с.

32. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.

33. Вавина Э.Г. Проблема Другого у Ж.-П. Сартра и Э. Гуссерля // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия: электронный научный журнал. – 2014. – № 1. – С. 17–33.

34. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.

35. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи – М.: Русский язык, 1976. – 192 с.

36. Вахтерова Е.В. Исследование академического дискурса в отечественной и зарубежной лингвистике // Globus. – 2021. – Т. 7, № 1(58). – С. 22–26.

37. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во гос. уч-науч. центра «Колледж», 1997. – С. 99–111.

38. Веселкова Т.В. Самопрезентация студентов-нефилологов: речезанровые и лингвистические характеристики // Жанры речи. – 2021. – № 3(31). – С. 198–206.

39. Ветрова О.Г. Культура научного общения: хеджинг в академическом дискурсе // Академический дискурс: проблемы теории и практики. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2012. – С. 120–121. [Электронный ресурс]. URL: <http://gisap.eu/ru/node/5638> (дата обращения: 02.03.2016).

40. Виноградов В.В. О теории художественной речи: учебное пособие для студентов филологических специальностей университетов и педагогических институтов. – М.: Высшая школа, 1971. – 238 с.

41. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Коммуникативные параметры деструктивности в педагогическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 4. – С. 23–33.

42. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: дис. ... докт. филол. наук. – Челябинск, 2006. – 296 с.

43. Воротникова Ю.С. О лингвистическом статусе лекционного дискурса // Филологические науки. Язык, речь, речевая коммуникация. – Тобольск: Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И. Менделеева, 2009. – № 7. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/24_PNR_2009/Philologia/50796.doc.htm (дата обращения 29.03.2023).

44. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.

45. Выготский Л.С. Мышление и речь: сборник. – М.: АСТ: Хранитель, 2008. – 668 с.

46. Габидуллина А.Р. Учебно-педагогический дискурс: категориальная структура и жанровое своеобразие: дис. ... доктора филол. наук. – Донецк, 2009. – 422 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://scicenter.online/yazyik-russkiy-scicenter/uchebno-pedagogicheskiy-diskurs-kategorialnaya.html> (дата обращения: 16.07.2023).

47. Гергокаева Д.Д. Эгоцентризм лингвистического дискурса: на материале русского, английского, карачаево-балкарского языков: дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2008. – 181 с.

48. Голдсмит Г.Н. Подходы к лечению нарциссических расстройств: Кохут и Кернберг // Журнал практической психологии и самоанализа. – 2015. – № 1. – С. 7–8. [Электронный ресурс]. URL: <https://psyjournal.ru/articles/podhody-k-lecheniyu-narcissicheskikh-rasstroystv-kohut-i-kernberg> (дата обращения: 24.10.2024).

49. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // *Жанры речи*. – 1997. – № 1. – С. 23–34.
50. Гончарова Е.А. Эгоцентризм как принцип построения литературного текста // *Studia Linguistica*. – 1998. – № 7. – С. 235–244.
51. Гончарова Е.А. Эгоцентризм и интроспекция как основа композиции и архитектоники художественного текста // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете* – 2017. – С. 29–41. [Электронный ресурс]. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/1659/1/German_philology_3.pdf (дата обращения: 24.10.2024).
52. Гончарова Е.А. Речевая актуализация эгоцентрической прагматической перспективы автора в текстах деловой коммуникации (на примере немецкоязычного типа текста «заявление о приеме на работу») // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. – 2018. – № 11. – С. 132–135.
53. Гончарова Е.А., Ньюбина Л.М. Личное письмо как эгоцентрический тип текста в реальной и литературной коммуникации // *Известия Смоленского государственного университета*. – 2015. – № 1(29). – С. 155–168.
54. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни – М.: Канон-пресс, 2000. – 304 с.
55. Грин А. Мертвая мать // *Французская психоаналитическая школа* / под ред. А. Жибо, А.В. Россохина – СПб: Питер, 2005. – 576 с.
56. Грин А. Нарциссизм жизни и нарциссизм смерти // *Библиотека психоанализа* / пер. с фр. А.И. Коротецкой – М.: Когито-центр, 2020. – 319 с.
57. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем., общ. ред. Г.В. Рамишвили. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
58. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова – М.: Академический проект, 2010. – 229 с.

59. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Складнева – СПб.: Наука, 2001. – 316 с.
60. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Феноменология внутреннего сознания времени / под ред. В.И. Молчанова – М.: ИТДГК «Гнозис», 1994. – Т. 1. – 162 с.
61. Давыдов В.В. Натурализация субъективности в когнитивно-эволюционных исследованиях // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2(20). – С. 14–24.
62. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимовой – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
63. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. / пер. С.Я. Шейнман-Топштейн и др. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
64. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
65. Дементьев В.В. Коммуникативная обусловленность систем оценки в современных языках // Вопросы структурной, функциональной и когнитивной лингвистики: материалы докл. науч.-метод. конф. – Саратов: ИЦ «Наука», 2007. – С. 266–287.
66. Доналдсон М. Мыслительная деятельность детей / пер. с англ. В.И. Голода; науч. ред., предисл. и коммент. В.И. Лубовского – М.: Педагогика, 1985. – 191 с.
67. Дронова Г.Е. Коммуникативная категория «ясность речи» в жанре лекции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2006. – 21 с.
68. Дубровская О.Н. Речевые жанры, речевые события и новые средства коммуникации // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. – Вып. 5. Жанр и культура. – С. 360–370.
69. Дюмон Н.Н. Понятия «научный текст» и «научный дискурс» в лингвистических исследованиях // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 8(15). – С. 65–67. [Электронный

ресурс]. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2008_8-1_22.pdf
(дата обращения: 17.07.2023).

70. Евтюгина А.А. Научно-педагогический дискурс как тип институционального общения в образовательной среде педагогического вуза // Научный диалог: журнал научных публикаций. – 2014. – № 3(27). – С. 141–153. [Электронный ресурс]. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/20524/1/2014_27_012.pdf (дата обращения 29.03.2023).

71. Емельянова О.П. Жанровые особенности статьи академического дискурса // Казанская наука. – 2019. – № 6. – С. 57–63.

72. Ефремов И.И. Авторитет как феномен общественной жизни и его проявление в Вооруженных Силах: автореф. дис. ... доктора филос. наук. – Москва, 2005. – 51 с.

73. Захарова Е.П. Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. – С. 12–19.

74. Зубкова Л.И. Конститутивные признаки академического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – С. 28–32. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutivnye-priznaki-akademicheskogo-diskursa/viewer> (дата обращения 29.03.2023).

75. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М: Издательство – Эдиториал УРСС, 2003. – 288 с.

76. Кавун Л.В. Децентрация как психологический механизм развития толерантности личности: на примере студентов вуза: дис. ... канд. психол. наук. – Новосибирск, 2012. – 215 с.

77. Казакова Н.В. Формирование институциональных особенностей научно-учебного дискурса: на материале английских грамматик XVI–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск: Вятский государственный гуманитарный университет, 2012. – 23 с.

78. Казанцева Е.А. Лингвоэкологические и когнитивно-прагматические характеристики академического дискурса в англоязычных и русской лингвокультурах: дис. ... доктора филол. наук. – Уфа, 2020. – 495 с.
79. Калинина А.С. Понятие Другого и этика в философии Э. Левинаса // Вестник Челябинского государственного университета: электронный научный журнал. – 2020. – №5 (439). – С. 124–129.
80. Канкошев А.М. Грамматические средства репрезентации эгоцентризма в кабардино-черкесском языке: автореф. дис. ... филол. наук. Майкоп, 2010. – 28 с.
81. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
82. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
83. Карасик В.И. Язык социального статуса: Социолингвистический аспект. Прагмалингвистический аспект. Лингвосемантический аспект – М.: Гнозис, 2002(а). – 333 с.
84. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
85. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 4-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 261 с.
86. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание – СПб.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1986. – 297 с.
87. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
88. Кашкин В.Б. Авторитетность как коммуникативная категория // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 5. – С. 12–18.
89. Кирвалидзе Н.Г. Семантика и текстообразующие функции дейктических слов: монография. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1989. – 305 с.

90. Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 90–100.
91. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1966. – 213 с.
92. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля в сравнении с некоторыми другими. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1972. – 395 с.
93. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
94. Комлев А.А. Субъективность выбора человека // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки: электронный научный журнал. – 2003. – № 3. – С. 94–100.
95. Концептуальное ядро университетского дискурса / В.В. Максимов, Е.В. Найден, А.Н. Серебренникова // Известия Томского политехнического университета: электронный научный журнал. – 2010. – Т. 317, № 6. – С. 199–203.
96. Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи. Текст и его редактирование: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 280 с.
97. Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – 210 с.
98. Кравченко А.В. Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка // Прямая и непрямая коммуникация / ред. В.В. Дементьев. – Саратов: Колледж, 2003. – С. 27–39.
99. Кравченко А.С. Нарцисс и его отражения // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 2. – С. 96–111.
100. Кравчино Е.О. Особенности авторитета педагога для разновозрастных и разностатусных воспитанников закрытых

образовательных учреждений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М.: Московский гор. психол.-пед. университет, 2004. – 27 с.

101. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): монография. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

102. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.

103. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний: сб. научно-аналитических обзоров / отв. ред. Ф.М. Березин. – М.: ИНИОН, 1992. – С. 4–38.

104. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.

105. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2006. – 392 с.

106. Куликова Л.В., Прохорова О.А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – 104 с.

107. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учебное пособие. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

108. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2003. – 315 с.

109. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / пер. И.С. Вдовиной, Б.В. Дубина. – М.: СПб.: Культурная инициатива, 2000. – 415 с.

110. Левинас Э. Избранное: Трудная свобода – М.: Рос. полит. энцикл., 2004. – С. 319–626.

111. Майерс Д. Социальная психология / пер. с англ. З. Замчук – СПб.: Питер, 1997. – 688 с.
112. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
113. Мальцева Е.Ю. Междисциплинарный анализ определения дискурса, в частности академический дискурс // Успехи современной науки. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, 2017. – Т. 2. – № 1. – С. 102–104.
114. Манаенко Г.Н. Мир текста и мир дискурса // Предложение и Слово: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – С. 325–331.
115. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Баженовой. – Пермь: Перм. Гос.ун-т, 2008(а). – С. 48–61.
116. Мартыненко Н.Г. Оценочность в информационных материалах газеты // Средства массовой информации в современном мире. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. – С. 31.
117. Матяшевская А.И. Жанр лекции и его современные разновидности // Жанры речи. – 2019. – № 4 (24). – С. 246–253.
118. Матяшевская А.И. Интернет-лекция как особый жанр // Жанры речи. – 2020. – № 3 (27). – С. 238–245.
119. Мид Дж.Г. Избранное: сборник переводов / сост. и пер. В.Г. Николаева – М.: ИНИОН РАН, 2009. – 290 с.
120. Михайлова Е.В. Обучение самопрезентации: учеб. пособие. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 167 с.
121. Некрасова Е.В. Идея инструментальности и субъективность // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 4(23). – С. 222–223.
122. Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Антропоцентризм языковых феноменов: сборник научных

статей / гл. ред. С.Т. Нефедов – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. – 184 с.

123. Нефедов С.Т. Интенциональная структура и модальность научного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 9(63). – С. 141–145.

124. Нигматуллина А.Р. Социально-психологические факторы формирования авторитета преподавателя ССУЗ: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Казань, 2001. – 18 с.

125. Ньюбина Л.М. Память, воспоминание и текст // *Studia Linguistica*. Человек. Язык. Познание: сборник научных трудов. – СПб.: Политехника-сервис, 2009. – № 19. – С. 213–223.

126. Обухова Л.Ф. Этапы развития детского мышления: Формирование элементов науч. мышления у ребенка – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 152 с.

127. Обухова Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 191 с.

128. Олешков М.Ю. Жанровая аттракция в дидактическом дискурсе // Жанры речи: сборник научных статей. – Саратов: Наука, 2011. – 351 с.

129. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.

130. Остражкова Н.С. Обучение пониманию содержательного компонента педагогического дискурса лекции: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. – Тамбов: ТОИПКРО, 2004. – 20 с.

131. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: «Наука», 1985 – 271 с.

132. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: дис. ... доктора филол. наук. – Волгоград, 2010. – 400 с.

133. Панченко Н.Н. Реализация коммуникативной категории «сомнительность» в дискурсе // *Lingua Mobilis*. – 2012. – № 2(35). – С. 67–73.

134. Панченко Н.Н. Вариативность категоричности в различных речевых жанрах // Русский язык за рубежом. – № 5 (265). – Москва, 2017. С. 9–13.
135. Панченко Н.Н. Индикаторы деструктивности в педагогическом дискурсе // Modern Humanities Success. – № 4. – 2023. С. 111–116.
136. Панченко Н.Н., Уваров А.А. Самопрезентация как фактор эгоцентричного коммуникативного поведения (на материале педагогического дискурса) // Современный ученый. – 2023. – № 3. – С. 65–69.
137. Панченко Н.Н., Уваров А.А. Категория авторитетности как идентификатор эгоцентризма // Казанский лингвистический журнал. – 2024. – Т. 7 – № 2 – С. 252–261.
138. Пашукова Т.И. Эгоцентризм, основные психологические характеристики, закономерности и механизмы формирования и коррекции: автореф. дис. ... докт. психол. наук. – Москва, 2002. – 39 с.
139. Петрова Е.И., Токарева Т.Е. Речевое поведение немецких профессоров-филологов (на материале текстов академического дискурса) // Вестник Челябинского государственного университета: электронный научный журнал. – 2020. – № 12(446). – С. 81–88.
140. Петрова Е.М. Стратегический маркетинг и человеческая субъективность // Актуальные вопросы современной науки. – 2011. – № 19. – С. 104–111.
141. Пиаже Ж. Избранные психологические труды / пер. с фр. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с.
142. Пиаже Ж. Комментарии к критическим замечаниям Л.С. Выготского // Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова – М.: Издательство Московского университета, 1981. – 672 с.
143. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / пер. с фр., коммент. В.А. Лукова – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 526 с.

144. Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. Классификации и сериации / пер. с фр. Э.М. Пчелкина; послесл. А.Н. Леонтьева и О.К. Тихомирова – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 448 с.
145. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира: вопросы теории и методологии: монография – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. – 313 с.
146. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
147. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. – Воронеж: Истоки, 2007(а). – 250 с.
148. Породин И.В. Лингвопоэтические средства выражения эгоцентрической точки зрения в литературном тексте: на материале современной немецкоязычной художественной прозы: дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 202 с.
149. Поршнева Б.Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. – М.: Наука, 1972. – С. 7–35.
150. Праско М.В. Вариативность проявления авторского начала в научной аннотации: сравнение гуманитарного и естественно-научного дискурсов // Жанры речи. – 2024. – Т. 19. – № 4(44). – С. 338– 346.
151. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика – М.: Высшая школа, 1989. – 181 с.
152. Сартр Ж. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии – М.: АСТ, 2009. – 925 с.
153. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 7–39.
154. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. – М.: Наука, 1988. – 151 с.

155. Селиверстова О.Н. Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 5–67.
156. Соколова Е.Е. Введение в психологию: учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: ИЦ «Академия», 2005. – 352 с.
157. Сокольников М.А. Объективная субъективность восприятия действительности // Инновации и инвестиции. – 2016. – № 7. – С. 46–47.
158. Сребрянская Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте: монография. – Воронеж: Типография Воронежского государственного педагогического университета, 2005. – 255 с.
159. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / отв. ред. В. П. Нерознак. – М.: Наука, 1985. – 336 с.
160. Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестник. – 2002. – № 4. – С. 87–94.
161. Стернин И.А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. – С. 331–344.
162. Стернин И.А. Теоретические проблемы языкового сознания // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 36–63.
163. Стилсон Н. Эгоцентризм vs Нарциссизм: отличия и классификация нарциссов // Вестник психологии. – 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://psychologyjournal.ru/public/egotsentrizm-vs-nartsissizm-otlichiya-i-klassifikatsiya-nartsissova/> (дата обращения: 20.09.2022).
164. Сусов И.П. Введение в языкознание: учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. – 382 с.

165. Сухомлинова М.А. Современный англоязычный академический дискурс: генезис и жанровая специфика: монография. – Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. – 208 с.
166. Сухомлинова М.А. Дискурсивные жанры академической коммуникации: лингвостилистический аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Майкоп, 2023. – 55 с.
167. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения. Когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты: дис. ... доктора филол. наук. – Волгоград, 2010. – 406 с.
168. Тульчинский Г.Л. Современность и субъективность // Социум и власть: электронный научный журнал. – 2013. – № 3(41). – С. 116–122.
169. Уланова Е.Э. Коммуникативная категория авторитетности в системе речевого поведения // Филология и человек. – 2017. – № 2. – С. 120–125.
170. Федосеенков А.В. Эманация субъективности // Наука и современность. – 2016. – № 44. – С. 138–143.
171. Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений / сост., науч. ред. М.Г. Ярошевский. – СПб.: Питер, 2022. – 528 с.
172. Хазагеров Г.Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс // Социологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 5–20.
173. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: электронный научный журнал. – 2008. – № 71. – С. 96–106. [Электронный ресурс]. URL: https://lib.herzen.spb.ru/text/khomutova_11_71_96_106.pdf (дата обращения: 17.07.2023).
174. Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности: на материале английского языка: дис. ... доктора филол. наук. – Санкт-Петербург, 2002. – 250 с.

175. Хутыз И.П. Мультиmodalность академического дискурса как условие его коммуникативной успешности // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2016. – Вып. 1(172). – С. 90-95.
176. Хутыз И.П. Коммуникативные категории и стратегии лекционного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. – 2018. – № 10(88). – Ч. 2. –С. 374-379.
177. Хутыз И.П. Жанры дискурса академической среды: традиционное и новое. – М.: Издательский дом «ВКН», 2021. – 132 с.
178. Хутыз И.П. Фактор адресата в письменном академическом дискурсе // Коммуникативные исследования. – 2023. – Т. 10. – № 1. – С. 146–162.
179. Цинкерман Т.Н. Лингвопрагматическая специфика стилей общения в англоязычном воспитательном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2014. – 222 с.
180. Шаманова М.В. Коммуникативная категория и коммуникативный концепт // Известия ВГПУ. – 2008. – № 10. – С. 15–18.
181. Шаманова М.В. Моделирование коммуникативной категории «общение» на основе анализа художественных текстов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 66. – С. 94–99.
182. Шафигов С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. – 2007. – № 2. – С. 3–17.
183. Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сборник научных трудов. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 24–39.
184. Шейгал Е.И., Черватюк И.С. Типы жанров и градация коммуникативной власти // Жанры речи. – Саратов: Наука, 2007. – С. 73–93.
185. Шилихина К.М. Ирония в академическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика: электронный научный журнал. – 2013. – № 1. – С. 115–118. [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylog/2013/01/2013-01-27.pdf> (дата обращения 29.03.2023).

186. Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах. Избранные психологические труды / под ред. Д.И. Фельдштейна. – 3-е изд. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 416 с.

187. *Advances in Spoken Discourse Analysis*. Ed. by M. Coulthard – London: Routledge, 1992. – 272 p.

188. Bernstein B. *Class Codes and Control. The Structure of Pedagogic Discourse* – London: Routledge, 1990. – 235 p.

189. Bhatia V.K. *A Generic View of Academic Discourse // Academic Discourse*. Ed. J. Flowerdew. – London: Longman, 2002. – P. 21-39.

190. Campbell W. K., Miller J. *Narcissistic Personality Disorder and the DSM // Journal of Abnormal Psychology: journal*. – 2014. – March. – Vol. 119, No. 4). – P. 640–649. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/228079781_Narcissistic_Personality_Disorder_and_the_DSM-V (дата обращения: 21.11.2024).

191. Dudley-Evans A., Johns T. *A Team Teaching Approach to Lecture Comprehension for Overseas Students // The Teaching of Listening Comprehension*. – London: The British Council, Printing and Publishing Department, 1981. – P. 30–46.

192. Fillmore C.J. *Santa Cruz Lectures on Deixis*. – Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1975. – 86 p.

193. Flowerdew J. *Academic Discourse* – London: Longman, 2002. – 341 p.

194. Fortanet I. *Honoris Causa Speeches: an Approach to Structure // Discourse Studies*. – New York: SAGE Publishing. – 2005. – No. 7(1). – P. 31–51.

195. Gibaldi J. *MLA Handbook for Writers of Research Papers*. – New York: Modern Language Association, 1995. – 310 p.

196. Gildersleeve M. Demystifying Paradoxical Characteristics of Narcissistic Personality Disorder // *Indian Journal of Psychological Medicine: journal.* – 2014. – March (V. 34, No. 4). – P. 403–404. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.4103/0253-7176.108236> (дата обращения: 04.09.2022).
197. Goncharova E.A. Egozentrische Sprachmittel als Forschungsgegenstand relationaler Textstilistik // *Deutsch als Bindeglied zwischen Inlands- und Auslandsgermanistik. Beiträge zu den. GeSuS-Linguistik-Tagen in Sankt Petersburg.* – 2017. – S. 457–466.
198. Hyland K. *Academic Discourse: English in a Global Context (Continuum Discourse)* – London: Bloomsbury Academic, 2009 – 256 p.
199. Kesselring T., Müller U. The Concept of Egocentrism in the Context of Piaget's Theory // *New Ideas in Psychology.* – 2011. – № 29 (3). – P. 327–345.
200. Kiesendahl J. *Status und Kommunikation. Ein Vergleich von Sprechhandlungen in universitären E-Mails und Sprechstundengesprächen.* – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011. – S. 393.
201. Kurlowicz J. The Role of Deictic Elements in Linguistic Evolution // *Semiotica.* – 1972. – V. 5, No. 2. – P. 174–183.
202. Leary M.R., Kowalski R.M. Impression management: A Literature Review // *Psychological Bulletin.* – 1990. – No 107. – P. 34–47.
203. Lyons J. *Semantics. In two volumes* – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – V. 2. – 897 p.
204. Piaget J. *Die Bildung des Zeitbegriffs beim Kinde* – Frankfurt: Suhrkamp, 1974. – 396 s.
205. Räisänen Ch. *The Conference Forum as a System of Genres: a Sociocultural Study of Academic Conference Practices in Automotive Crash-Safety Engineering* – Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1999. – 310 p.
206. Raskin R., Calvin S.A. Narcissistic Personality Inventory // *Psychological Reports: journal.* – 1979. – October. V. 45. – Iss. 2. – P. 590–590. [Электронный ресурс]. URL:

<https://journals.sagepub.com/doi/10.2466/pr0.1979.45.2.590> (дата обращения: 04.09.2022).

207. Raskin R., Terry H.A. Principal-Components Analysis of the Narcissistic Personality Inventory and Further Evidence of Its Construct Validity // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1988. – V. 54. – No. 5. – P. 890–902. [Электронный ресурс]. URL:

<https://psycnet.apa.org/doiLanding?doi=10.1037%2F0022-3514.54.5.890>

<https://journals.sagepub.com/doi/10.2466/pr0.1979.45.2.590> (дата обращения: 04.09.2022).

208. Russell B. *An Inquiry into Meaning and Truth: the William James Lectures for 1940 Delivered at Harvard University* – London: Penguin Books, 1963. – 333 p.

209. Russell B. On the Experience of Time // *The Monist*. – 1915. – V. 25. – No. 2. – P. 212–233.

210. Stangl W. Der Egozentrismus des Kindes. [Электронный ресурс]. URL: <https://arbeitsblaetter.stangl-taller.at/KOGNITIVEENTWICKLUNG/Egozentrismus.shtml> (дата обращения: 04.09.2022).

211. Stubbs M. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language* – Oxford: Blackwell Publishers, 1983. – 272 p.

212. Stubbs M. *Educational Linguistics* – Oxford: Blackwell Publishers, 1986. – 286 p.

213. Swales J. *Research Genres. Explorations and Applications* – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 314 p.

214. Van der Linden S., Rosenthal S.A. Measuring Narcissism with a Single Question? An Extension and Replication of the Single-Item Narcissism Scale // *Personality and Individual Differences: journal*. – 2015. – V. 90(4). – P. 238–241. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886915300167?via%3Dihub> (дата обращения: 04.09.2022).

215. Vetrova O. The Culture of Scientific Communication: Hedging in Academic Discourse // Problems of Modern Philology, Redagogigs and Psychology: The XXV International Scientific and Practical Conference and the II stage of Research Analytics Championship in Pedagogical Sciences, Psychological Sciences and the I Stage of the Research Analytics Championship in the Philological Sciences. – London: International Academy of Sciences and Higher Education, 2012. – P. 120–121.

216. Westmoreland L. Measuring Narcissism with Alternate Response Formats of the Narcissistic Personality Inventory: journal. – 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Measuring-narcissism-with-alternate-response-of-the-Westmoreland/f4bbcb7c69b382517ef2f74a36dce4f64943d165> (дата обращения: 04.09.2022).

217. Wink P. Two Faces of Narcissism // Journal of Personality and Social Psychology: journal. – 1991. – V. 61. – No. 4. – P. 590–597. [Электронный ресурс]. URL: <https://scottbarrykaufman.com/wp-content/uploads/2013/08/Two-faces-of-Narcissism.pdf> (дата обращения: 04.09.2022).

Список лексикографических источников

1. Антинази А. Энциклопедия социологии, 2009. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (дата обращения: 04.09.2022).

2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 360 с.

3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов – 2-е изд., стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.

4. Головин С.Ю. Словарь практического психолога – Минск: АСТ: Харвест, 1998. – 554 с.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.
6. Евгеньева А.П. Малый академический словарь – М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1957-1984. – 768 с.
7. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка – М.: ЭТС, 2010. – 5140 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (дата обращения: 04.09.2022).
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 1209 с.
9. Кожина М.Н. Функциональный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. / под ред. М.Н. Кожиной – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
10. Краткий психологический словарь / Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский [и др.] – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 317 с.
11. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвист. исслед. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1535 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / РАН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с. [Электронный ресурс] – URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 04.09.2022).
14. Первая медицинская помощь: Популярная энциклопедия / Рос. акад. мед. наук, Науч.-практ. об-ние «Мед. энцикл.»; гл. ред. В.И. Покровский – М.: Большая рос. энцикл., 1994. – 254 с.
15. Покровский В.И. Малая медицинская энциклопедия / гл. ред. В.И. Покровский – М.: Советская энциклопедия, 1991–1996. – 3520 с.

16. Санжаревский И.И. Политическая наука: словарь-справочник. – М.: 2010. – 988 с.
17. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка – М.: Аделант, 2014. – 800 с. [Электронный ресурс]. Сведения ограничения доступа: Доступ для зарегистрированных пользователей. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/44160.html> (дата обращения: 04.09.2022).
18. Философский энциклопедический словарь. / Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв [и др.] – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
19. Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. Б.В. Петровский – М.: Сов. энцикл., 1984. – 512 с.
20. Bellés-Fortuño V. Spoken Academic Corpora Applied to Language Teaching and Research: Towards a Multimodal Approach. – Castellón: Universitat Jaume I, 2009. – P. 906–919. [Электронный ресурс]. URL: www.um.es/lacell/aelinco/contenido/pdf/61.pdf (дата обращения: 10.04.2023).
21. Cambridge Dictionary. Cambridge University Press, 2022 [Электронный ресурс]. – URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/egocentric___ (дата обращения: 04.09.2022).
22. Collins English Dictionary – Complete and Unabridged, 12th Edition 2014, HarperCollins Publishers 1991, 1994, 1998, 2000, 2003, 2006, 2007, 2009, 2011, 2014 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/egocentrism_____ (дата обращения: 04.09.2022).
23. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS) // Die Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dwds.de/wb/egozentrisch_ (дата обращения: 04.09.2022).

24. Das Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch (OWID). Leibniz-Institut für Deutsche Sprache [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.owid.de/artikel/30458> (дата обращения: 04.09.2022).

25. Dictionary by Merriam-Webster. 2022 Merriam-Webster, Incorporated [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/egocentrism> (дата обращения: 04.09.2022).

26. Duden. Cornelsen Verlag GmbH, 2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Egozentrismus> (дата обращения: 04.09.2022).

27. Leipzig Corpora Collection // Corpus-Based Monolingual Dictionary of the language German. 1998–2022 Deutscher Wortschatz [Электронный ресурс]. – URL: https://corpora.unileipzig.de/de/res?corpusId=deu_newscrawl_2011&word=Egozentrismus (дата обращения: 04.09.2022).

28. Psychology Dictionary. Psychology Dictionary.org [Электронный ресурс]. – URL: <https://psychologydictionary.org/narcissism/> (дата обращения: 04.09.2022).

29. Spektrum.de – Nachrichten aus Wissenschaft und Forschung [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.spektrum.de/lexikon/psychologie/egozentrismus/3817#:~:text=Egozentrismus%2C%20Ichbezogenheit%2C%20Bezeichnung%20f%C3%BCr%20Einstellungen,entwicklungspsychologischer%20Sicht%20die%20Position%20eines> (дата обращения: 04.09.2022).

30. Wortbedeutung.info Wörterbuch. Wortbedeutung.info, 2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wortbedeutung.info/Egozentrismus/> (дата обращения: 04.09.2022).

ОТЗЫВ

официального оппонента **Н** [REDACTED]
на диссертацию [REDACTED] на тему: « [REDACTED]
[REDACTED] », представленную в
диссертационный совет Д 220.003.03 при
ФГБОУ ВО Башкирский ГАУ на соискание ученой степени кандидата
биологических наук по специальности 06.02.02 – ветеринарная микробиология,
вирусология, эпизоотология, микология с микотоксикологией и иммунология

Актуальность темы. Диссертационная работа А [REDACTED]. является актуальной в научном и практическом плане, так как посвящена решению проблем ветеринарной медицины в современных условиях – характеристике микрофлоры наружного слухового прохода и определение чувствительности микроорганизмов к антибиотикам и антимикотикам, выделенных

при наружных отитах у собак. Наружный отит – одна из наиболее часто встречающихся отоларингологических патологий у собак. Первичные причины (аллергия, атопический дерматит, аутоиммунные заболевания, нарушение кератинизации и др.) и предрасполагающие факторы (морфологические изменения слухового канала, анатомические особенности и др.) создают условия, способствующие размножению микрофлоры в слуховом канале. Рядом авторов показано, что возбудителями наружного отита у собак могут являться представители аутофлоры, а также грибково-бактериальные ассоциации микроорганизмов. Наружные отиты вызывают бактерии *Staphylococcus intermedius*, *Pseudomonas aeruginosa*, *Proteus* spp., *Streptococcus canis*, *E.coli*; дрожжеподобные и плесневые грибы родов *Malassezia*, *Aspergillus*, *Candida*, а также ассоциации грибов рода *Malassezia* со стафилококками, бактериями родов *Pseudomonas*, *Proteus*, *Streptococcus*, грибами родов *Candida* и *Aspergillus*. Особенности патогенного потенциала возбудителей в монокультурах, а также межмикробных взаимоотношений в микст-культурах могут определять формы и течение инфекционного процесса. Это связано с наличием у возбудителей неспецифических инфекционно-воспалительных заболеваний ряда факторов персистенции и вирулентности, такие как антилизоцимная, антикомплементарная, антилактоферриновая и другие виды активности. Также в условиях микробных ассоциаций между микроорганизмами могут возникать взаимоотношения, приводящие к усилению патогенных воздействий на мак-

роорганизм. Вопросы оппозитного влияния микроорганизмов на факторы персистенции в условиях микросимбиоза остаются неизученными. Кроме того, в литературе отсутствуют сведения о видовом спектре микрофлоры наружного слухового прохода у собак при разных формах и течениях отитов. Поэтому такие исследования требуют своего логического продолжения.

Наружные отиты у собак зачастую трудно поддаются лечению. Применение антибактериальных ушных капель не всегда действует на причину заболевания. Подбор антибактериальных средств для лечения «в слепую» переводит острый процесс в хронический и способствует выработке устойчивости микроорганизмов к лекарственным препаратам. Изучение чувствительности микроорганизмов к антибиотикам и антимикотикам, выделенных при наружных отитах у собак, имеет перспективу практического применения в ветеринарии мелких домашних животных.

Научная новизна исследований не вызывает сомнений и состоит в том, что соискателем впервые проведен сравнительный анализ видового разнообразия микроорганизмов, выделенных из наружного слухового прохода собак при разных формах течения отитов, изучен широкий спектр биологических свойств микроорганизмов, выделенных при наружных отитах у собак, включающий факторы вирулентности, персистенции, способность к образованию биопленок и чувствительность к антимикробным средствам и установлено, что стафилококки с высокой антикарнозиновой активностью и *M. pachydermatis* с высоким уровнем антигемоглобиновой активности в симбиозе определяют длительность течения отита, штаммы грибов *Malassezia* и *S. hyicus*, выделенные при хронической форме заболевания, обладают более выраженной, по сравнению со штаммами, изолированными при острых формах, антицитокиновой активностью в отношении ИЛ-4. При изучении межмикробных связей грибов *Malassezia* spp. и бактерий рода *Staphylococcus* установлено преимущественное обоюдное повышение антилизоцимной активности и коэффициента биопленкообразования, а также приобретение ими способности образовывать биопленки.

Показано, что микроорганизмы, изолированные из наружного слухового прохода при отитах, характеризуются вариабельной резистентностью к антимикробным средствам, которая зависит от видовой принадлежности микроорганизмов и формы течения заболевания.

Степень обоснованности и достоверности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации.

Степень обоснованности диссертационных исследований следует из результатов анализа литературных и экспериментальных данных.

Исследования проведены на достаточном количестве материала с использованием современных микробиологических исследований и методик определения факторов вирулентности и персистенции микроорганизмов. Экспериментальный материал подвергнут статистической обработке.

Представленные в работе положения научно обоснованы, экспериментально подтверждены и базируются на теоретических закономерностях и одобрены при представлении материалов на научно-практических конференциях, что также подтверждает их достоверность.

Результаты экспериментальных работ с достаточной степенью точности согласуются с теоретическими и литературными данными и положениями, принятыми в области данного направления исследований.

Научные выводы и практические рекомендации теоретически и экспериментально обоснованы, что подтверждается фактическими данными.

Работа выполнена в рамках темы НИР ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет»: «Биологические свойства условно-патогенной и нормальной микрофлоры организма животных в норме и при патологии» (№ гос. регистрации 0120.1450283).

Значимость для науки и практики полученных автором результатов.

Фундаментальное значение диссертационной работы заключается в том, что результаты исследований расширяют представление о биологических свойствах микроорганизмов, выделенных при разных формах течения наружных отитов у собак, а также характере межмикробных взаимодействий.

Практическая ценность работы состоит в том, что при прогнозировании течения наружных отитов у собак могут быть использованы показатели факторов персистенции микроорганизмов, вызывающих отит. При выборе лекарственных препаратов для терапии и профилактики рецидивов у собак с наружными отитами необходимо учитывать антибиотико- и антимикотикорезистентность выделенных микроорганизмов.

Содержание диссертации, ее завершенность.

Диссертационная работа оформлена по ГОСТ Р 7.0.11–2011, изложена на 126 страницах компьютерной верстки; содержит введение, обзор литера-

туры, материалы и методы исследований, четыре главы результатов собственных исследований, обсуждение результатов исследования, выводы, практические предложения, библиографический список, включающий 193 источника, в том числе – 98 работ иностранных авторов. Текст иллюстрирован 28 рисунками и двумя таблицами.

Во «Введении» к диссертации автор описывает актуальность темы исследования, цель и задачи исследования, необходимые для её решения. Чётко сформулированы научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, положения, выносимые на защиту. Далее диссертант сообщает о степени достоверности и апробации результатов исследований в публикациях.

Глава 1 «Обзор литературы» выполнен на 10 страницах и читается с интересом. Автор провёл анализ отечественной и зарубежной литературы по вопросу этиологии наружного отита собак, патогенных свойств микроорганизмов, вызывающие наружные отиты у собак и факторов персистенции условно–патогенных микроорганизмов. Большая часть литературных источников – данные зарубежных авторов. Это говорит, во–первых, о малоизученности проблемы в нашей ветеринарной отоларингологии и актуальности выбранных научных исследований, а, во–вторых, об умении соискателя самостоятельно работать с литературой, успешно используя международные базы научных данных Scopus и Web of Science. Автор, анализируя материал литературы, обосновывает необходимость проведения настоящей работы.

В главе «Материалы и методы исследования» дана подробная характеристика материалов и методов, использованных при научных исследованиях. Приведены данные подопытных животных, от которых были получены изучаемые изоляты грибов и бактерий. Описаны методы выделения и идентификации бактерий и грибов; методы определения биологических свойств грибов рода *Malassezia*; методы определения факторов персистенции микроорганизмов; методы определения чувствительности микроорганизмов к антимикробным препаратам. Данные методы требуют от соискателя определённого уровня компетенции и профессионализма, что говорит о высоком научно–методическом уровне проведённых экспериментальных исследований и хорошей подготовки автора. Полученный материал обработан с использованием программ Microsoft Excel 2007 и BIOSTATISTIKA.

В главе 3 «Видовой состав микроорганизмов, выделенных от собак с наружными отитами» был проведён анализ видового состава микрооргани-

мов, изолированных из наружного слухового прохода у собак с отитами. Автором установлено, что ведущее значение имеют микроорганизмы родов *Staphylococcus* (71,4%) и *Malassezia* (57%) при более низкой частоте выделения энтеробактерий, неферментирующих бактерий, стрептококков, энтерококков, коринебактерий. Доминирующее положение занимали виды *Staphylococcus hyicus* и *Malassezia pachydermatis*. Также микрофлора, выделенная при остром течении отита, была представлена преимущественно монокультурами, тогда как при хроническом течении процесса регистрировались бактериальные и бактериально-грибковые ассоциации.

В главе 4 «Характеристика биологических свойств грибов рода *Malassezia* в микробиоценозе наружного слухового прохода собак» соискателем были изучены факторы вирулентности выделенных грибов и чувствительность их к антимикотикам. Проведённые исследования показали, что грибы рода *Malassezia*, выделенные при наружных отитах, характеризуются выраженными вирулентными и персистентными свойствами. Причём, грибы, выделенные при хроническом течении заболевания, характеризовались более высокими значениями антигемоглобиновой активности и антицитокиновой активности в отношении ИЛ-4. Как при остром, так и при хроническом течении отита штаммы *M. pachydermatis* максимально чувствительны к амфотерицину В, клотримазолу и кетоконазолу.

В главе 5 «Характеристика биологических свойств бактерий в микробиоценозе наружного слухового прохода собак» диссертантом были изучены антилизоцимная, антикарнозиновая, антигемоглобиновая и антицитокиновая активности, способность к образованию биопленок, а также чувствительность и резистентность бактерий, выделенных от животных с наружными отитами, к антибиотикам. Установлено, что стафилококки, выделенные при хроническом течении заболевания и в ассоциации с грибами и другими бактериями, характеризовались более высокими значениями антикарнозиновой активности; энтеробактерии, выделенные только в ассоциациях, при хронической форме заболевания – высокими значениями антилизоцимной активности в отличие от штаммов, выделенных при остром течении заболевания, которые характеризовались способностью к инактивации карнозина. Коринебактерии, выделенные при хроническом течении отита, обладали более высокими значениями антигемоглобиновой активности и способностью к инактивации ИФН- γ по сравнению со штаммами, выделенными при остром

течении заболевания. Показана более высокая резистентность к широкому кругу используемых в клинической практике антимикробных препаратов у штаммов, выделенных в монокультуре при разных формах течения наружного отита, а также бактерий, выделенных при остром течении процесса, что необходимо учитывать при выборе препаратов для эмпирической терапии собак с данной патологией.

В главе 6 «Изучение особенностей межмикробных взаимодействий *M. pachydermatis* и бактерий рода *Staphylococcus*» диссертантом были изучены межмикробные взаимодействия стафилококков и *M. pachydermatis*, как наиболее часто выделяемых микроорганизмов, под контролем вышеуказанных факторов персистенции в условиях *in vitro*. Выявлено преимущественное повышение персистентных свойств стафилококков и грибов в условиях их межмикробных взаимодействий *in vitro*. Полученные данные можно рассматривать как один из механизмов, способствующих формированию патобиоценоза, на фоне которого возникает заболевание.

Раздел «Обсуждение результатов исследования» показывает эрудированность автора и способность его анализировать полученные экспериментальные данные. Соискатель обобщил результаты исследований по изучаемым вопросам, провёл сравнительный анализ данных с результатами, полученными другими авторами. Это позволило ему сделать вывод о том, что микрофлора наружного слухового прохода собак при отитах достаточно разнообразна. Она выделяется как в монокультуре, так и в ассоциациях, при этом отмечен высокий уровень персистентных характеристик у микроорганизмов, изолированных в ассоциациях (антигемоглобиновая активность у грибов рода *Malassezia* и антикарнозиновая активность у стафилококков) по сравнению со штаммами, выделенными в монокультуре. Определена устойчивость к антимикробным препаратам грибов и бактерий, выделенных при разных формах наружных отитов.

На основании проведённых исследований и анализа полученных данных сформулированы выводы и практические предложения.

Автореферат полностью соответствует положениям диссертации.

Основные научные результаты по теме диссертации опубликованы в восьми печатных работах, из них четыре – в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, что в полной мере отражает основные данные, полученные автором в эксперименте.

Вместе с тем, отмечая актуальность диссертационной работы, её новизну и значимость хотелось бы высказать следующие замечания и задать ряд вопросов:

1. Во введении к диссертации не описаны такие структурные элементы работы как «Степень разработанности темы исследования» и «Методы и методология исследования».

2. В диссертационной работе нет общего заключения по обзору литературы.

3. В работе встречаются «висячие» строки и абзацы (стр. 58, 64, 81 и др.).

4. В главе 3 на стр. 42 диссертации Вы пишете, что «устанавливали видовой состав микроорганизмов, изолированных из наружного слухового прохода у собак с отитами». Не совсем понятно, при каком отите описан этот видовой состав, так как далее Вы описываете изучение микробиоценоза при остром и хроническом течении отита?

5. В главе 5.2 (абз. 2) диссертации идёт описание устойчивости стафилококков к антибиотикам. При какой форме отита выделены данные бактерии?

6. Почему грибы рода *Malassezia*, обладая антигемоглобиновой активностью, не проявляли гемолитическую активность?

7. Известно, что микроорганизмы в фенотипе биоплёнки проявляют большую резистентность к антибиотикам и антимикотикам. Почему Вы не изучали минимальную подавляющую концентрацию антибиотиков и антимикотиков в отношении микроорганизмов, выделенных при наружном отите собак, в фенотипе биоплёнки, выбрав только традиционный диско-диффузный метод изучения чувствительности к антибиотикам и антимикотикам?

Заданные замечания и вопросы носят дискуссионный характер и не снижают общей положительной оценки работы, а также её научной и практической значимости.

Рекомендации по использованию результатов и выводов диссертации.

При терапии *Malassezia*-отитов предлагается использовать кетоконазол. При выделении стафилококков – левофлоксацин и гентамицин, энтеробактерий – имипенем, ампициллин и сульбактам; псевдомонад – карбапенемы, цефеперазон, ципрофлоксацин, тикарциллин или клавуланат. Полученные результаты могут быть использованы в учебном процессе, при проведении лек-

О Т З Ы В
официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук
[REDACTED]
(специальность 10.02.19)

Диссертационное исследование [REDACTED] посвящено, как пишет сам диссертант, «изучению феномена выводного знания <...> как необходимого внутреннего источника информации в процессе осуществляемой в естественных условиях речемыслительной деятельности» (с. 5). Данное исследование, проведенное с опорой на достижения собственно лингвистики, логической лингвистики, психолингвистики, коммуникативистики, семиотики, психологии понимания и ряда других научных дисциплин, прекрасно вписывается в современную парадигму «постнеклассической» (по В.С. Степину) науки. В связи с этим работа О.В. Г. приобретает особую актуальность, которая обуславливается также и «неослабевающим на протяжении многих лет интересом в ряде отраслей науки к проблеме ВЗ» (выводного знания), в том числе - к изучению «феномена имплицитного компонента значения, процесса формирования вторичных значений единицы языка» (о чем пишет сам диссертант на с. 5).

Объектом исследования является «ВЗ как имплицитный внутренний источник релевантной “для меня - здесь -сейчас” информации, составляющий субъективно важный смысловой потенциал, передаваемый единицей языка» (с. 7). Предметом исследования - «эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка с опорой на широкий круг языковых и энциклопедических знаний» (там же). Цель своего исследования О.В. Г. видит в «теоретическом и экспериментальном обосновании эвиденциальности смыслового переживания значения, базирующегося на выводимых “свидетельствах” прежнего опыта, интегрирующих языковые и энциклопедические знания» (с. 9). Сразу подчеркну, что данная цель была в целом достигнута. В ходе исследования диссертант решил ряд конкретных исследовательских задач (сформулированы на с. 9) и проанализировал богатый материал, полученный в результате проведенных им психолингвистических экспериментов. На основе анализа автору удалось сделать ряд интересных наблюдений, которые представлены в работе.

Научная новизна проведенного О.В. Г. исследования, его теоретическая и практическая значимость (с. 12-13) не вызывают ни малейших сомнений. Положения, выносимые на защиту (с. 10-11), не вызывают концептуальных сомнений. Рабочая гипотеза, сформулированная автором на с. 8-9, представляется вполне обоснованной и в целом доказанной в результате осуществленного научного изыскания. (В скобках замечу, однако, что формулировка гипотезы, представленная на с. 176, представляется мне более удачной.)

Работа хорошо структурирована, она включает в себя Введение, три Г лавы, Заключение, Список литературы (размещен на с. 313-345), включающий наименования научных изданий и словарей на русском и английском языках, а также «список источников фактического материала», подвергнувшегося анализу.

Введение дает общее представление о работе, в нем обосновываются актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, определяются объект, предмет и цель научного изыскания, а также методы и материал исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, и базовая гипотеза исследования.

В первой Главе диссертационного сочинения О.В. Г. «Теоретические основы ... знания» (с. 14-136) содержится подробный обзор теоретических и методологических предпосылок исследования, разносторонне рассматривается базовое понятие исследования - выводное знание (ВЗ) - с учетом основных подходов к изучению процесса понимания с опорой на ВЗ: когнитивного, инференционного, герменевтического, психологического, логико-семантического. При этом автор демонстрирует широкую эрудицию и глубокое

понимание излагаемых концепций.

Во второй Г лаве диссертации «В поисках теории понимания с опорой на выводное знание» (с. 137-192) рассматриваются основы теории эвиденциальности выводного знания. При этом основное внимание уделяется имени собственному с точки зрения этимологии имен (с. 139-151); с точки зрения гендерной принадлежности носителя имени, рассматриваемой сквозь призму грамматических показателей рода, словообразовательных моделей и под. (с. 153-162); с учетом социо-культурных факторов функционирования имен (с. 165-167); представляются некоторые результаты серии экспериментов, проведенных со студентами Смоленского государственного университета (с. 171-172); с опорой на теоретические положения и практические результаты исследования обосновывается сама теория эвиденциальности выводного знания (с. 174-186); представляется «метод реконструкции процесса понимания с опорой на выводное знание» (с. 187-191).

В третьей Главе «Экспериментальное исследование процесса понимания слова / текста с опорой на выводное знание» (с. 193-309) излагаются требования и условия проведения экспериментов (с. 193-194), описываются процедуры проведения экспериментов и обработки данных, полученных в ходе их проведения (с. 195), кратко представляется материал исследования (с. 194); представляются «предпосылки опоры на выводное знание в процессе понимания» (с. 196-200); подробно рассматриваются конкретные результаты, полученные диссертантом в ходе проведенных им экспериментов (с. 201-307).

Каждая глава завершается конкретными выводами.

Заключение содержит основные выводы проведенного О.В. Г. исследования.

К числу безусловных удач автора рассматриваемого научного изыскания следует, на мой взгляд, отнести следующее:

- > выдвинутую автором и в целом доказанную проведенным исследованием гипотезу, которая рассматривает опору на выводное знание как «эвиденциальное смысловое переживание», как «процедуру вывода-объяснения “для меня - здесь - сейчас”, которая активирует внутренний причинно-смысловой потенциал (сеть релевантных смысловых опор)» (с. 176);
- > попытку сформулировать наряду с основной гипотезой (пусть не всегда столь же удачно) ряд частных гипотез (с. 201, 211, 212, 220, 242, 262);
- > определение эвиденциального смыслового переживания (1) как «результата переработки перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта субъекта», который «постоянно задействуется в ходе осуществления познавательной и коммуникативной деятельности», и (2) как «субъективно сформированный имплицитный объяснительный потенциал» (с. 178);
- > выявление на основе экспериментальных данных и описание «процесса понимания значения слова / текста с опорой на имплицитный причинный потенциал (эвиденциальное смысловое переживание значения)» (с. 312);
- > выводы, сделанные диссертантом на основе анализа научной литературы, в которой «в рамках когнитивного направления в семантике и лингвокультурологии» представлены различные «трактовки процесса интерпретации» (с. 32-33);
- > обобщение на основе анализа научной литературы различных подходов к феномену понимания, наглядно представленное в таблице 1 на с. 82;
- > выявление основных параметров «характеризации феномена пресуппозиции» на основе анализа научной литературы, наглядно представленных в таблице 2 на с. 99.

Даже самое общее представление исследования О.В. Г. свидетельствует о теоретической значимости и практической ценности обсуждаемой диссертации, которые, как уже говорилось, не вызывают сомнений.

Следует отметить, что диссертант точно определил цель исследования, сформулировал ряд задач, обусловленных данной целью, успешно их решил и получил валидные результаты, позволившие сделать интересные и важные выводы. Другими словами, О.В. Г.

полностью и на должном уровне выполнила диссертационное исследование, оформленное в виде диссертации, которая вынесена на защиту.

Вместе с тем в процессе внимательного чтения данной работы у меня возникло много вопросов и замечаний, часть из которых была спровоцирована, вероятно, авторским стилем изложения: сложным и подчас, признаться, для меня путаным. Будучи ограниченной жанром отзыва, я, конечно, остановлюсь лишь на некоторых их них, наиболее для меня значимых.

1. Некоторое недоумение вызвала у меня Глава 2 «В поисках ... знание» (с. 137-192), поскольку значительная ее часть представляет собой изложение материалов, представленных на сайте www.behindthename.com, на который диссертант неоднократно ссылается: например, этимология имен, грамматические показатели имен, некоторые этнические особенности - зачем все это было нужно и какое отношение все это имеет к основной теме диссертационного исследования?

1) Я совершенно не поняла, зачем нужно было представлять столь развернутый этимологический материал (в п. 2.1.1, конкретно - на с. 139-147). И автор меня не убедил в том, что этимология имен собственных, коренящаяся в различных культурах (в том числе и мертвых, см. примеры на с. 143), актуальна для современного носителя языка и что она составляет хоть какую-то основу «концептуализации имен», актуальную сегодня. В силу этого утверждение диссертанта: «Имя как единица языка становится своеобразным символом, который имплицитно нелинейную концептуальную основу, обнаруживающую прототипическое ядро, (стереотипное/идеальное) представление и обширный концептуальный фон знаний о потенциальном носителе, выступающий основой интерпретации» (с. 151), - не кажется мне убедительным. Разве знание того, что *George* происходит от греческого слова, обозначающего 'земледелец' (с. 143), обуславливает мое «представление» о «потенциальном носителе» данного имени? Не менее спорным видится мне и другое достаточно категоричное утверждение диссертанта, высказываемое им на с. 196 (это уже гл. 3): «Исследование передаваемого именем человека концептуального содержания на базе этимологии единиц англоязычного антропонимикона и групп древнерусских и старославянских имен [никаких собственно имен, кстати, в работе нет: на с. 145-146 с опорой на словари-справочники приводятся списки словообразовательных компонентов, который могли использоваться при образовании имен - В.К.] позволило выделить глобальные [? - В.К.] когнитивные контексты осмысления ядерных характеристик объекта [современного? - В.К.], ставших основой имянаращения [кого? - В.К.], и воссоздать целостное представление [чье? - В.К.] о структуре этого концептуального образования [имени собственного? - В.К.]».

2) Далее, я абсолютно не поняла, как с точки зрения источника имени и его опять-таки актуальности для современного человека можно рассматривать в одном ряду имена типа *Charles, Berry, John, Thomas*, имеющие долгую историю и затемненную, как представляется, для нашего современника этимологию, с одной стороны, и, с другой - имя американской актрисы *Halle Berry*, получившей имя от названия отдела универмага в Кливленде. Тем более, что на с. 147 диссертант сам говорит, что попытка реконструкции некогда, возможно, концептуального содержания имени (с этим я не буду спорить) «вряд ли поможет в установлении знаний о конкретных носителях, например, фамилий *Колумб (Columbus)* и *Голубев*, этимологически идентичных, восходящих к латинскому слову *columba* (голубь)». И, кстати, почему, с точки зрения диссертанта, русский *Голубев* «этимологически восходит к латинскому слову»?

3) На с. 149 автор совершенно справедливо пишет, что иногда имена собственные «обретают словарное значение», т. е., я бы сказала, в определенных контекстах они «теряют» статус имен собственных и начинают функционировать как имена некоторых стереотипов, например, *Jack* и *John*, упоминаемые диссертантом, а также *Иван* (вспомним гитлеровскую пропаганду на фронтах Великой Отечественной войны) или *Ганс* и *Фриц* в русскоязычном дискурсе того же времени и мн.др. С моей точки зрения, вопросы, почему так происходит, какие механизмы лежат в основе данных процессов, и должны были бы оказаться в фокусе

внимания диссертанта, именно их и надо было бы рассмотреть подробно, а не пересказывать материалы указанного ранее сайта.

4) Не очень понятным осталось и то, зачем диссертант уделяет столь пристальное внимание гендерной принадлежности носителя имени и грамматическим показателям рода (с. 153-156) и образованию различных форм имен (с. 156-159; 163-167). Как эти фрагменты соотносятся с темой рассматриваемого исследования?

5) Целый ряд вопросов, связанных с экспериментами, о которых диссертант пишет в главе 2.

а) На с. 170-172 диссертант приводит данные серии экспериментов со студентами-лингвистами Смоленского государственного университета. К сожалению, нигде четко не прописано: какова цель этих экспериментов, какова была процедура проведения и что конкретно они в конце концов позволили выявить.

б) На с. 179-180 диссертант приводит ряд «предположений» (замечу, кстати, очень интересных) «на основании теоретических предпосылок и практических итогов анализа экспериментальных данных». Но что это за «экспериментальные данные», как, когда и кем они были получены, автор не говорит ни слова.

в) С подобным случаем мы сталкиваемся и на с. 183: «Экспериментально было установлено, что этот стимул [сумерки - *В.К.*] примерно в 68 % имплицитно-предметный ракурс смыслового “видения”...». Возникают вопросы: где, кем, когда, как было «экспериментально установлено»; что это за «68 %» и под.

2. К сожалению, не представляется удачной подача материала в Главе 3 «Экспериментальное исследование процесса понимания слова / текста с опорой на выводное знание».

1) Эксперименты проводились среди разных групп ии. (см. с. 194), но нигде далее в работе в анализе полученных данных не проводилось сопоставление результатов по этим группам. С чем это связано?

2) Какие стимулы предъявлялись ии.? Сколько их было? Почему именно эти? Имеются в виду стимулы, упоминаемые, напр., на с. 201-202? Но почему они даются именно там, хотя некоторые результаты оговариваются уже на с. 197? Те же вопросы касаются и экспериментов с текстами: разговор об этом начинается на с. 199, но совершенно не объясняется, какие это тексты, каков их объем, сколько их и почему именно столько и именно такие. Более-менее это начинает проясняться только на с. 262 (!).

3) Не очень понятна для меня осталась таблица 11 «Предпосылки опоры на выводное знание» на с. 200: на каком основании были выявлены эти предпосылки, на каком основании разграничивались «языковые» и «неязыковые» предпосылки (напр., почему «асимметрия когнитивной структуры благодаря выделенности отдельных контекстов осмысления значимых признаков объекта» отнесена к «языковым»)?

4) Почему для сопоставления с полученными результатами эксперимента использовался словарь 1963 года издания? Почему не были привлечены данные более поздних изданий хотя бы того же словаря С.И. Ожегова? Разве за прошедшие 50 лет не произошло никаких изменений в сфере лексических значений, фиксируемых словарями? И не провоцирует ли это, с точки зрения диссертанта, некоторые сомнения в достоверности выводов?

5) Не очень понятны цифры, связанные с числом ии. Соответственно, возникают вопросы: имеется в виду, что на разных этапах серии экспериментов (даже в рамках одной серии) в отдельных экспериментах принимало участие разное число ии.? Если да, то почему и чем это обусловлено? И почему такой разброс: напр., то 169 ии. (с. 207), то 51 ии. (с. 210), то 630 ии. (с. 213)? В разных экспериментах принимали участие ии. всех групп (см. с. 194) или нет? Далее, на с. 242 говорится об эксперименте, в котором приняло участие 357 ии., но представляются результаты эксперимента только в группах студентов: 11 и 15 ии. Почему? Это далеко не все случаи, которые вызвали у меня вопросы, но в данном случае важно, чтобы диссертант объяснил общий принцип.

6) Почему в одном эксперименте ии. предложили «персонифицировать бланки ответов с помощью ника или значка» (с. 210)? Для чего это было сделано? И это было сделано только в одном случае? Осталось совершенно непонятным, что нужно было сделать ии. для того, чтобы «субъективно оценить “смысловой вес” их собственных реакций» (с. 211): какие / чьи ответы, «число которых превышает 1», ии. должны были «пронумеровать». И почему это было необходимо только здесь, как выяснилось (со стимулом Е. Плющенко)?

7) Не очень понятна основа (поскольку об этом нигде не сказано) формирования «цепочек и созданных из них предложений» (с. 215): кто и как их формировал? Автор диссертации? Опять-таки на каком основании? Опираясь на собственную интроспекцию?

8) Не очень понятным оказался эксперимент, в котором ии. «было предложено завершить пять стимулов-предложений»: почему именно пять? почему именно эти? для чего это было сделано и что было получено в результате? Почему в описании результатов не соблюдено требование единообразия подачи материала (ср., напр., с. 223-228, 228-231 и далее)? Практически те же вопросы касаются и еще одного эксперимента, в котором ии. были предложены всего три фразы (с. 242). Кстати, при рассмотрении полученных результатов (особенно это относится к последнему случаю) практически не учитывались синтактико-грамматическая форма предложенного стимула и пропозиция. Почему?

9) Правильно ли я поняла сказанное на с. 241, что «стратегия понимания с опорой на ВЗ» есть одновременно и «отражение роли активного субъекта», и «форма динамического воплощения смысловой установки»? И правильно ли я поняла, что, с точки зрения автора работы, пропозиция - это «как должно быть», а схема - это «как может быть» (с. 245)? Хотелось бы, чтобы диссертант прояснил свою позицию.

10) Очень любопытной мне показалась «вставная новелла» (вероятно, статья?), содержащая анализ понимания текстов Л. Кэрролла (с. 257-262). Но почему она оказалась помещенной в фрагмент, посвященный анализу экспериментальных результатов, полученных в процессе работы с ии., осталось не до конца ясным: если я правильно поняла, рассмотрение текстов Л. Кэрролла идет в первую очередь с позиции автора произведения, а в фокусе внимания в п. 3.5 находятся, как следует из названия пункта, «Модели опоры на выводное знание при понимании текста» (с. 257).

11) Анализ данных, полученных в результате эксперимента «с текстами» (с. 263-307), содержит много интересных фактов, но, к сожалению, изложен очень путано, нечетко, невнятно; только к с. 275 становится более-менее понятно, почему и зачем что-то делалось в экспериментах, включая эксперименты, о которых речь шла ранее (в том числе в гл. 2). При описании результатов опять не соблюдается принцип единообразия: почему-то на с. 264, например, отсутствует представление ключевых слов (в других случаях это есть); почему-то результаты работы только с одним текстом (четвертым - фрагмент из В.В. Набокова) описаны полно, по возможности структурировано, с предъяснением схем и под. (см. с. 290-307). Почему? Конечно, сама идея провести комплексный сложный эксперимент заслуживает всяческого уважения, но представление результатов, к сожалению, не дает возможности в полной мере их оценить.

3. К сожалению, в тексте есть достаточно очевидные, на мой взгляд, утверждения, которые подчас подаются как результаты рассуждений автора, проведенного им исследования и под. Приведу только несколько примеров.

1) П. 4 положений, выносимых на защиту (с. 10). Он написан сложным языком, но если попытаться переформулировать написанное, то основная мысль сводится, очевидно, к следующему: если признать индивида субъектом понимания, то можно предположить, что особенности (вероятно, его индивидуальные особенности?) переработки поступающей извне информации предопределяют стратегии процесса понимания с опорой на ВЗ, в основе которой лежит универсальная процедура «причинно-следственного характера», которая «формируется в естественных условиях речемыслительной активности». По-моему, это вполне очевидно, хотя, может быть, я и неправa.

2) Рассуждения диссертанта об использовании различных вариантов имени в зависимости от личности говорящих и констатирующей ситуации, а также предпринятая им попытка обобщения (с. 159-160; 161; 165; 167; 168 и др.) представляются опять-таки достаточно очевидными, поскольку на эту тему существует серьезная научная литература (см., напр., работы Н.И. Формановской, написанные на русском материале).

3) Утверждение автора: «Несмотря на отсутствие лексического значения, имя человека репрезентирует огромный массив разнообразных знаний...» (с. 169), - видится опять-таки достаточно очевидным, если иметь в виду не имя собственное (о нем в данном случае речь, очевидно, идти и не может), а имя прецедентное, о котором уже написано немало серьезных трудов, рассматривающих в том числе и данный вопрос (см., напр., работы Д.Б. Гудкова, Н.С. Сергиевой и др.).

4. К сожалению, в тексте встречаются странные / неудачные формулировки, которые подчас связаны с концептуальными неточностями.

1) Несколько примеров авторского стиля, который, как уже говорилось, подчас затемняет смысл высказываемых идей.

а) С. 30: «С нашей точки зрения, *важным положением* разрабатываемой теории представляется *выделение трех путей конфигурации* индивидуального знания по отношению коллективному: в плане объема, содержания и отношения к интерпретируемому. *Такие типы потенциальных преобразований заданы посредством трех функций языковой интерпретации*: селекции, классификации, оценки» (курсив мой. - В.К.).

б) С. 138: «Несмотря на актуальность исследований ВЗ, продемонстрированного в обзоре научных подходов, *природа данного феномена остается неясной <...>*» (курсив мой. - В.К.).

в) С. 162: «Реализация функции интерпретации и развитие антропонимически репрезентированного концептуального содержания по стереотипо-ориентированной модели предполагает соотнесение индивидуального знания с конвенционально усвоенным, т. е. проецирование мыслительного представления о конкретном человеке на базовую основу социальных стереотипов и идеалов».

г) С. 168: «Следовательно, указание на референта посредством имени происходит при активации суммы знаний, которые связаны конкретным референтом, включая формирование образного “видения”, возможных референтов этого имени, в том числе неодушевленных, или других, которые оказываются значимыми в конкретном контексте именования».

2) На это можно было бы не обращать особого внимания (что я и старалась по возможности делать), но, к сожалению, за столь сложно-путаным текстом стоит не всегда, вероятное, ясное понимание. Например:

«Соотнесение личности носителя имени с закрепленными в обществе стереотипами и идеалами при совпадении множества личностных оценок качеств индивида приводит к тому, что в процессе интерпретации происходит обобщение выделенных черт этого человека, актуализирующих признак, который абсолютизируется в содержании антропонимически репрезентированного концепта» (с. 163). Если перевести это на научный «общепопулярный» язык: акцентируются / актуализируются наиболее важные с точки зрения культуры характеристики (при игнорировании других, менее важных), эталонным носителем которых становится имя собственное.

И тут мы подходим к феномену прецедентного имени, о котором написано уже очень много работ, которые, к сожалению, игнорируются диссертантом. Можно соглашаться или не соглашаться с концепцией прецедентности в целом и прецедентных имен в частности, но вообще даже не упомянуть в данной связи имени Д.Б. Гудкова, который собственно и обозначил эту проблему в науке еще в 1990-е годы, на мой взгляд, недопустимо, тем более для докторского исследования. (Схожие ситуации мы находим на с. 168, 169 и др.)

И в связи с этим не могу не отметить, что некорректно, с моей точки зрения, ставить в один ряд имена типа *Alexander* и *Плюшкин* и рассматривать их как однотипные явления:

«Фактически имя сближается с некой социокультурной универсалией, репрезентируя синонимичное, оценочно маркированное концептуальное образование. Например, "Власть", "Успех" в случае с именем *Alexander* или "Скупость" в случае с фамилией *Плюшкин*» (с. 163). Опять-таки путаность авторского текста и игнорирование концепции прецедентности приводит к неточной, на мой взгляд, интерпретации: разве имя *Alexander* само по себе ассоциируется с концептами «власть» и «успех»? Или все-таки прецедентное имя *Alexander (the Great)*? И что автор считает «некой социокультурной универсалией», а что «оценочно маркированным концептуальным образованием»? Имя? Концепт? И на каких основаниях имя собственное может рассматриваться как концепт (что следует из текста, напр., на с. 164, 197 и др.)? Опять отсутствие четкости и ясности.

3) П. 2.3 «Метод реконструкции процесса понимания с опорой на выводное знание» (с. 187-191) содержит интересный материал, который, на мой взгляд, следовало бы значительно расширить. Этот пункт производит впечатление опять-таки «вставной новеллы» / статьи, просто инкорпорированной автором в текст диссертации. И это очень жаль, поскольку данный фрагмент написан четко, ясно, прозрачно, убедительно, но метод представлен излишне лапидарно (см. с. 190), представленные же в нем выводы (см. с. 189) не имеют широкой аргументации на страницах диссертации.

5. Текст, к сожалению, не лишен случаев неточной цитации / интерпретации / атрибуции; например:

1) на с. 41 «теория прототипов» (в определении диссертанта) почему-то приписывается Дж. Лакоффу, хотя автором рассматриваемой концепции является Э. Рош (о чем, кстати, пишет и сам Дж. Лакофф в упоминаемой диссертантом работе);

2) на с. 97 имеет место абсолютно неточная интерпретация взглядов В.В. Красных в связи с когнитивными пространствами / когнитивной базой и типами пресуппозиций: указанный исследователь никогда не ставила знак равенства между данными понятиями; на с. 126 обнаружилась еще одна абсолютно и концептуально неверная интерпретация того же автора: этот автор никогда не рассматривала текст (как таковой) как ментефакт, или элемент содержания сознания. Прецедентный текст - да, текст как таковой — нет, никогда. Следовательно, диссертант либо не очень понимает разницу, между текстом и прецедентным текстом, либо не очень внимательно читал упоминаемого автора;

3) почему-то выпал из поля зрения диссертанта P.W. Thomdyke и его диссертация, защищенная в Стенфордском университете, посвященная вопросам понимания и запоминания текстов (см., напр., "Cognitive Structures in Compréhension and Memory of Narrative Discourse" // *Cognitive Psychology*. 1977, 9, p. 77-100). Мне явно не хватило ссылок на его работы, напр., на с. 127.

6. Из сугубо технических замечаний. Например:

1) первое слово в *диссертационном* тексте - «реферируемая» («Реферируемая диссертация...», см. с. 5). Что это: невнимательность, небрежность, случайно пропущенная досадная «неточность»?

2) к сожалению, текст не лишен опечаток, хотя, справедливости ради надо сказать, что они не являются принципиальными и носят явно «глазной» характер (см., напр., с. 3, 7, 8, 24, 28, 30, 35, 48, 54, 99, 115, 117, 139, 160, 162, 179, 192, 193, 195, 199, 247, 251, 256, 264, 284, 291, 311 и др.).

В заключение подчеркну, что все высказанные вопросы и замечания в целом не снижают достаточно высокой оценки обсуждаемой работы. Несмотря на приведенные, а также другие возможные вопросы и замечания, считаю, что работу следует признать завершенным, самостоятельным и оригинальным исследованием. Диссертационный труд О.В. Г. представляет собой исследование, которое, думается, внесет вклад в развитие современной науки о языке, языковом сознании, процессах понимания.

Работа соответствует паспорту заявленной соискателем специальности 10.02.19. Вынесенные на защиту положения подтверждены результатами исследования. Автореферат и 49 публикаций, 2 из которых являются Монографиями, а 20 вышли в свет в изданиях, рекомендованных ВАК, полностью отражают основное содержание диссертации. Результаты исследования в должной мере апробированы на международных и российских конференциях и научных семинарах.

Данная работа соответствует критериям, указанным в п. 7 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» № 475 от 20.06.2011 и п. 9 нового Положения, вступившего в силу 01 января 2014 года. Г. О.В., автору рецензируемой работы, может быть присуждена ученая степень доктора филологических наук по специальности 10.02.19 - теория языка.

официальный оппонент

доктор
доцент
29.11.

А.
Д.
Н.